

Решетников Н.И. Три дня длинною в жизнь. Дополнение к автобиографическому повествованию «Три жизни. Сын врага народа. М., 2021.

Три дня, длинною в жизнь

Прошло более полусотни лет с тех пор, как покинул я свою малую родину, свой посёлок Могочино и улицу Озёрную. И только в 2012 году, вернулся сюда, чтобы вдохнуть воздух, которым дышал в детстве и юности. Увидеть родные места. Возможно, повстречать знакомых. Побывать в школе, которую закончил в 1956 году. Свидание с родиной было коротким – всего три дня, отведённых мне судьбою. Но в эти три дня уложилась вся моя жизнь и наяву, и в воспоминаниях. Вначале поинтересовался я информацией об истории Могочино, заглянув в интернет, дополнив свои знания.

В 2026 году исполнится 300 лет поселению Могочино. Много разных событий переживали за это время местные жители. Менялись времена. Менялись поколения. Менялись занятия населения. В советское время Могочино стало рабочим посёлком. Своего расцвета он достиг в 1970-е годы, благодаря интенсивно работавшему лесопильному заводу. А работа – это жизнь, без работы никакой жизни нет. Не зря же пословицы гласят: «Горька работа, да хлеб сладок», «По работе и работника знать», «Работа да руки – надёжные в людях поруки».

Но сменилась эпоха. Пришли новые времена. Страна сменила курс на социалистическое строительство и перешла на капиталистический путь развития. Переход этот весьма болезненно сказался на стране в целом и нашем посёлке в частности, ставшего селом, по состоянию на 2012 год. Сразу оговоримся – картина не из приятных, скорее удручающая. Но ведь русский народ всегда победно выходил из самых тяжёлых условий. Вот и сейчас есть надежда на возрождение. И мой рассказ - это не проявление уныния и безысходности, а констатация факта современности как урок для будущих поколений во избежание повторения таких ситуаций. Всякое намерение об изменении социально-политической и экономической обстановки должно быть взвешенным, глубоко продуманным и научно обоснованным. Без соблюдения этих условий мы будем снова и снова повторять ошибки и получать плачевные результаты. Пусть мой очерк и фотографии будут поучительным уроком для наших потомков.

Вначале кратко обозначим, что же это за поселение под названием Могочино.

Могочино

Могочино расположено на правом берегу Оби между районными центрами Молчаново и Колпашево. В советское время здесь был хорошо развит речной транспорт. По реке от верховьев Оби до Нижневартовска курсировали пароходы «Карл Маркс» (в просторечии Карламарла или просто Карла), «Пролетарий» (Палаша), «Богдан Хмельницкий» и другие. На смену им пришли «Ракеты» и «Метеоры». Ныне речной транспорт прекратил своё существование. В связи с освоением нефтяных месторождений вдоль левых берегов Оби проложена автомобильная трасса, по которой курсируют не только грузовые машины, но и пассажирские автобусы. С левого берега от посёлка Нарга через Обь в Могочино можно переправиться на пароме. В советское время существовали пристань и речной вокзал. Ныне их нет. Паром причаливает к месту, где в оные годы располагался лесопильный завод, коего тоже нет. Нет и биржи пиломатериалов с причалами для буксиров и барж. На её месте образовался пустырь с выросшими осиновым лесом.

«Село **Могочино** (на географических картах Могочин) — населённый пункт на правом берегу Оби в 18 километрах ниже впадения Чулыма в Молчановском районе Томской области. Административный центр Могочинского сельского поселения, куда входят ещё Игреково и Сулзат. Пристань на реке Оби². Официальный статус Могочина постепенно понижается по мере сокращения населения. Сейчас это село, ранее оно имело статус рабочего посёлка. Жители иногда называют его деревней. Ни один из статусов не является верным в современном понимании, так как здесь нет ни промышленных, ни сельскохозяйственных предприятий.

Могочино первоначально называлось Могочинские юрты и было селькупским посёлком, считается, что он был основан в 1726 году.

Вблизи села множество **гидрообъектов**: рукава Оби — Кривая Лука, "Протока" (заводская); озёра — Чембульдо, Могильное, Анга, Пожарное, Озерка (в посёлке за дамбой)³, Концо, Протаска (внутри дамбы)⁴. Из-за частых наводнений (первое здание поссовета было разрушено потоком воды в 1950-е гг.⁵ и на его месте теперь тоже небольшое озеро⁶ рядом с нынешним сельсоветом) первые постройки располагались на возвышенностях, имели случаи строительства домов на острове Зелёненском. Уровень грунтовых вод настолько высок, что летом затапливаются погреба и подполья в Дамбе, а воду из колодцев можно набирать, опустив колодезное ведро на 2-3 метра. Выходы воды на поверхность можно увидеть в Советском переулке (между Кирова и Первомайской улицами), в конце улицы Северной. Раньше существовало озеро на Советской улице, из-за которого сама улица делает изгиб, а на его месте после осушения был построен сельский клуб⁷. Также заводская протока ранее была рекой, впадавшей двумя рукавами в Кривую Луку и Обь, река была осушена, а её рукава образовали Заводскую протоку. Считается, что все гидрологические объекты в западной части села (линия по переулкам Вокзальному, Школьному и переулку без названия (что от улицы Мичурина до улицы Крылова), включая Протаску, Концо и Озёрку, были частью одного большого озера, впоследствии пересеченного дамбой и пересыпанного в других местах.

Острова: Зелёненский остров расположен вблизи села, образован Кривой Лукой, Заводской Протокой и рекой Обью. Около 1960-х годов на острове ещё жили люди, было две улицы, при этом на острове не было магазина и начальной школы, поэтому жители постоянно должны были переправляться через протоку на лодках, для того, чтобы попасть в Могочино. Если протока была занята сырьевым лесом (лес для лесозавода сплавался по Чулыму и ожидал переработки в Заводской протоке, то люди переходили пешком по плотам. Со временем протока была забита отходами и пиломатериалом и

¹ Энциклопедия Томской области. Т. 1: А — М. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. // <http://blog.kob.tomsk.ru/wiki/index.php/%D0%9C%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%BE> Более подробно см. на сайте: toviki.ru

² Нет ныне никакой пристани. Даже следов её не найти.

³ В статье не называется ещё три озера за дамбой. Это Кузнецовское по другую сторону от Озёрной улицы, а также Попович и Кривое, куда мы ходили на рыбалку и возвращались со знатным уловом.

⁴ Есть ещё Круглое озеро.

⁵ В 1950-е годы были обычные наводнения. А бурный поток прорвался сквозь посёлок в 1930-е года, потому и дамбу стали возводить в 1936 году. Ныне крупных наводнений нет, а дамба превратилась в проезжую часть для грузового транспорта.

⁶ Это поссоветская яма округлой формы, наполненная водой, а не озеро.

⁷ Не сельский клуб, а поселковый Дом культуры. Построен в 1950-е годы. Неподалеку находившийся клуб стал Домом пионеров.

появился пеший переход на остров. За Зелененьким островом имеется большой по размерам остров, не имеющий особого названия и именуемый «Остров», образован Обью и Кривой Лукой — постоянного населения на нем не было — жители используют его как покос, а также собирают на нем смородину и другую ягоду. На острове есть небольшая река — Сосновая курья, впадает в Обь.

Дамба: По мере увеличения населения вокруг посёлка была сооружена защитная дамба, но строительство продолжилось не только «в дамбе», но и «за дамбой» (улицы Больничная, Калинина, Гагарина, Юбилейная, Кутузова, Молодёжная — район дороги на Игреково; улицы Пролетарская, Нарымская, Крылова, Озёрная — район дороги на кладбище и покосы. Сейчас эти улицы больше всего страдают от наводнений. По части Западной, всей Северной и части восточной стороны дамбы проложена грунтовая дорога. В некоторых местах по дамбе ходят улицы: Участок улицы Больничной по восточной стороне, Конец улицы Северной. Вдоль северной стороны дамбы проходит одна из самых длинных в селе улиц: Северная. Жители этой улицы, особенно стороны, примыкающей к дамбе, выносили свои хозяйственные постройки на дамбу или за дамбу, распахивали за дамбой площади под картофель. Сейчас пространства за дамбой используются все меньше так как в поселке очень легко найти пустующие огороды. С восточной стороны к дамбе подступает Заводская протока. Дамба постепенно уплотняется и уже не спасает от наводнений. В 2005-2006 гг. были выделены средства для ее укрепления, проведены работы по наращиванию дамбы, особенно в местах пересечения дамбы другими дорогами. По убеждению жителей посёлка, большая часть денег была украдена, а новая дамба пропускает грунтовые воды, отчего погреба стоят затопленные все лето...

Электроэнергия поступает по высоковольтному переходу через Обь, смонтированному на опорах высотой 105 метров. Опоры были поставлены в 1970-е годы и сейчас видны из любой точки Могочина и Нарги. До этого использовалась дизель-электростанция.

Транспортная доступность слабо удовлетворительная. С левым берегом село связано паромной переправой «Могочино — Нарга», принадлежащей частному предпринимателю. Ближайшая автобусная остановка находится за крутым подъёмом, примерно в 1000 метров от места пристани парома на левом берегу. Автобус Молчаново — Нарга — Томск подходит к этой остановке 3 раза в день. Автобус Томск — Нарга доходит только до автостанции «Нарга» в 3 километрах от берега. Несколько раз в неделю через Могочино проходит автобус Молчаново — Суйга, который периодически назначается или отменяется в зависимости от пассажиропотока. Этим маршрутом, скорее всего, в основном пользуются не суйгинцы, а приезжие, промышленяющие сбором дикоросов. Автобус (весной и осенью — вахтовый автомобиль «Урал» высокой проходимости) был пущен взамен теплохода «Заря», связывавшего отдаленные села на Чулыме с районным центром. В селе всегда можно договориться о поездке в Томск с предпринимателями, занимающимися извозом. По посёлку раньше (не позднее 1993 года) ходил заводской служебный автобус, движение которого было прекращено с началом кризиса на заводе и после этого не возобновлялось.

Зимой действует ледовая переправа. Автобус Молчаново — Нарга иногда проезжает в Могочино по льду (обязательна высадка пассажиров) Весной и осенью посёлок оказывается отрезан от большой земли на период тонкого льда, ледохода и ледостава. Малая авиация, в силу бедности района, не практикуется.

Население 2939 человек (2007)^[1]. Очень много семей уехало в 90-е годы, им на смену приехали так называемые «церковники», появившиеся здесь после основания Свято-

Никольского женского монастыря, причем насельников самого монастыря из них лишь малая часть. В советские годы в селе жило много депортированных немцев, ссыльных поселенцев, бывших зажиточных крестьян, бежавших от насильственного раскулачивания и коллективизации. В лучшие годы население составляло 6-7 тыс. человек¹.

Сейчас основное население: «церковники» и пенсионеры. Среди населения высокий уровень смертности. Среди причин смерти: отравления некачественным алкоголем, травмы, полученные в состоянии опьянения (обморожения, ДТП и проч.), депрессивный образ жизни, пожилой возраст.

Градообразующим предприятием села был Могочинский лесозавод объединения «Томлеспром», который после неудачной приватизации был закрыт, а его имущество подвергнуто неконтролируемому расхищению в 90-е годы.

Основным доходом населения являются пенсии, работа на вахтах, бизнес (розничная торговля, частный извоз, минимальное лесопиление для нужд поселка). Дополнительным промыслом является рыболовство, в меньшей степени сбор дикоросов (кедрового ореха, клюквы и т. п.). Некоторые бывшие жители приезжают сюда на рыбалку, как на отдых. В последние годы всё меньше разводят крупный рогатый скот.

Оставшиеся предприятия:

- Больница (досталась в наследство от того времени, когда Могочино считалось опорным населенным пунктом на правом берегу). Сейчас размещена в здании закрытой восьмилетней школы. С октября 2009 планируется перевод больницы в статус дневного стационара.
- Средняя школа им. А.С. Пушкина
- Паромная переправа
- Сельская библиотека
- Дом досуга (открыт в здании универмага не позднее 2001 г. Старый клуб был закрыт около 1992 г., его здание было расположено в центре посёлка, около средней школы, разрушено не ранее 1997 г.)
- Почтовое отделение
- Автоматическая телефонная станция
- Ранее действовали также:
- Пищекомбинат;
- Хлебозавод;
- ветеринарный участок;
- поликлиника (объединена с больницей);
- как минимум 2 детских сада и ясли;
- восьмилетняя школа;
- комбинат бытового обслуживания;
- Сельпо;
- ОРС;
- конный обоз;
- хозчасть (мини-совхоз);

¹ В других случаях указывает более 8 тысяч, а то и до 10 тысяч человек. К настоящему времени осталось около двух тысяч человек. Многие дома продаются.

- нефтебаза (сейчас нет даже АЗС); пристань «Могочино» и речной вокзал. Рейсы на «Метеоре» выполнялись до Томска, Новосибирска и Колпашева, последние из которых ходили еще в 2001 г.).

Большинство предприятий, будучи тесно связанных с лесозаводом, пришли в запустение после его закрытия. Единственные учреждения открытые и развивавшиеся в 1990-е годы и в настоящее время — Свято-Никольский женский монастырь и Преображенский мужской монастырь на Волоке (10 км от Могочина). Существуют за счет бескорыстного труда и взносов церковников — волонтеров, поселившихся рядом с монастырем с момента его появления, основав подобие православной общины, и чья жизнь зависит от существования монастыря.

В 90-е годы было открыто много продуктовых магазинов, сейчас часть их закрылась и число их тех немногим более того, что было в советские годы. В селе нет ни одного книжного магазина. Но был открыт и активно работает филиал похоронного бюро.

Улицы: 8 марта, Базарная, Береговая, Больничная, Ворошилова, Гагарина, Дзержинского, Заводская, Калинина, Кирова, Колхозная, Кооперативная, Крылова, Кутузова, Мичурина, Молодёжная, Мостовая, Нарымская, Обская, Озёрная, Октябрьская, Первомайская, Пролетарская, Проточная, Рабочая, Северная, Советская, Спортивная, Суворова, Фрунзе, Чехова, Чкалова, Шевченко, Школьная, Юбилейная.

Переулки: Больничный, Вокзальный, Колхозный, Советский, Школьный.

Дома в основном деревянные, одноэтажные. В конце улицы Мичурина и на улице Шевченко были построены двухэтажные дома с центральным отоплением от Лесозавода (в топливо шли опилки), сейчас отопления в этих домах нет. Очень много жилья было построено заводом для своих рабочих: т.н. двухквартирники — встречаются почти на всех улицах, особенно поздно застроенных. Последние из этих домов построены еще в начале 90-х годов. Эти дома построены из бруса. Остальные дома строились из круглого леса. Сохранившиеся с довоенных времен дома в основном засыпные или щитовые.

В Могочинской средней школе действует музей А.С. Пушкина, притом, что поэт никогда и не знал о существовании такого далекого поселка. Музей вырос из кружка почитателей творчества великого поэта и является местной достопримечательностью.

Другой достопримечательностью, а вернее местом паломничества, можно назвать **Могочинский Свято-Никольский монастырь**. Иногда на пароме можно заметить группы людей, приехавших на собственном микроавтобусе, скромно одетых, незнакомых местным жителям. По всем признакам это — паломники».

Возвращение на родину

Таково описание Могочино в Энциклопедии Томской области. К этому следует добавить несколько моих замечаний как уроженца посёлка, прожившего здесь 19 лет. Родился я в 1939 году. Покинул Могочино в 1958 году.

По устным преданиям старожилов, первым поселенцем на берегу Оби был рыбак Могочин. Был он из сибирских остяков, как именовались коренные жители. Остяки ещё в 1950-е годы населяли окрестности и слыли добропорядочными и деловыми людьми. Нередко к остякам обращались за помощью в трудные житейские невзгоды. Жил он на

Оби. Место удобное для поселения и для рыбалки в особенности. На этом месте и возник лесозавод, имевший в советское время всесоюзное значение, так как поставлял свою продукцию во многие города Советского Союза, в том числе и на шахты Кузбасса.

В школьном музее рассказывают свою версию основания поселения. По легенде, жил в стародавние времена могучий богатырь Могоча. Могоча (Могуча) – значит могучий. Он совершал многие подвиги, защищая родное племя. Наследники Могочи также обладали могучими силами, которые и позволяли им выжить в суровых условиях сибирской тайги. От прозвища Могоча и образовалась фамилия Могочин. У Могочина стали поселяться и другие люди. Потому и поселение стало называться Могочин. Позднее по примеру поселений Молчаново, Колпашево, Игреково, Кривошеино, Тунгусово поселение Могочин (что отмечалось на старых картах) стало называться Могочино.

В Энциклопедии Томской области говорится о школе-восьмилетке. Изначально это была семилетняя школа. Она находилась в начале Северной улицы. Семилетка была первой школой в посёлке. Мы с братом Виктором в ней учились и закончили в 1953 году.

Описывая острова, автор в Энциклопедии не упоминает Сарафановский остров. Вероятно, потому, что острова к тому времени практически не было. Сарафановский – по имени деревни Сарафановка, располагавшейся на левом берегу Оби несколько ниже Могочино. Так вот. Ранее старое русло Оби от места ниже Могочино проходило в правую сторону. Течение реки пробилло со временем новое русло ближе к левому берегу. А старое русло превратилось в Старицу. Между Старицей и Обью и образовался остров. Со временем Обь стала мелеть. Сильное течение Оби стало намывать песок на русло Старицы. В XXI веке песку намыло столько, что на остров можно ходить пешком. Теперь это не остров, а полуостров с оконечностью ниже Сарафановки.

Намытый песок к Сарафановскому острову, справа видна Старица, слева основное русло Оби. Вид с правого берега реки (2012)

Переход на Сарафановский остров(2012), вдали – Старица, куда мы ходили на рыбалку, ловили на удочку и закидушку, ставили перемёты. Отсюда можно было проплыть на лодке к Озёрной улице.

Автор статьи в Энциклопедии Томской области называет 35 улиц. Среди них и Заводскую улицу. Но Заводских улиц было три. Первая Заводская начиналась от Поссоветской ямы шла до дамбы и переваливала через неё далее по гриве. Вторая Заводская шла параллельно первой с северной стороны, а далее – Третья Заводская, начинавшаяся от Конного двора. Ныне Вторая Заводская называется Кооперативной, а Третья Заводская – Мостовой.

Откровенно говоря, ныне улицы посёлка (ныне села) предстают собой удручающее зрелище. На некогда оживлённых улицах зияют пустыри. Например, на нашей Озёрной улице проживало 13 семей: Мишустины, Медведевы, два дома Решетниковых (Ивана и Гавриила Михайловичей), Головины, Чуйковы, Кононенко, Бондаренко, Писаревы, Паханины, Резинкины, да на другой стороне Кузнецовы (потом Казанцевы) и Окуневы (потом Парфёновы). К 2012 году оставался один жилой дом на месте дома Головиных, в котором ранее проживали Чечулины. За домом Кузнецовых была большая поляна, которую мы превратили в футбольное поле. А за полем располагалось Кузнецовское озеро, на которое в весеннее половодье заходили пароходы. Улица как таковая ныне не просматривается, теперь там сплошные пустыри.

Была у нас когда-то пекарня. Потом построили хлебозавод. Но от него остался один остров. Да много чего нет. Кануло в лету. Исчезло в небытие. Это и в Энциклопедии отмечается. Стадион ещё территориально существует, но место для спортивных состязаний практически не функционирует. Там проводятся иногда праздники проводов Масленицы. Трудартели нет. Конного завода нет. А самое главное – нет лесозавода, градообразующего предприятия. Правда, около сельской администрации и поссоветской ямы в сторону улицы Чехова высажена Аллея памяти с памятником Неизвестному солдату. В прошлом здесь была большая поляна, на которой стояло двухэтажное здание завкома (заводского комитета). Там же была касса, где рабочие, в том числе и мы,

подростки, получали зарплату. Зарплату выдавал кассир, участник войны, инвалид с протезом вместо одной ноги. По фамилии-имени его никто не называл, а по прозвищу все его вали Коля-Ножка. Даже поговорка была «Коля-Ножка, сунь в окошко». Деньги он подавал в окно кассы, а в ведомости на зарплату против фамилии, где надо было расписаться, ставил галочку толстым красным карандашом.

Нет уж там здания завкома. Нет пожарки с каланчой и конным двором, что стояла против заводской проходной. Нет и книжного магазина Когиз, так называлось книготорговое объединение государственных книжных издательств. Там мы покупали книги и канцелярские принадлежности.

Всё течёт. Всё изменяется. Жаль, что ныне в худшую сторону.

Покинув Могочино в 1958 году, я два года учился и работал в Новосибирске, а потом служил в армии. За многие годы побывал во многих городах и весях необъятного Советского Союза. Учился и работал в Новосибирске. Бывал в гостях у брата Василия в Берёзовке, где он работал на шахте горным мастером. Жил в Алма-Ате, куда переехали наши родственники, а потом и мои родители. Служил в армии в Подмосковье, где и живу в настоящее время, в городе Долгопрудном. Работал в Москве, Париже, Каргополе Архангельской области. Побывал в экспедициях на Камчатке (трижды), в Северном Казахстане и южной части Тюменской области, Каргопольском районе Архангельской области. Обследовал фонды письменных источников практически во всех музеях Вологодской области. Принимал участие в научных конференциях в Москве, Париже, Вологде, Тотьме, Архангельске, Северодвинске, Каргополе, Краснодаре, Алма-Ате, Усть-Каменогорске, Барнауле, Томске, Севастополе, Калининe. Проводил курсы повышения квалификации музейных работников в Пскове, Орле, Воронеже, Иваново, Петрозаводске, Тамбове, Калуге, Ялте. Изучал опыт работы музеев Украины, Аджарии, Грузии, Казахстана, Эстонии. Побывал в путешествиях по горам Кавказа, Крыма, Черногорского и Свидовецкого хребтов Западной Украины. Путешествовал пешком, на велосипеде, лыжах и на лодке по Подмосковью.

Размышляя о своей прожитой жизни, срифмовал на досуге строчки о своих скитаниях по стране.

Белоснежная Русь, Златожнивая Русь,
Русь в просторах, зелёных раздольях.
Ты в багряных лесах, Ты в цветистых полях,
В синеве рек-разливов придолях.
Куполами блестяшь, Звонким звоном звенишь,
Русь моя в белокаменном зодчестве,
Деревянная Русь, Благодравная Русь,
Русь крестьянская, славная зодчеством.
Я хожу по Руси. Я брожу по Руси,
Я изъездил от края до краюшки.
Где бы я ни бывал, что бы я ни видал,
Ты была всегда доброй хозяйюшкой.
Ты в Сибири вспоила меня молоком,
На Камчатке я рыбой питался,
На Онеге калитки я ел с творогом,
Клюквой-ягодой здесь наслаждался.
Пил на Севере морс, в Казахстане – шубат,
на Урале кормился картошкой,
Алматинским апортом угацивал брат,
В Подмосковье бродил я с лукошком.
На российских просторах бывал в городах,
В сёлах крупных и малых деревнях,

Но нигде, никогда не испытывал страх,
Не блудил никогда меж деревьев.
Всюду добрые люди встречали меня,
Всюду с добрым приветом встречали,
Всюду грели меня у родного огня,
Всюду лаской меня привечали.

Кто приютит?
Долго ль мне бродить по свету,
Жить в различных городах,
Пребывать зимой и летом
В чужестранье иль в гостях.
От Камчатки до Парижа
Проторил я жизни путь...
Жил в Сибири, но увижу ль
Я её когда-нибудь?
Казахстан, Кавказ, Карпаты –
Где я только ни бывал...
Крым, Урал, Москвы палаты –
Что я только ни видал!
Был в Карелии, на Волге,
Был в Ростове-на-Дону,
Был в Эстонии недолго.
Селигерскую волну
Испытал с детьми я в лодке,
На Аваче ночевал.
Был в Киргизии. Охотно
На Эльбрусе побывал.
Был в Батуми, Ялте, Омске,
Ярославле и Твери,
И студентом в старом Томске,
Был в Калуге раза три.
Побывал в Орле, Тамбове,
Краснодаре, Киеве,
Был и в северном Ростове.
Много мест я выявил.
Подмосковье, Каргополье,
Вологду обследовал.
Был проездом в Чистополе,
По тайге я следовал.
Был в Тянь-Шанских я предгорьях,
Клинско-Дмитровских угорьях,
В дальних северных болотах
И в Сибири на охоте.
И Архангельск, Севастополь
И Судак я посетил,
Проезжал и Симферополь
И в Тольятти тоже был.
Был, конечно, в Петербурге,
Посетил Казань и Псков,
Жил и в Екатеринбурге,
В Туле снова быть готов.

Где ж меня кто остановит?
С кем закончу жизни бег?
Кто узду мою изловит?
Успокоит кто навек?
Где найду свою я долю?
Может быть, на в Каргополье!?

Не нашёл я своей доли
Ни в Крыму, ни в Каргополье.
В Долгопрудный возвратился,
Здесь немного пригодился
И в деревню удалился.

И всюду я вспоминал свою родину, сравнивал наши могочинские места с другими территориями и мечтал когда-нибудь побывать в Могочино. Даже во сне иногда всплывали картины детских и юношеских лет жизни.

И вот мечта сбылась. Хотя и поздно, но сбылась. Случилось это в 2012 году.

До боли родные места

В серый промозглый день автобус из Томска остановился в Нарге.

Была у нас деревня Нарга, Знаменкою называлась.

А ныне Новостройка Наргою прозвалась.

От самой же Нарги ничегошеньки не осталось,

И дорога туда позарасталась,

И жизнь колхозная позабывалась.

Очень я удивился, когда узнал, что бывший в моё время посёлок под название Новостройка, называется теперь Наргой. Нарга – это ведь древнее название неподалеку располагавшейся деревни, которую в годы советской власти назвали Знаменкой. Первоначально здесь колхоз «Знаменка» создан, потому и деревню, по мнению властей того времени, с неблагозвучным названием, поименовали Знаменкой, был здесь и Знаменский сельсовет. Это было время первоначального создания колхозов, когда в каждой деревне был колхоз. Потом колхозы укрупнялись, создавались центральные усадьбы, а маленькие деревни оказывались не перспективными и постепенно умирали. Когда мы учились в школе, то старшие классы направлялись в колхоз во время уборочной страды. Работая в Знаменке, мы жили несколько дней в доме пожилой женщины. Помню, как она заботливо привечала нас и топила печку, чтобы мы отогрелись после работы на осеннем холоде. Но спали мы не на печке, а на полу. На печке хозяйка сушила зерно, полученное на трудодни. Теперь же Нарги-Знаменки не существует. Осталось одно прежнее название Нарга, полученное посёлком, изначально называвшемся Новостройкой.

Из Томска до Нарги ходит рейсовый автобус. От Нарги с её банькой к берегу Оби пошёл я пешком под зонтиком, обозревая, как изменились с детства знакомые места.

По пути благоустроенные домики с аккуратными огородами.

Асфальтированная дорога с разделительной полосой и чистые обочины.

Дом с палисадником. Вход с двух сторон, т.е. на две семьи. Улица К. Маркса, 24

Переулок. Тоже чистотой отличается.

От Нарги дорога уводит нас далее к Оби. Три километра пешего пути. Хотя иногда и автобус Молчаново – Нарга спускается до реки

Ещё один аккуратный дом. У дома сельхозтехника – примета нового времени и показатель зажиточности местного населения.

Сарай с заготовленными стогами сена и сельскохозяйственной техникой.

Слева поворот в сторону бывшего пионерского лагеря, где располагается ныне дом престарелых. В пионерском лагере я отработал два лета в качестве старшего вожакого (1957) и вожакого первого отряда (1958). Оттуда уходили мы походами, изучая окрестные места.

Начинается спуск к реке, довольно крутой. Зимой на лошадях опасно было ехать, потому как сильно заносило на поворотных раскатах.

Впереди как раз и начинается крутой спуск. Вдали в морозящей дымке виднеется река и на противоположной стороне край Могочино, место, где начинался лесозавод с гаванью сплавляемого леса.

Вот и берег Оби. Над рекой мглисто. На противоположной стороне видна опора ЛЭП (линии электропередачи) в районе бывшей пристани и речного вокзала. Проводов над рекой с левого берега из-за дождевого сумрака не видать. На этом берегу в правую сторону были когда-то жилые дома, где, кстати, проживала моя первая юношеская любовь. Опора ЛЭП - своеобразный знак-ориентир наподобие Эйфелевой башни в Париже. В мою бытность её не было. Зато была вышка, наверное, такой же высоты, принимавшая с левого берега провода радиолнии. Располагалась она ниже по течению за дамбой напротив Сарафановского острова.

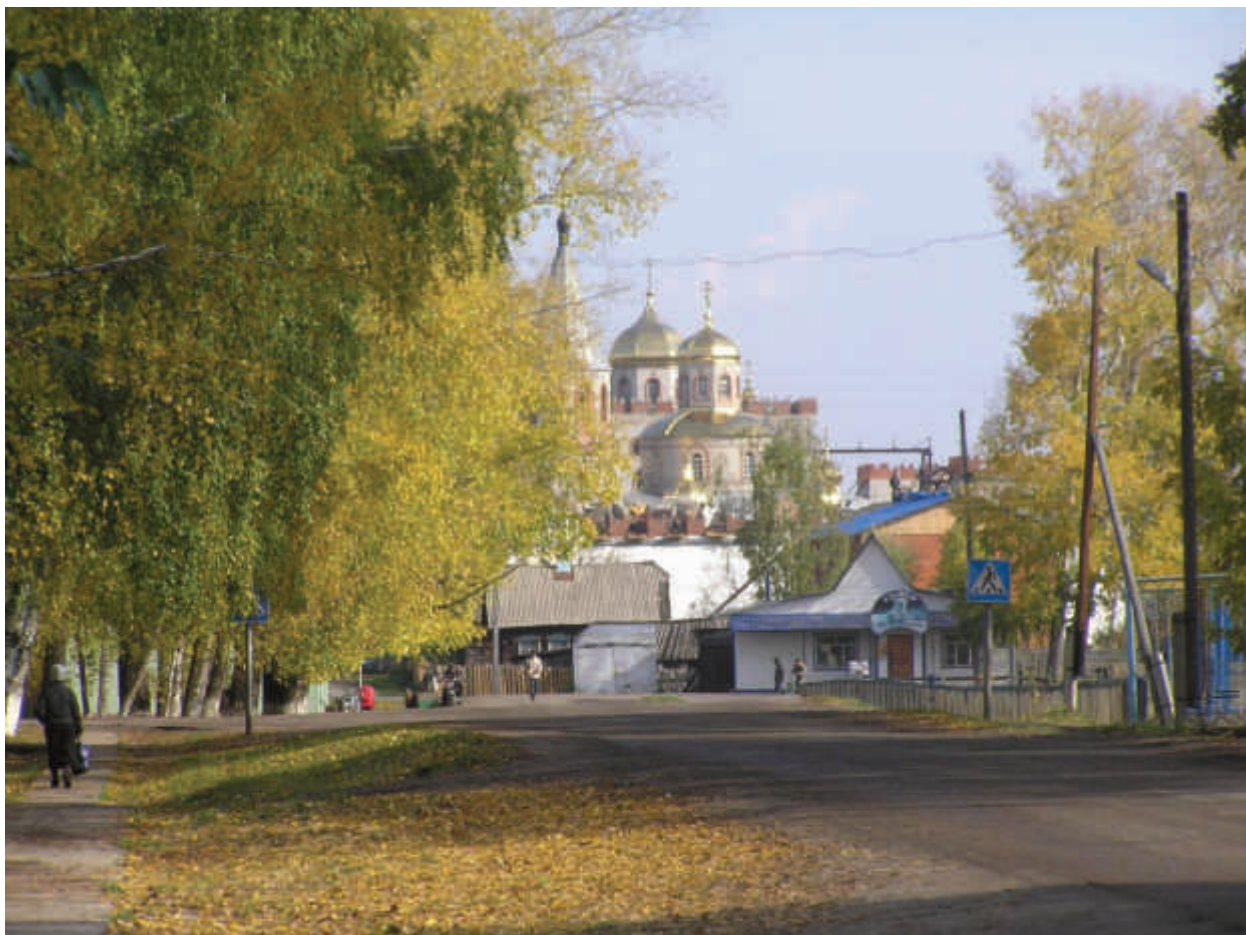

Паром причалил к могочинскому берегу. (Снимок сделан на другой день, когда стало ясно)

Но причалились не в ожидаемом мною месте. Я думал, что паром остановится у пристани, где в прошлые годы стоял дебаркадер, а неподалеку, через дамбу, находился вокзал. Но паром причалил к месту, которое я никак не мог определить, где находится это место. Только потом выяснилось, что это бывшая территория завода, где когда-то работала бревнотаска,

своеобразный подвижной эскалатор, на который с реки баграми, стоя в воде, заправляли брёвна, подававшиеся в цех на распиловку.

Мелкий дождь всё сыпал и сыпал с неба. Идя с попутчиками, я никак не мог определить, где же мы идём, где же памятные мне с детства улицы. Но вот пришли в женский монастырь, где меня и поселили.

Улица Озёрная

Оказавшись в Могочино через 54 года, прежде всего, побывал я на улице Озёрной, надеясь увидеть свой родной дом. Увы. Дома нет. Да и улицы в прямом назначении нет. В 1950-е годы на нашей Озёрной улице было 13 домов с приусадебными участками. Затем было построено ещё несколько домов. Ныне остался только один жилой дом. На месте других домов, в том числе построенных после 1960-х годов, только руины или пустырь.

Фото из альбома Лёни Мишустина 2009 года. Спуск с дамбы на Озёрную улицу. Дом Мишустиных, в котором проживали потом Писаревы, ещё стоял. Ниже на моём снимке 2012 года слева остатки дома Мишустиных. Справа пустырь на месте домов, построенных после 1960-х годов.

В былые времена по нашей улице утром спускалось с дамбы тучное стадо коров и вечером возвращалось с сочных лугов. Каждая корова с отяжелевшим от молока выменем приходила к

своему дому, где ожидала её заботливая хозяйка. Согласимся с народной мудростью: «Корова на дворе – харч на столе». В нашем рабочем посёлке почти в каждом доме была своя корова.

До сих пор помню звон струи молока о дно подойника, когда мать доила корову. С нетерпением мы ждали парного молока. Парное молоко мы пили вечером, после вечерней дойки. Утром-то коров доили рано, отправляя на пастбище. Зато днём мать доставала из подполья кувшин с прохладным молоком, который пили мы с величайшим наслаждением.

Ныне никакого стада коров нет. Одинокие, они пасутся вдоль обочин дороги.

Вот и вся Озёрная улица с обмелевшим озером. Видны всего лишь два дома, а жилой дом только один. Справа, на месте заросших развалин, стоял наш дом под номером 5.

Вот этот жилой дом. На этом месте, рядом с нашим домом, был дом Головиных, в котором проживали потом Чечулины.

Эта семья в 2012 году. Проживает ли она там в 2021 году?

Где моя улица, где же мой дом?
Ныне там виден один бурелом.
Нет там молочного стада коров.
Там не нашёл я родительский кров.
Где моя пристань, речной где вокзал,
Откуда я в Томск иногда выезжал?
Где мой прославленный лесозавод?
Где мой приветливый, славный народ?
Где ж мои верные детства друзья,
Которых забыть невозможно, нельзя?
Где ж моя улица, где же мой дом?
Где же рябина под милым окном?
Нет уж рябины, и дома уж нет...
Кто даст мне верный, разумный ответ?

Обмелевшее наше озеро без признаков жизни. Снимок с дамбы. На этом берегу было всего два дома, в которых жили Кондратьевы и Симаковы.

А ведь красивы были его берега. Они и сегодня местами привлекательны. Это снимок с конца улицы Озёрной, вид в сторону дамбы. Здесь жили Резинкины (последний дом), Паханины и Писаревы. Снимок в сторону дамбы.

Озеро за околицей на закате дня в преддверии грозы.

Здесь в былые времена стояла ограда-часток нашего огорода. А на берегу мы загорали после купания в озере.

Территория бывшего нашего огорода. В зарослях с левой стороны стоял наш дом, срубленный в 1946 году. Там гниющие остатки развалин дома. Левее, между нашим и домом Головиных росла могучая черёмуха со сладчайшими крупными ягодами.

И всё, что осталось от соседнего дома. Была же здесь широкая улица, по которой ходило стадо коров на луга и обратно. От коровьих ног на сырой земле оставались ребристые полосы поперёк дороги.

Заросли на Озёрной улице. В прошлом веке здесь были картофельные поля. И где эта улица, где дома и картофельные поля?

Много раз проходил я по бывшей Озёрной улице. Туда и обратно. Переходил на другой берег озера. Искал поляну, где мы играли в футбол. Искал дома, в которых жили мои друзья. И ничего не находил. И ничего не узнавал.

С превеликой грустью покинул я Озёрную улицу и перешёл через дамбу в

посёлок, ставший селом.

На нашей улице Озёрной
Коров доили поведёрно,
А ныне там один пустырь,
Вдали лишь виден монастырь.
Жил в дамбе Мишка-друг, Хоменко,
За нами Валя Кононенко,
Там Писарь Колька, хулиган,
Всегда пустой имел карман.
А там Паханиных девчонки,
В семье у них-то ни мальчонки.
Резинкин Коля да Иван,
Там Шурка Чуйков мальчуган.
Жил с Нюркой там Медведев Гришка,
Хороший мастер был, парнишка,
За мастерство пятёрку дашь,
Но вот шершавый карандаш
В его руках держался хило,
Учился плохо, через силу.
Мы с братом Виктором на пару
Топили баню без угару,
Напарившись бежали, чтоб
С разбега бухнуться в сугроб.
Там брат наш Коля Симаков,
В охоте очень был толков,
Возьмёт, бывало, длинный бич
И принесёт на ужин дичь.
У дамбы жил Степан Мишустин,
В большой семье он был не грустен –
Василий, Анна да Илья, Да Лёня – дружная семья.

Мишустину Лёне.

Ты помнишь, Алёша, Озёрную улицу?
Ты помнишь, как бегали мы босиком?
А ныне приходится чаще сутулиться
И вспоминать лишь о детстве былом.
Ты помнишь, как дамбой мы бегали в школу?
И как тротуаром вечерней порой

С напевом мелодии из «Периколы»
Ходили на пристань весёлой гурьбой?
Ты помнишь, ты помнишь, и я тоже помню,
Как слушали песни мы под патефон.
Ты вспомни, ты вспомни, и я тоже вспомню
Наш клуб пионерский и наш стадион.
Ты вспомни разливы, разливы весенние,
Когда до окон доходила вода.
Ты вспомни распутицу нашу осеннюю...
Для нас это было совсем не беда.
Когда нас водою весной заливало,
Когда заходила вода к нам во двор.
Мы слушали всею семьёю, бывало,
Лягушек звенящий разливистый хор.
На лодку и - в гребни. На Обь выплывали.
Плотили мы брёвна весенней порой.
Плоты эти к ночи домой приплавляли...
Не знали, что значит – уют и покой.
Я помню, как с лодками мы управлялись,
Катали девчонок при свете луны,
За луком в луга по весне отправлялись
И не боялись холодной волны.
Я помню, как с дамбы на лыжах катались,
С трамплина и с вихрем по озеру вдаль,
Как в снежных сугробах порой кувыркались,
Не зная, что значит –беда и печаль
Ты вспомни, как было. И я вспомню тоже...
Но ныне ползёт там гадюка-гюрза.
Над детством, что знаешь, всего нам дороже,
Над родиной нашей нависла гроза.
Нет школы давно, нашей, той – семилетки,
В руинах лежит лесопильный завод.
И в детском саду не резвятся уж детки
И не гудит на реке пароход.
Уж нет и в помине коровьего стада.
Где были дома, зарастает пустырь.
Кому и зачем это всё было надо?
Ужели же путь нам один –в монастырь!?

Пройдёмся по другим могочинским улицам

Перейдём от Озёрной улицы через дамбу к улице Северной и посмотрим в сторону Первомайской улицы. Перед нами обмелевшее озеро внутри дамбы. Слева конечные дома Северной улицы. В центре конец Первомайской улицы и дом, в котором доживала свой век Валентина Кононенко (в замужестве Соросек).

С этим озером у меня свои воспоминания. В наше время оно начиналось от самой дамбы у огорода Мишустиных (слева). Зимой катались на лыжах с дамбы, соревнуясь, кто дальше укатит по озеру. Летом там плавали, а с мостика около дамбы ловили гальянов. Да-да, тех самых гальянов, о которых рассказывает в своём видеофильме Антонина Чабан. Так вот у этого мостика произошёл случай, в результате которого я чуть, было, не утонул. Я этого не помню. Мал был. Но об этом часто рассказывал мой старший брат Василий. Родители были на работе, брат Виктор – в детском саду, сестра Шура уже с нами не жила. Поэтому Василий оставался дома один и должен был присматривать за мной. Было ему тогда 12 или 13 лет. День был солнечный ясный, и он отправился на рыбалку ловить гальянов. Меня взял с собой, оставил на берегу и с мостков стал ловить гальянов. И вдруг услышал, как что-то булькнуло у него сзади. Оглянулся, а малыша-то на берегу нет. Одни круги на воде сзади ног у мостков. Это я, стало быть, тихой сапой пополз по узким мосткам к брату да чебурахнулся в воду. Василий бросил удочку, прыгнул с мостков, выхватил меня из воды и помчался домой. Дома родителям ничего не говорил, а я пожаловаться ещё не мог. Спустя много лет он поведал эту историю семье, а потом, когда мы, уже будучи взрослыми оказавшись в разных местах, встречались, непременно

вспоминал эту историю. Он и любил меня больше Виктора. Наверное, испытывал чувство вины за тот давний недосмотр за ребёнком.

Выхожу с дамбы на Первомайскую улицу. Напротив последнего дома застал картину с возвратившейся с пастбища коровой.

Ныне нет ни одного стада в селе. Нет и пастухов. Одиночные коровы сами ходят кормиться на луга и к вечеру возвращаются домой самостоятельно. Коров в селе совсем немного.

Хозяйка этой коровы подсказала мне, где живёт женщина, которая давно здесь живёт и многое знает. Ею и оказалась наша соседка по Озёрной улице Валентина Кононенко.

Мы, конечно, с первого взгляда, не узнали друг друга. Но когда она узнала, зачем я приехал, и кто я такой, сразу воскликнула: «О! Колимон. Как же. Помню, помню. А я, если помнишь, Валя Кононенко. Заходи в дом». Почему она сразу назвала меня Колимоном. Да простая вещь. Это прозвище в детстве дал я сам себе. Не знаю почему. Но я бегал по улице и кричал: «Я Колимон, Колимон и никого не боюсь». Так меня Колимоном и прозвали. Валя была старше меня на три года и больше дружила с моим братом Виктором и относилась ко мне несколько снисходительно, но в игры мы играли и в школу ходили вместе. Она жила через два дома от нас вместе с матерью – Тётей Зоей и братом Николаем. Тоже из ссыльных. Отца у них к тому времени не было. Брата её Николая на улице у нас звали Колькой Цыганом. Он был, с одной стороны, смугловатый, а с другой вороватый. Ну и забияка к тому же. Со своими сверстниками он мало водился. Не любили они его. К девочкам приставал. Взрослые ребята не раз подговаривали нас отлупить его, что мы с прилежанием и делали, когда были все вместе. Но поодиночке он нас тоже частенько избивал. На улице все ждали, когда его заберут в армию, надеясь, что там из него человека сделают. И в самом деле. Из армии он пришёл совсем другим человеком, и мы уже равнялись на него.

Мы по-соседски часто помогали друг другу. Придерживались народной мудрости: «Близкий сосед лучше дальней родни», «Не купи двора, купи соседа». С соседями мы и жили дружно, и праздники вместе праздновали, и по хозяйству помощь оказывали. Однажды, помогая убирать картошку на огороде у тёти Зои Кононенко, я перед Валею решил похвастать своей силой. Это было, когда я седьмой класс закончил. Так вот. Подхватил я целый мешок картошки, чтобы отнести к дому, и без помощи решил вскинуть его на плечи. Да тут же и свалился на землю под мешком. Все дружно надо мной и посмеялись. Особенно Валя. И потом при всяком удобном случае она рассказывала про мою похвальбу и финальный конфуз. В общем, было о чём нам вспоминать. О родителях, друзьях, картошке, рыбалке, дровах, сенокосе и о школе, конечно.

Вот она с дочерью и зятем, пришедшим к ней в гости по случаю моего приезда. Вообще говоря, мой приезд в Могочино для Валентины был событием. Она не только своих дочерей с семьями позвала, но и соседям рассказывала о моём пребывании. Село-то небольшое. Люди, общаясь меж собой быстро передают новости. Ходил я потом по улицам или на берег Оби выходил к рыбакам, меня каким-то образом признавали, приветливо здоровались. На вопрос, откуда вы знаете, кто я такой и каким образом узнали, отвечают, что мир слухом полнится, да и обличье моё всем описывается. Приятно было беседовать с такими людьми. Особенно словоохотливыми были два рыбака с удочками. Лов не ахти какой, но на жарёнку или уху добывают. Немного удивились моему рассказу о прежних славных уловах. Щука, налим, окунь и вездесущий ёрш – это да, такие водятся. А вот про стерлядь только от стариков знают. С трудом верят, что и осётр в наших водах водился. А такое название рыбы как кострюк, и не ведают.

Но отвлекся я. Вернёмся в дом Валентины.

Здесь я с подругой нашего детства. Через два года она покинет этот бренный мир.

А тогда она позвала из Томска свою вторую дочь Татьяну с мужем Селивановым и собрала хорошее семейное застолье. Истопили баню, и я с удовольствием попарился в настоящей русской бане. Татьяна работает в школе в Томске. Мы с ней переписываемся и по сей день.

С этой семьёй связывает меня ещё и то, что семья Кононенко-Соросек-Севастьяновы находится в родственных связях с Мишустинными. А баянист Лёня Мишустин (фото из его альбома) мой закадычный друг детства. Наши дома находились через два дома друг от друга. Мы с ним вместе учились с первого класса и закончили 10 классов в 1956 году. Кстати, вместе с нами с первого по десятый класс учились Тоня Мишина, Валя Ерёмкина и Коля

Кордаков. Так вот, я по жизни оказался на постоянном местожительстве под Москвой в Долгопрудном, работая в Москве, а Лёню после работы в Академгородке под Новосибирском судьба забросила тоже в Москву. И мы с ним, как оказалось, находимся совсем недалеко друг от друга, всего в четырёх остановках электричек по Савёловской железной дороге. О том, что он живёт в Москве я и узнал там в Сибири. Вернувшись

домой, я его разыскал, и мы с ним встретились. После того, как Лёня уехал из Могочино, прошло много лет. Мы с ним регулярно встречались, подолгу беседуя. Ему я и посвятил несколько своих самодельных стихов, с которыми читатель познакомится далее. К сожалению, после продолжительной болезни, страдая астмой, в 2021 году он умер, не дожив трёх месяцев до своего 82-летия.

Проходя по улицам, обратил я внимание на тюки сена, заготовленные для коров. И удивился тому, что ныне жители, которые держат коров, сенокосом не занимаются.

В былые времена косили траву, и сено хранили в стогах, а ныне закупают в тюках-связках. Траву косят и скатывают сено в тюки предприниматели. Кому надо, приезжай, выбирай тюки, какие и сколько надо, их тебе предприниматель и привезёт на тракторной тележке.

А бывало, сенокосная пора была настоящей страдой. Коров, как я уже писал, держали почти все жители посёлка. Стало быть, травы для сенокоса надобно было много. Завод по договорённости с колхозом упорядочил дело с выделением сенокосных участков. С одной стороны, рабочим завода разрешалось косить траву на колхозных лугах с условием, что каждая десятая копна доставалась косарю. С другой стороны, нам выделяли участки на обочинах колхозных лугов. Как правило, это были полузаболоченные участки с осокой. Осока – трава жёсткая. Коровы ели её неохотно, но на подстилку для коров она была хороша. Был ещё один способ получения участка для кошения травы. Нам выделяли участки редколесья. Мы выкорчёвывали деревья и косили там траву. Это называлось корчёвкой. Сенокосы были далеко от посёлка. Уходили рано утром, возвращались поздно вечером, а и иногда и ночевали там. Я любил эти летние сенокосные дни. Не помню, чтобы заставляла гроза или шёл дождь. Выветрилось из памяти. Помню ясные тёплые дни и долгие светлые вечера. Косить я любил. Руку набил в этом деле с детства. Да и сейчас, бывая в командировках, при случае всегда показываю коллегам, как надо косить. Нравилось мне, как коса, плавно врезаясь с высокою траву, ровно укладывает валки травы. А запах! Чудный запах свежескошенной травы и свежего подсушенного сена. Аромат необыкновенный. Стребать сено в валки мне не очень нравилось. А вот стоять на стогу и принимать сено для укладки любил я безмерно. Даже просился у отца, чтобы отпустил он меня к соседям постоять на стогу, когда они мечут сено.

Одно дело заготовка сена, другое – доставка его домой. Вывозили сено зимой на санях. Заводских лошадей нам не давали, поскольку они постоянно были заняты на бирже пиломатериалов. Иногда мужикам удавалось договориться с трудартелью, которая имела лошадей для обслуживания хозяйственных нужд жителей посёлка. Но я не помню, чтобы отец договаривался с артелью. Мы вывозили сено на своей корове. Бедная коровушка. Она не только молоком нас вскармливала, но ещё и несла тяжёлую тягловую работу. Однажды вывозили мы с отцом сено с дальнего поля. Отец шёл впереди, ведя корову, а меня посадил сверху на воз сена. Уставший, пока укладывали воз, я заснул и внезапно свалился прямо под передок саней. И корова, не останавливаясь, протащила воз через мои ноги. Когда я с испугу закричал, отец бросился ко мне, но я сам встал и смотрел на него испуганно и, вместе с тем, как бы прося прощения за свою неловкость. Ничего я себе не повредил, только ушибся. А ноги целы оказались потому, что в это время мы ещё на дороге не выехали, везли сено по глубокому снегу, и ноги мои, оказавшись под полозьями саней, были просто вдавлены в снег. Больше на возу с сеном я не ездил.

На сенокосе был другой случай. Тогда мы на острове косили корчёвку. С нами была собака Рэкс. Она резвилась неподалеку. Потом, видно, побежала навстречу мне по густой траве. Я и не заметил, как пёс высочил и попал прямо под мою косу. С размаху я и рубанул ему по шее. Правда, удар пришёлся вскользь, но рана была большая. Пёс взвыл, я бросил косу, кинулся к нему, поднял на руки. Как мы его лечили, не помню. Отец велел мне всё бросить и бежать домой. А это было километров 5-6 до дома. Как я прибежал домой и что с ним делал, не помню. Помню только, как мама суетилась вокруг собаки. А потом Рэкс исчез. Не было его дома дня три-четыре. Потом пришёл с заросшим шрамом на шее. Он служил у нас долго. Работящий был пёс. Я его приспособил к саням, и он возил зимой дрова с заводского отвала домой. Бывало, под горку, так и я сам на сани усаживался. Верный был пёс и работящий. Не зря же в народе говорят: «Собака человеку неизменный друг» или «Собака – лучший друг человека».

Ныне таких приключений молодёжь не знает.

Иду по Первомайской улице. Вижу колодец, которого здесь не было. Вспоминаю, что с питьевой водой были у нас проблемы. Летом мы брали воду из озера, а зимой долбили лёд, и хранили его в большой кадке в доме. Оттаявший лёд давал нам воду. Иногда в кадку закладывали снег. На нашей улице колодец был далековато. Отец решил выкопать колодец рядом с домом. Вода оказалась близко, но была не пригодной для питья, её использовали как техническую воду в домашнем хозяйстве. Дело в том, что земля наша стоит на нефтеносных слоях. Для освоения нефтедобычи и был построен посёлок Новостройка. Пробурили несколько скважин. Но разработки не начались, поскольку правый берег сплошняком затоплялся весенним половодьем. Какие уж тут промыслы? Да и открыли новые, более богатые месторождения в других местах, где и работают могочинцы вахтовым методом.

Колодцы колодцами. Без них не обойтись. Но для предприятий колодезной воды маловато. Потому и возвели в Могочино водонапорную башню и провели водопровод в школу, монастырь и другие предприятия.

Вот и водонапорная башня.

Это здание на улице Чехова хорошо сохранилось. Здесь располагалось почтовое отделение, отсюда мать отправляла посылку Василию в Москву и здесь она получила её обратно.

Круглое озеро, где концы улицы Дзержинского и Мичурина упираются в улицу Ворошилова.

Огороды помогают выживать, когда рабочих мест в селе нет. В детстве огороды помогали нам выжить в голодные военные и послевоенные годы. У нас было три огорода. Один участок перед домом в сторону озера, второй на задах через дорогу рядом с огородом Парфёновых, а третий – далеко за озером, на противоположной гриве. Там было много огородов. Наш располагался в самом конце гривы почти у протоки, за которой начинались, так называемые Пиигоды. Почему Пиигоды, не знаю. Помню, что был там черёмуховый лес с обильными ягодами. Во время цветения весь берег был белым. Бывало, рот, зубы и губы были чёрными, а обильное употребление черёмухи нередко было связано с запорами.

Черёмух черёмухой, а огород запомнился мне особенно. И не тем, как мы копали лопатами огород, высаживали картошку и окучивали грядки, а первым моим трудовым подвигом во имя семьи. Дело в том, во время войны я ещё не ходил в школу. Отец, мать и старший брат Василий на работе. Сестра Шура с нами не жили, выбирая свой жизненный путь. Брат Виктор, старше меня на три года, пошёл в школу в 1943 году. Я оставался в доме один и на мне лежали хозяйские заботы. Мне в апреле пошёл пятый год. Осенью 1943, 1944, 1945 и 1946 годов я должен был до прихода родителей с работы и брата из школы на лодке проехать до конца озера, более километра, пройти по гриве пешком до огорода, ещё километр, накопать картошки, вернуться обратно и сварить обед. Сегодня немыслимо представить, как малыш мог выполнять такую работу. Но мы рано выросли, рано приучались к труду. Потому и выживали в тех суровых условиях. «Труд человека кормит, а лень портит», - гласит русская пословица. Да к тому же «без труда не вынешь и рыбку из пруда».

Относительно огородов. У нас, за дамбой, были преимущества по сравнению с огородами в дамбе. Мы высаживали картошку поздно, по мере отступления воды после половодья. К тому времени в дамбе картошка уже всходила. Но урожай картофельный у нас был лучше. Во-первых, потому, половодьем на землю наносился ил, и тем самым земля получала естественное удобрение. Во-вторых, когда от нас вода уходила, в дамбу

она приходила, проникая сквозь слои земли под дамбой. Из-за дамбы внутри посёлка не было сточной воды, она оставалась вся там после таяния снегов. Вода подтапливала огороды, замедляя созревание картофеля. Да и наша картошка была вкуснее и меньше подвергалась гниению и всяческим картофельным болезням. Мало того, когда на другой год мы копали огород под картошку, то находили оставленные в земле клубни. Они были крепкие, крахмаленные, синеватого оттенка. И эти «синюшки» мы с удовольствием запекали в печи ели. В то время, как в дамбе, оставшаяся в земле с осени картошка, весной вся была гнилая.

Картошки заготавливали много и хранили в подполье в сусеках. Мать у нас была изобретательна в приготовлении разнообразных блюд из картошки. Картошка шла в первые блюда. Её варили в чугушке в русской печи, жарили в сковородке на плите у печи, запекали в рыбу, в капустный лист. Пекли драники, готовили драную кашу. Варили очищенную, лысую, в мундире. Делали картофельное пюре, что называлось тогда топтухой. Иногда эту топтуху закладывали в большую сковороду и ставили в русскую печь, смазывая сверху маслом. Такая разогретая в печи картошка приобретала желтоватый цвет с мягкой корочкой. Была она необыкновенно вкусной. Заготавливая картошку нарезали её небольшими кубиками и сушили. В таком виде хранилась она вечно. Её и употребляли преимущественно весной, когда запасы картошки подходили к концу. Из картошки делали крахмал, который шёл на изготовление киселя. При этом оставшаяся мякоть шла на изготовление драников или драной каши.

Отвлёкся я в воспоминаниях. Последуем дальше. Мы в центре села.

Магазин «Оптимист» на Советской улице. Люди с надеждой смотрят в будущее.

Надежда, наверное, там, на горизонте, где просматриваются купола Никольской церкви женского монастыря.

Улицы покрыты асфальтом ещё в прошлом веке. А в наше время мы ходили по тротуарам.

Сиротливо выглядит памятник В.И. Ленину на пустой поляне около школы рядом с пустой постройкой. В моей юности на этом месте в ограде была клумба перед зданием Дома культуры. В Доме культуры демонстрировались кинофильмы, проходили вечера отдыха, проводились концерты, ставились спектакли. Кстати, на его сцене я подготовил в качестве режиссёра и постановщика спектакль по пьесе В. Розова «В поисках радости». Спектакль прошёл с большим успехом, после чего художественный руководитель Геннадий Лукич предложил мне поехать в Новосибирске и поступить в культпросветучилище, которое я и закончил в 1960 г. Фотография с афишей о спектакле перед входом на территорию у ворот долго сохранялась в моём альбоме. К сожалению, все мои могочинские фотографии в альбомах сгорели во время пожара в деревенском доме под Москвой в 2017 году. А

фотографий того времени было много, в двух альбомах помещались.

Первый раз я смотрел кинофильм ещё в старом клубе, который при мне преобразовали в Дом пионеров. Это был фильм «Мы из Кронштадта». А в Доме культуры нам показали кино «Тарзан». Это был выдающийся кинофильм. Мы не только смотрели его с задыханием сердца, но и пытались подражать подвигам Тарзана. Тогда-то и появилась ставшая чрезвычайно популярной тарзанка. Мы подвешивали верёвки к толстым сучкам деревьев и качались на них, летая из стороны в сторону, как Тарзан на лианах. А купаясь на озере, плавали на спине и, подражая своему герою, кричали: О-го-го-го!!! И голос эхом раздавался по воде. Почти, как в кино. Кстати, позднейшие варианты «Тарзана» были менее эффективны и не вызывали столь высоко эмоционального восприятия.

Участок дамбы вдоль Заводской протоки в сторону Северной улицы. Сюда мы ходили на прогулку из детского сада. Теперь дамба превращена в проезжую часть. Справа протока, за ней Остров.

Та же дамба в сторону бывшего лесозавода. Слева протока, за нею остров. Вдали дым от самовозгорания на месте свалки отходов из распиловочных цехов лесозавода.

Начало Северной улицы. Неподалеку слева жили Третьяковы, а справа - Аксиненко. Родион (Родька) Аксиненко был моим приятелем. Бывало, я и ночевал у них. Отец его был пасечником, а пасека находилась на острове за Заводской протокой. Мы с ним навещали его отца зимой на лыжах и летом пешком. Приносили его отцу хлеб и продукты. Жил он там постоянно. Самым приятным ощущением было поесть с мёдом варёную картошку или зелёные огурцы. А то и без хлеба. Да что огурцы или картошка, когда пословица гласит: «С мёдом и долото проглотишь».

С улицей Северной связано многое в моей жизни. Семь лет ходил я по ней в школу. То по самой улице, то по дамбе. Да и перейдя в десятилетку, нередко проходил и здесь, правда, начиная от того места, где начинается улица Пролетарская. Здесь жили многие мои приятели и знакомые. Здесь мы гонялись друг за другом на велосипедах. Здесь иногда на Рождество шалили, подшучивая над жителями. Одной из таких ночных «забав» было переложить поленницу дров с одного места на другое или от одного соседа к другому. Северная улица была относительно более чистой и сухой, поэтому в распутицу выбирали более длинный путь через Северную улицу, нежели короткий. Например, конец Первомайской улицы, долго просыхал от дождей, и там была непролазная грязь. Правда, зимой, идя в десятилетку, мы больше выбирали путь именно по Первомайской улице.

На Северной улице жила наша любимая учительница Анна Ивановна Лемещук. Мы почему-то стеснялись проходить мимо её дома и эту часть дороги обходили дамбой. Однажды и единственный раз в жизни, проехал я по улице Северной на мотоцикле. Первый мотоцикл был у нашего приятеля, друга моего детства Николая Писарева. Вот он и одолжил мне свой мотоцикл. Но на нём меня почему-то заносило всё время вправо, и пока я доехал от Пролетарской улицы до въезда на дамбу, то посшибал все поленницы дров.

Дома на Северной улице располагались в два ряда, плотно прижимаясь друг другу домами и огородами. Перейти с улицы на дабу можно было только в нескольких местах. В

некоторых домах были собаки, выбегавшие на улицу, поэтому эту часть пути предпочитали ходить по дамбе.

Влево поворот на дамбу, прямо дорога в сторону бывших больницы и аэродрома.

Снимок с дамбы в сторону монастыря. Дамба проходит вдоль Северной улицы.

Пролетарская улица с дамбы. В конце улицы жил мой приятель-одноклассник Гена Пасечников, к которому я частенько захаживал. В правом углу фотографии низина. Сюда я кубарем скатился с велосипеда, когда мне навстречу неожиданно выскочила машина.

Один из съездов с дамбы. Впереди заброшенные приусадебные участки.

За дамбой пасутся одинокие коровы. Здесь в былые времена распахивались огороды под картошку.

Высокие
опоры линии
электропередач –
наследие
прошлого.
Успели-таки ещё
при советской
власти обеспечить
посёлок
электроэнергией с
левого берега Оби.
Когда рухнул
завод, рухнуло и
электроснабжение.
Не будь ЛЭП, не
было бы сегодня
ни школы, ни
больницы, ни

монастыря, ни магазинов, ни частной пилорамы. И жили бы люди, как в довоенное время при лампах, свечах и лучинах. Если бы остались жить.

От цехов нашего лесозавода ничего не осталось, кроме груды камней да остова полуразрушенных стен. Оставить бы эти стены как памятник о былом. Да открыть в будущем музей лесобрабатывающей промышленности. Примеры таковые есть. В Нижнем Тагиле на Урале создан Металлургический завод-музей на базе закрытого предприятия. В селе Биряково Вологодской области на базе закрытой за ненадобностью машинотракторной станции создан интерактивный музей «Сделано в СССР».

Проходя по улицам непременно беседовал я со старожилками. В беседе ведь не столько время коротаешь, сколько много интересного узнаешь. Беседа и дорогу коротает. Там да сям посидел побеседовал, а уже и вечер. Правда, русская пословица гласит, что «в умной беседе можно ума набраться, а вот в глупой и последний ум растерять». В других случаях

о времени сказывали: «Время красит, безвременье старит», «Время разум даёт», придёт время – будет и наш черёд».

Собеседники мои с охотой и взаимным интересом вспоминали былые времена, рассказывали о жите-бытье. Разговор становился более откровенным, когда вспоминали знакомые мне фамилии. «Как же, как же, - всплеснула руками бабушка Третьякова, помню, помню я дядю Ваню Решетникова. Работящий был мужик. Так ты его сын? Во, дела! Ну, присаживайся с нами рядом на скамейку. Побеседуем. Сам-то откель будешь?». И завязывается неспешная беседа.

Это на Северной улице было. А на Обской за беседой напоили меня молоком. На улице Чехова молодые люди ничего не могли вспомнить про старину, зато предложили козьего молока и потом принесли вечером в школу, где я был на музейном театрализованном представлении.

Так вот в беседах, в том числе на Первомайской и Озёрной улицах, пролетели мигот три дня. По всем улицам не успел я пройти. А то и не узнавал иные, поскольку много домов исчезло, образовались пустыри. Вид посёлка, ставшего селом, изменился порой до неузнаваемости. Зато прошёл я по всей дамбе, вспоминая, что было и рассматривая, что стало как в дамбе, так и за дамбой.

Я хожу по могочинским улицам.
Что-то помню, а что-то и нет.
Над домами дымки также курятся.
Не бывал здесь полсотни уж лет.
По стране много-много я шествовал.
Городов много я повидал.
Никогда и нигде я не бедствовал.
Только дом свой родной миновал.
Я в Париже искал вдохновения.
На Камчатке я с чукчами жил.
А к музейным наукам умение
На работе в Москве приложил.
Где я был? Что я видел? Кем значился
На Кавказе, в Сибири, Крыму?
Всюду был, но нигде не артачился
И обид не нанёс никому.
В Казахстане я был многократно.
Поднимался на снежный Эльбрус.
Мне б в Карпаты вернуться обратно
И примерить гуцулов картуз.
Те места, времена те далёкие
Я не раз вспоминаю в тиши.
Тропы горные с грузом, не лёгкие,
И селенья в уральской глуши.
Был в Батуми, Баку и Ростове я,
Алматы я не раз навещал.
Побывал не однажды во Пскове я.
Ленинград-Петербург навещал.
Вологодских музеев традиции
Много лет наяву изучал.
И без всякой премудрой амбиции
Диссертацию там написал.
Был в Архангельске, Томске и Суздале,
В Александров я ездил не раз.

Подмосковьем ходил с бодрой удалью.
Видел разную жизнь без прикрас.
Помню я Барнаул, Тверь над Волгою,
Ялту с морем, Тамбов и Орёл.
Да. Прошёл я дорогою долгою,
Опыт жизненный я приобрёл.
Русский Север познал в Каргополье я.
Там народ меня с лаской встречал.
Но могочинского водополия
Я нигде никогда не видал.
Обь, бывало, весною пробудится,
Зашуршит по реке ледоход
И над льдинами чайки закружатся.
Лёд пройдёт и придёт пароход.
Половодье кругом разливается.
Лодку чалим в разлив у окна.
Водой свежей земля омывается,
Благодарна за влагу она.
Мы с Оби брёвна круглые плавили,
Выплывая на стрежень реки.
И дома миром новые ставили.
Далеки ж эти дни, далеки.
Из того бытия из далёкого
Память держит лишь радости свет.
Помню девушку я синеокою.
Шлю ей в старости нежный привет.
Где ж она? Что с ней случилось? С кем встретилась?
Как нашла она жизни свой путь?
Она светлой мне звёздочкой светилась.
Вот бы встретить её как-нибудь.
Но, увы. Годы быстрые минули,
Не вернёшь уж былого назад.
Но отчизну мы всё ж не покинули.
С детством милым я встретиться рад.
Я хожу по могочинским улицам,
Но не вижу былых я примет.
На задворках не квохчут уж курицы.
Да и дома родного уж нет.
На заводе кругом забурьянилось,
Поредели жилые дома.
Чем когда-то Могочино славилась,
Поисчезло. Что в будущем? Тьма?
Я хожу по могочинским улицам.
Вспоминаю я детство своё.
Моё прошлое всюду мне чудится.
Всюду мнится моё бытиё.
Я по улицам всем, по могочинским,
Не спеша много раз проходил.
Вспоминая тепло их, по-отчески,
Всё же многого не находил.
Я уехал. Но милая родина
Вспоминается каждый мне день.

Где рябина моя? Где смородина?
Где черёмухи свежая тень?
Их уж нет. Нет причала и пристани.
Позаброшен давно стадион.
Я смотрю в наши улицы пристально.
Не идёт уж по ним почтальон.
Я уехал. Но мне возвратиться бы.
Вновь по улицам нашим пройти.
К детству с памятью мне обратиться бы.
Тех, кто помнит о прошлом, найти.

Из дневниковых записей.

07.03.2014. Пятница. Продолжаю подбирать рифмы, обращаясь к А. С. Пушкину и вспоминая своё детство в Могочино.

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...»
Да. Не пропал наш «скорбный труд»,
И помним мы без сожаленья
Шум пилорамы заводской,
Сырья отвалы за Обской,
Гудки-призывы пароходов
И между штабелей проходы,
В ДК кино и вечера...
Как будто то было вчера.

У дамбы Лёня жил, Мишустин,
Отличник, баянист, стоустник...
Живёт в Москве, с баяном дружен,
В воспоминания погружен.
Он был, на зависть нам, речист,
Хотя собою не плечист.
И я в Москве, вдруг, оказался
И с Лёней здесь я повстречался.
Он физик был, а я же лирик,
Но стал от жизни сей сатирик,
Пишу свой скорбный панегирик.
Соседом был и Писарь Колька.
О! Страха он не знал нисколько –
Задира, шустрый футболист,
В посёлке первый «декабрист».
А Колька Цыган, смугловатый,
Прослыл среди нас вороватым,
Но служба в армии ему
Прошла на пользу, по всему.
Иван Капустин стал военным,
Служа в войсках попеременно,
В Москве в итоге оказался
И к пенсии там прописался.
А здесь остался брат Никола,
Он семилетку кончил, школу.
Нам сок берёзовый сочил,

Но в бозе, жаль, давно почил.
Хоменко Мишка в дамбе жил
И всем нам голову кружил.
Бывало, бросит рубль по снегу,
А мы за ним сугробным бегом,
Пытались рубль тот достать...
Теперь уж взрослые мы стали –
Постигнув всё, о чём мечтали...
Но наш посёлок умирает.
Завод давно уж зарастает.
На месте бывших здесь цехов
Растёт кругом чертополох.
Исчез вокзал, исчез причал.
Гудок завода замолчал.
И клуба нет для пионеров.
Живут одни пенсионеры.
Исчез наш славный Дом культуры.
Ни спорта нет, ни физкультуры.
На многих улицах пустырь.
И только женский монастырь
Стоит в посёлке величаво.
Зачем возник? Не знаю, право.
Высоки стены, стройны башни...
К нам возвратился день вчерашний.
«Во глубине сибирских руд»
Бесславленным стал наш мирный труд.
Торговля, правда, процветает.
Надолго ли? Никто не знает.
И только, как оазис, школа
Всем просвещение даёт
Угодна, как святой Никола,
И имя Пушкина несёт.
А я в Москве, вдруг, оказался.
Здесь с другом Лёней повстречался.
Он с детства физик, я ж был лирик,
От жизни сей я стал сатирик,
Пишу свой скорбный панегирик.

Завод

Ну а что же с лесопильным заводом, обеспечивавшим жизнь рабочему посёлку – экономическую, хозяйственную, культурную. Глядел я на всё порушенное, и сердце моё щемило от неприглядной картины. Невольно по ассоциации стали возникать руины Сталинграда и Воронежа военного лихолетья. Но эта картина мирного времени. Не врагом коварным порушено. Своими руками уничтожено Ужасная картина предстала пред моими глазами. Судите сами.

Здесь была территория завода. Отсюда брёвна из гавани подавались по бревнотаске на распиловку.

На берегу обмелевшей реки бесхозный катер

Это в районе современного причала парома. Здесь была гавань и бревнотаска. Там, где возвышается опора ЛЭП, была пристать и речной вокзал.

Отец на заводе работал на разных должностях. Вначале на гавани, подавая брёвна на бревнотаску. Потом в тарном цехе. Затем в кочегарке, где нужно было забрасывать опилки в жерло паровой машины. Ещё до войны он стал занимать ответственную должность машиниста на паровых машинах. Тогда было две немецкие машины «Вольф», затем и «Мальс». Он и курсы машинистов закончил, обучаясь в Молчаново. Должность машиниста о ту пору была важной и ответственной. Нужно было обеспечить бесперебойную работу всех пилорам. Паровые машины должны были работать ещё и таким образом, чтобы обеспечить посёлок электричеством. Кроме того, обязанностью машиниста было своевременно давать знак рабочим о конце одной и начале другой смены. Заводской гудок звучал трижды каждый раз с интервалом в полчаса. Первый гудок сообщал рабочим, что пора просыпаться утром или заканчивать дневные домашние работы. Второй гудок призывал выходить на работу. Третий гудок означал начало новой смены. Приход на работу после третьего гудка означал опоздание. На проходной был установлен щит, на котором вывешивались номерки рабочих. Приходя на работу, нужно было номерок снять, а уходя оставить его на месте. Так осуществлялся дисциплинарный контроль. Сразу определялось, кто пришёл на работу, а кто опоздал или не явился.

Однажды гудок всполошил всё население посёлка. Средь бела дня завыл гудок. Непрерывно. С надрывом. Ему стали вторить сирены буксиров и пароходов, находившихся на причалах. На заводе вспыхнул пожар. Большой пожар. Пламя охватило корпуса завода. Все боялись, как бы не упала заводская труба. Не упала. Защитили. Во всю мощь работала пожарная команда. Помпами с реки качали воду. Подоспели пожарные рукава с буксиров и пароходов. Со всего посёлка сбежали люди с вёдрами. Выстроились в несколько цепочек с разных сторон от воды. Спешно передавали воду по цепочкам. Я стоял в цепочке, которая протянулась от озера на Первомайской улице. Жарко было тем, кто стоял у огня. Потушили. Справились. Залечили раны. Завод вновь заработал в полную силу. Кстати, это был второй пожар. Первый, как вспоминали старожилы, случился ещё до войны, но не самом заводе, а в той его части, где располагались подсобные помещения и куда свозили опилки от пилорам, несколько ниже пристани. На том месте со временем сформировалась плодородная почва, где люди, в том

числе и мы, выращивали капусту. Помню, хороший урожай капусты мы собрали. Кочаны крепкие. Крупные. Два кочана в один мешок только и входили.

Отец мой пользовался заслуженным уважением не только на заводе, но и в посёлке. Его величали не иначе как Иван Михайлович, а подростки дядей Ваней. Не зря же ему вручили после войны в 1945 году медаль «За трудовую доблесть». Эта медаль для всей нашей семьи гордостью была.

Многих знали не по именам-фамилиям, а по кличкам-прозвищам. Причём, прозвища были не всегда уважительными. Если Колю-Ножку уважали, то Сашку Бека нет. Сашка Бек, буян и пьянчужка, подрабатывал на пристани грузчиком. Были у него широкие штаны, называемые шароварами. В этих шароварах он умудрялся за несколько ходок вынести целый ящик водки. Мой старший брат Василий с ним вместе грузчиком работал, но дружбу с ним он так и не завёл. Не хотел быть рядом с дурной славой. Участкового милиционера звали просто – Мильтон, директора семилетней школы – Каракат, учителя Леонова –Лярва, торговца морсом и мороженым – Морс Иванович, соседа нашего Окунева, бывшего маленького роста, звали Окуньком. К любителям выпить за чужой счёт приставала кличка Пьянь или Выпивоха.

Кстати, о пьяницах в народе метко высказываются: «Как пьян, так и капитан, а как проспится, и свиньи боится», «Над пьяным и оборотень потешается», «Пойми пьяного речи, поймёшь и свиное хрюканье», «Пьяному море по колени, а лужа – по уши».

Но вернёмся к прозвищам. Звягинцева звали Звягой. А вот Шутова никто Шутом не называл. Каждый был достоин того, чего заслужил. Мишку Хоменко звали просто Хомяк. Жили Хоменко, по сравнению с нами, зажиточно. Лошадь у них была. Помню, во дворе у них стояли стога сена, и мы проделывали там норы, играя в прятки. Мишка любил над нами шутя поиздеваться. Бывало, идём из школы зимой, он бросит рубль на снег под склон дамбы и говорит, кто первый поймает, тому и достанется. Мы, как сумасшедшие, бросаемся за этим рублём по колено в снегу. А ветер дует, рубль всё дальше и дальше, снег всё глубже и глубже. Умаешься, но рубля не догонишь. А Мишка Хомяк стоит на дамбе и потешается.

На заводе постоянно происходило обновление техники. Баржи с лесом, например, вначале разгружали вручную. Потом появились краны. Вначале маломощные Дэрики, а потом и другие краны большей грузоподъёмности. Уже после нас появились и башенные краны. Готовый пиломатериал отвозили на биржу, где мы и работали. Между штабелями готовой продукции сначала были проложены рельсы, по которым лошади тянули вагонетку с досками. Лошадью управляли коногоны. Вот почему завод имел свой конный завод. Потом появились автопогрузчики. Для них были сделаны деревянные настилы, по которым и доставляли доски из цехов на биржу для укладки в штабель. У автопогрузчика впереди выступали два длинных металлических рычага. Своеобразные штыри-руки. Они подводились под низ приготовленного пакета досок, приподнимали это пакет и отвозили на биржу. Для передвижения автопогрузчика нужны были широкие, более 6 метров проходы по деревянному настилу. Затем вместо автопогрузчиков появились лесовозы. Это такая машина на высоких колёсах. Лесовоз забирал пакет досок под себя вдоль, а не поперёк. Двигался он быстрее автопогрузчика. Да настил для проезда был более узким, что экономило территорию, на которую укладывались штабеля. Я работал в той части, где штабелевались доски. Как укладывались для хранения брус и другие виды продукции, не помню.

Мать моя и другие женщины работали на заводе, оформляясь домохозяйками. Как и другие мальчишки я пошёл работать на завод с 12 лет после окончания 5 класса. И потом работал каждое лето вплоть до начала учебного года в выпускном 10 классе. Сначала нас оформляли малолетками, а с 14 лет домохозяйками. Выполняли мы разную подсобную работу, вплоть до уборки мусора. Иногда ходил даже в ночную смену, когда начинались занятия в школе.

Два вида работ мне запомнились особенно. Во-первых, мы шкурили шахтовку скобелями. Шахтовка – это определённого размера (кажется, около метра или чуть более) ровные крайние обрезки брёвен. Эта шахтовка поступала в угольные шахты Кузбасса, для укрепления штреков, проходов к забою. Во-вторых, мы штабелевали доски. Сначала нужно было ровно уложить на прокладки шестиметровые доски на ширину 6 метров. Затем складывались доски поперёк первого ряда, потом снова поперёк и так до конца на высоту, если мне не изменяет память, трёх метров. Однажды, работая в ночную смену, я подавал доски с деревянного настила на штабель. Вдруг, из-за поворота, на большой (как мне показалось) скорости выскочил лесовоз с очередным пакетом досок и осветил меня фарами. С испугу я бросился в сторону и угодил в яму, из которой торчал пожарный кран. На этом кране и повис. Хорошо, спала ватная телогрейка, смягчила удар. Но грудная клетка болела долго.

Завод жил своей полнокровной жизнью, выдавая не только продукцию, но обеспечивая жизнь всему рабочему посёлку. Отходы производства, срезка и горбыли, шли на отопление. Опилками засыпали улицы, чтобы не было грязи. Из досок мостили тротуары. В посёлке было своё, вырабатываемое заводом электричество. Причём, следует отметить, что производство было как бы натуральное и безотходное. Паровые машины вырабатывали электроэнергию и обеспечивали работу пилорам. Из-под пилорам выгребали опилки, которыми топились топки паровых машин. Всё шло в дело. Примечательно, что земляки мои не заготавливали строительный лес зимой в лесу. Нам разрешалось ловить брёвна в реке, когда они плывут весной, ускользая от запаней. Из этих брёвен и строили дома. У дамбы с внешней стороны всегда плавали заготавливаемые для строительства брёвна. То есть брёвна доставлялись по воде. Когда вода сходила после половодья, брёвна оставалось только доставить к месту стройки.

Как говорили нам учителя, наш завод по своей значимости был не только крупнейшим лесоперерабатывающим заводом в Томской области, но и занимал по мощности второе место в Советском Союзе после Архангельска. В 1950-е годы в Архангельске было 12 пилорам, у нас – восемь. А со временем производство наращивалось.

Период расцвета завода и посёлка сформировался к 1970-м годам. Гудел, призывая к работе, заводской гудок. Работали непрерывно пилорамы. Сигналили буксиры доставляя баржи с лесом или вывозя на них готовую продукцию. Сновали от завода к бирже автопогрузчики и лесовозы. Причаливали к пристани пароходы. Звучала музыка в Доме культуры. Проходили футбольные матчи и спортивные состязания на стадионе. Выстроилось вместо деревянного каменное здание школы. Появился и асфальт на дорогах. На месте расформированной комендатуры появилась милиция, которая, выражаясь словами известной песни, «нас бережёт». На заводе вместо конного двора появились грузовые автомобили. Люди обзавелись легковыми машинами.

Жизнь стала налаживаться. Люди стали жить в своих домах имея при этом усадебные участки под огороды. И помнили: «Не так живи, как хочется, а как бог велит». Завод для своих рабочих строил дома из бруса. В магазинах было, можно сказать, было по тому времени обилие продуктов и промышленных товаров.

И вдруг... Всё рухнуло в новых социально-экономических и политических условиях. Невольно вспоминаются слова революционной песни: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим - кто был никем, тот станет всем». Разрушили царизм. Вроде бы и социализм построили. Но потом он был объявлен насильем и разрушен. А песня зазвучала по-новому: «Весь мир насилья разрушили, а кто был всем, то стал ничем».

На моих фотографиях, наглядный пример того, что осталось от цехов лесопильного завода.

Всё зарастает лесом и покрывается бурьяном.

Рукотворная деятельность рабочих завода, прежде всего, ссыльнопоселенцев, сменилась разрухой в условиях так называемой демократической свободы от Б. Ельцина.

Остатки стены заводского цеха. Построена в 1977 году. Ныне выросли вокруг мощные деревья.

Фрагмент стены лесоцеха № 2 с замечательной кирпичной кладкой

Здесь был отвал – место, где складировали отходы производства: срезку, горбыли, опилки, корьё. Ныне всё перегнивает и самовозгорается. Отвал до самой реки. Лишь по краям пробивается растительность.

Мёртвая зона.

Дым от самовозгорания отходов производства лесопильного завода – опилки, корьё, мелкая щепа. Здесь был так называемый заводской отвал. Сюда свозили обрезки или срезки с краёв досок. Срезку мы зимой на санках вывозили и заготовливали на дрова. При этом около дома срезку не складывали, а ставили в виде конусообразного шатра-яранги. Рубили срезку топором весной, когда она оттаивала от заморозки и становилась мягкой. Топор легко разрубал срезку, если лезвие направлялось наискось, а не поперёк срезки. Мне приходилось рубить срезку и для поселковой бани, укладывая нарубленные дрова в поленницу. Срезку рубить было легко. Но когда попадался горбыль, его приходилось предварительно расколоть вдоль, а потом уже и рубить на дрова. Дрова были составной частью нашей жизни. Без дров невозможно было прожить, ни обогреться, ни пищу сварить. На то и пословицы в народе сложены: «Кривы дрова, да прямо горят», «Когда дрова горят, тогда и кашу варят», «Дрова в печи горят, на печи обогревают ребят», «Дровами печку натопил, всякую болезнь на печи излечил».

1970-е годы были временем расцвета посёлка. Возводились новые корпуса завода. Увеличивался объём производства. Вместо деревянных возводили новые каменные корпуса.

Ныне вместо ликвидированного лесопильного завода существует лишь небольшое частное предприятие с пилорамой, обрабатывающее древесину для нужд местного населения.

С заводом была связана вся наша жизнь. Работа, домашнее хозяйство, учёба, спорт, праздники. И непременно надо сказать доброе слово в адрес руководства завода. Рабочие получали на заводе достойную по тому времени зарплату. Для них завод строил жильё или предоставлял возможность строиться самим за счёт сплава леса, о чём поведаю далее. Баня, стадион, Дом культуры, тротуары на дорогах, возведение и укрепление дамбы –

забота обо всём этом лежала на плечах завода. Заботился завод и самих рабочих, не оставляя их беде. Пример того в рассказе «Арест».

Страна ты моя, разорённая,
Страна ты моя заморённая...
Заводов и фабрик уж нет.
Стоит деревенька убогая...
Не уж то сегодня у Бога я
Покинутый, жалкий скелет?
Где улица наша Озёрная,
Теперь разоренье позорное,
Развалины лишь, да пустырь.
Где песни звенели задорные,
Мелькали мальчишки проворные,
Там нынче стоит монастырь.
Обских берегов заглядение
Сегодня лишь в снах-сновидениях...
Наш славный завод...
Когда-то к реке нашей матушке,
Собравшись гурьбою, ребяташки
Бежали встречать пароход.
А нынче развалин развалины,
Цеха битъём битым завалены...
Где биржа была, там пустырь...
Где жили трудяги-рабочие,
До жизни весёлой охочие,
Там женский стоит монастырь.
О, звери вы! Звери вы «алчные»!
Пиявицы вы ненасытные»!
Что сделали с родиной вы?
Растерзали её, аки львы.

Обзревая всё порушенное в девяностые годы, вспомнил я стихи знаменитого нашего поэт-современника Андрея Дементьева.

А. Дементьев у памятника А. Пушкину в Москве. Фото: И. Зотин и Б. Кавашкин, ТАСС

В России отныне есть два государства:
Одно – для народа, другое – для барства.
В одном государстве шалют от денег.
В другом до зарплаты копеечки делят.
Меж ними навеки закрыты границы.
О, как далеко огородам до Ниццы!
Не ближе, чем отчему дому – до виллы.
Когда-то таких поднимали на вилы.
В России отныне есть два государства.
В одном одурели от бед и от пьянства.
В другом одурели совсем от другого...
Но мне не к лицу неприличное слово.
Элитные жены – принцессы тусовок.
Российские бабы – Российская Совесть.
Однажды мое государство взъярится.
Пойдет напролом и откроет границы.
И будет в России одно Государство.
А все остальное – сплошное лукавство.

Стихотворение было опубликовано в сборнике его стихов "Мы — скаковые лошади азарта" в 2020 году.

Андрей Дементьев – поэт. Он всё воспринимает эмоционально. Рассуждая о достижениях советской науки, лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алфёров, говорит, что в девяностые годы «бездарно, не по-хозяйски развалили, разворовали, растратили. Только в 2000-е годы стали обратно собирать. Но уже у нас нет всего Союза, многого нет, мы должны в этих условиях думать, как всё возродить»¹.

Надежда на возрождение всегда есть. Может быть, с возрождением страны возродится и наш лесопильный завод. Ведь потребность в его продукции была и остаётся превеликой. Но частному лицу возродить не под силу. Возродить производство может только государство, коли его правители поймут важность составляющей экономики. Наш А.С. Пушкин и то понимал, в чём секрет развития страны. Помните его строки:

Он был прекрасный эконоом,
То есть умел судить о том,
Чем государство богатеет
И почему не нужно золота ему,
Когда он свой продукт имеет.

Вот именно - свой продукт, произведённый своими руками, а не купленный за счёт расточительства природных ресурсов. Продавая за границу лес, газ, нефть, алмазы и прочие сырьевые ресурсы, мы получаем то самое золото, о котором писал поэт. Но золото это оседает в карманах олигархов, народ же не богатеет, а всё беднеет и беднеет.

¹ См.: Чумаков В. Интервью с Ж. Алфёровым // Союзное государство. М., 2019. № 4.

В Могочино местное население составляют в основном старики и, так называемые по местному наречию, церковники, обслуживающие монастырь и приезжающие паломники. Небольшое количество взрослых людей работает вахтенным методом на нефтепромыслах.

Безрассудный развал экономики в лихие девяностые годы привёл к сокращению населения. Директор школы со слезами на глазах рассказывала мне о расцвете Могочино в семидесятые годы, когда она возглавила школу, и о печальной судьбине, постигшей посёлок на рубеже XX-XXI веков. Пришла она на работу в школу в семидесятые годы с радостью, а, выходя на пенсию, готовится покинуть её с превеликой печалью. А ведь известно, что «железо ржа поедает, а сердце печаль изнуряет», а и «день меркнет ночью, а человек печалью».

Центральным учреждением является средняя школа, светлое и отрадное место среди разрухи и печали.

Школа

В 1925 году в Могочино была открыта начальная школа, ставшая потом семилеткой с расширением здания. В связи с ростом населения, в 1933 году была открыта семилетняя школа, а в 1936 году наряду с ней и средняя школа, которой в связи с юбилеем А.С. Пушкина было присвоено его имя. В 1950-е годы было три школы: семилетка, средняя-десятилетка и вечерняя. В видеофильме А. Чабан говорится ещё и о начальной школе, но я такую в отдельном здании, не помню.

В первый класс я пошёл в 1946 г. Помню, привела меня мама в семилетнюю школу. Заходим в кабинет директора. «Здравствуйте, товарищ Щетинкин», - говорит мама. А я, ей вторя и как бы поправляя «оплошность» матери, говорю: «Здравствуйте, товарищ Трёхщетинкин». Он не рассердился, не стал ругаться, а вежливо поправил, сказав, что у него есть своя фамилия. Сейчас я уже и не помню, какая у него была настоящая фамилия. Но все его звали Трёхщетинкиным, Щетинкиным или просто Щетинкой. Это было его прозвище. И прилипло к нему это прозвище, благодаря ему самому. Как-то на уроке, видя, что ученики ничего не соображают, он в сердцах произнёс: «У меня на голове три щетинки осталось и то я понимаю, а вы сообразить не можете». Так и стал он с тех пор Трёхщетинкиным. О чём он говорил с матерью, я не помню. Но хорошо помню его замечание. Глядя на мои босые ноги, он сказал: «Да, мать, а на ногах-то сына твоего репу можно сеять». Мы вечно бегали босиком. Ноги от грязи не отмывались и все были в цыпках. Что такое цыпки сейчас никто не знает. А это просто загрубевшая на ногах кожа, вся покрытая мелкими трещинками, в которую набивается вечная грязь. Ноги становятся серыми, земляными. И, действительно, хоть репу сей. До третьего класса я ходил в сапогах на перемену с Виктором. Сегодня он в школу в сапогах, я босиком. Завтра я – в сапогах, он – босиком. А в классе, когда босиком приходишь, ноги прячешь в парту, чтобы учительница не заметила. Хотя, конечно, она видела, но, понимая нашу бедность, вида не показывала. Самое неприятное было ходить в школу босиком, поздней осенью, когда земля подмерзала и становилась колкой. А то и снег выпадет, так по снегу босиком и бежишь. До школы было далеко, километра два-три по Северной улице. Бежишь, бывало, бежишь, пока ноги не замёрзнут. Заскочишь к кому-нибудь в дом, отогрешься и дальше бежишь. Так перебежками и до дому добираться. А зимой ходили в пимах. Так, по-сибирски, валенки называются. Отец-то сам был пимокатом, после работы в бане пимы катал. Да и я с ним пимокатному делу обучился. Катал он по заказу. А за работу брал овечьей шерстью, чтобы для семьи и родственников пимы катать.

В школе-семилетке у нас не было электричества. Класс освещался керосиновыми лампами. Одна стояла на столе учителя, другая на последней парте. Когда нужно было написать что-либо на доске, дежурный ученик подносил лампу со стола учителя к доске.

Проверяя работу, учительница ходила по рядам с лампой. Так и учились. Четвёртый класс я с похвальной грамотой кончил. Жаль, что не сохранилась.

Когда нас принимали в пионеры, радость была неопишная. «Пионер – значит первый», - с гордостью говорили мы. Родители вместе с нами готовились к этому празднику. Галстуков пионерских тогда в продаже не было. Собрались наши соседки и вкладчину купили красного ситца. Порезали ситчик на треугольнички, нагладили, и мы бережно принесли их в школу. Там на торжественной линейке нам повязали галстуки. Жизнь в пионерском отряде стала интересной. Мы занимались тимуровской работой, собирали макулатуру, металлолом, помогали старикам. Потом ходили в походы, участвовали в различных соревнованиях и военных играх, помогали колхозам в уборке урожая. Занимались мы и ликбезом, ликвидацией неграмотности. У меня была пожилая женщина, пастушка. Я ходил к ней домой и обучал грамоте. Потом на сборе пионерского отряда было устроено нечто вроде конкурса. Обучившиеся грамоте читали незнакомые им тексты. Моя ученица была одной из лучших. А учился я тогда в 6 классе.

Это наш выпускной 7-б класс. Среди учителей Болотов, преподававший математику, классный руководитель Анна Ивановна Лемещук и Степан Григорьевич Неверовский, ставший потом директором средней школы. Из учеников помню: В верхнем ряду второй слева Лёня Мишустин, шестой Витя Решетников, мой брат,

во втором ряду первая слева Тоня Мишина, затем Витя Старков, Гена Паночкин и я, рядом со С.Г. Неверовским Валя Ерёмкина, в нижнем ряду второй слева Коля Кордаков, четвёртый – Галкин. Здесь только те, кто пришёл в тот день в школу. Фото из семейного архива Мишустиных (1953).

В классах было по 35-40 человек. Когда мы кончали семилетку, в школе был устроен прощальный вечер с накрытыми столами. Тогда впервые нам разрешили выпить пиво. У нас было два седьмых класса. При переходе в среднюю школу было четыре восьмых класса. Всех из семилетки зачислили в 8 Г класс. А выпускных уже было два класса, по 42 человека.

Кстати окончание семилетки и десятилетки ознаменовалось знаменательными событиями в Советском Союзе. Семилетку мы закончили в 1953 году – в год смерти И.В. Сталина. И была великая скорбь. В школе на траурной линейке женщины плакали. Среднюю школу мы закончили в 1956 году, когда Н.С. Хрущёв разоблачил культ личности Сталина. Выпускной экзамен по истории у нас отменили. Правда, при поступлении в институт, экзамен по истории нужно было сдавать. А в посёлке бурно отмечали факт разоблачения культа Сталина. Население было, преимущественно, из ссыльнопоселенцев, поэтому, с одной стороны, были торжества, а с другой – выбрасывали и сжигали портреты Сталина, а в иных местах вывешивали их на столбах и расстреливали из ружей. Охотники с ружьями у нас были. Даже наш учитель по семилетке Леонов регулярно ходил на охоту со своей собачкой в болотных сапогах. Охотник он был

заядлый, но никудышный. Часто возвращался с охоты по пути мимо нашего дома без добычи.

В семилетке любимой учительницей была Анна Ивановна Лемещук. Она преподавала русский язык и литературу. Благодаря ей у нас развивались творческие способности. И благодаря ей я поступил на историко-филологический факультет Томского пединститута. Запомнился и учитель физкультуры Виктор Васильевич Нестеров. Он приучил меня к шахматам и научил обращаться с фотоаппаратом.

С шахматами была такая история. Виктор Васильевич организовал в школе шахматный турнир. Я в шахматы не умел играть. Но, поскольку был активистом в школе, в том числе и, как тогда говорили, физоргом, Виктор Васильевич включил меня в судейский состав. Я следил за игрой и заполнял итоговую таблицу. Заодно присматривался к игре. Игра мне понравилась, и я вскоре овладел основными её правилами. А поскольку турниры у нас проходили в школе и посёлке регулярно, я принимал в них участие и в 10 классе уже имел второй разряд. У нас в доме шахмат не было. Но ко мне приходил мой одноклассник со своими шахматами, и мы состязались с ним вдвоём. Он играл лучше меня, но я у него многому научился. Шахматы сопровождали меня по всей жизни. Наиболее постоянным партнёром был художник и доктор исторических наук Валентин Викторович Морозов. Обычно партии кончались с перевесом в одно-два очка в его пользу. У него был первый разряд. Мы брали с собой в дорогу мини шахматы, когда отправлялись в лес за грибами или ягодами. Играли в электричке или на остановке в её ожидании. Брали с собой шахматы во время экспедиций на Камчатку. Однажды, на берегу Тихого океана ему не повезло и он проиграл мне три партии подряд. Но потом две выиграл, вскочил на ноги, обратился лицом к океану и воскликнул: «О! Тихий океан! Будь свидетелем. Я выиграл!». На Камчатке, в посёлке Аянка, во время первой экспедиции, к нам приходил местный зоотехник Степан, и тогда мы играли втроём, соревнуясь «на вылет». В Тотьме Вологодской области был такой случай. Я к тому времени уже не курил и не пил. Трезвенником меня звали. А коллеги мои Валентин Морозов и Александр Амосов (тоже доктор исторических наук) любили выпить да курильщики были заядлые. Чтобы ограничить их в употреблении вина, я поставил условие: выиграете у меня партию, можно по рюмке принять, проиграете – нет. Поскольку после первой рюмки «соображаловка» у них плохо работала, то последующие партии они проигрывали. Так что начатую бутылку вина приходилось откладывать на другой вечер. Теперь давно уже у меня нет партнёров по шахматам, но партия шахмат всегда дома.

Виктор Васильевич Нестеров научил меня фотографировать. И даже делать художественные фотографии с виньетками. Таковые я делал к Новому году. Первым фотоаппаратом была у меня «Смена». Процесс изготовления фотографии тогда был сложным. Нужно было иметь специальный бачок для проявления и закрепления фотоплёнки; фотоувеличитель для печати фотографий; ванночки для проявителя, закрепителя и воды; фонарь с красным стеклом; фотоглянцеватель и фоторезак, а также различные химикаты для приготовления проявителя и закрепителя. Сначала мы сами всё это приготавливали, потом появились готовые составы, которые только нужно было растворить в воде. Помню мой первый опыт проявления плёнки. Отснял я все 36 кадров, зарядил в темноте плёнку в бачок и залил проявитель. В инструкции прочитал, что проявитель должен быть тёплый, а закрепитель холодный. Ну а я решил ускорить процесс проявления плёнки и развёл проявитель горячей водой. Когда после закрепления вытащил плёнку из бачка, она была чистой и прозрачной. Горячим проявителем смыло всю эмульсию. Позднее у меня были другие фотоаппараты: ФЭД, Zenit, Зоркий. Потом появились цифровые аппараты, вначале так называемые «мыльницы», потом и полупрофессиональные. Фотографий было много – школьных, студенческих, армейских, семейных, производственных и прочих. Мои фотографии экспонировались на трёх музейных выставках в Зеленограде, Каргополе и Долгопрудном. Выпустил и два каталога выставок в виде цветных буклетов: «Каргопольские зарисовки» (2014) и «Пути-дороги

80» (2019). Основная часть фотографий осталась в музеях. Часть – у родственников и в моей комнате в деревенском доме в Чернеево. А всё началось в семилетней школе.

Надо сказать, что в семилетней школе мы не только учились, но и занимались всякого рода общественной работой. В школе работал драмкружок. Наиболее удачным спектаклем была пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор». В школе был свой хор. Нас учили хоровому пению и декламации. Именно там я получил первые навыки и потом вёл программы и читал стихи на многих концертах и фестивалях. В школе праздновали новогодние ёлки. Однажды, когда я учился ещё в третьем классе, мать мне сшила из марли костюм зайца, и я пришёл в нём на ёлку в школу, чем и удивил одноклассников.

В школу ходить было далеко. Три километра по Северной улице или по дамбе. Жили мы бедно. Парты были с откидными крышками с полочками под крышкой. Туда и прятали ноги, когда приходил в школу босиком. Когда земля подмёрзнет, то бежать колкой глинистой дорогой было не очень-то приятно. Ничего. Не обижались. Терпели. Вот и народная мудрость гласит: «Без терпенья нет спасенья», «Терпенье даёт уменье», «Терпение и труд всё перетрут», «Терпи, казак, атаманом будешь», «Терпя в люди выходят».

В средней школе учились при электрическом свете. Электроэнергией весь посёлок обеспечивал лесопильный завод. В школе был длинный-длинный коридор с классными комнатами по обе стороны. Директором школы у нас был учитель истории Степан Григорьевич Неверовский. Жена его Мария Григорьевна преподавала географию. В этой школе художественная самодеятельность была в полном расцвете. Мы не только выступали с концертами в Доме культуры, но и выезжали на санях зимой в качестве агитбригад в окрестные деревни – Сарафановку, Подгорное, Тунгусово. Зимой 1956 года нас вывозили на грузовой машине в кузове под брезентом в Молчаново на районный смотр-фестиваль, где мы заняли первое место. А затем нас двоих, баяниста Лёню Мишустина и меня включили в районную команду для участия в областном смотре-фестивале, который проходил в Томске. Мы и там успешно выступили. Тогда такого рода фестивали проходили повсеместно в преддверии Всемирного фестиваля демократической молодёжи, который состоялся в 1957 году в Москве.

Это и есть наш славный коллектив Молчановского района с кубком фестиваля и грамотой. А в руках Лёни Мишустина грамота и маленький кубок, который ему вручили лично за исполнение на баяне полонеза Огинского. Я здесь в верхнем ряду слева второй.

Лёня Мишустин среди делегатов областного фестиваля. Ну а я (слева) развлекал ребят всякими рассказами

Во время отдыха на фестивальной поляне.

Вспоминаю один неприятный эпизод из школьной жизни, который произошёл из-за нашей глупости. Это я теперь осознаю и воспринимаю как глупость несусветную. А тогда мы считали себя поборниками справедливости. Дело в том, что немецкий язык преподавала нам учительница, которую мы невзлюбили. И, наверное, не потому, что она плохо преподавала, а потому, что мы должны были изучать немецкий язык, язык фашистов. Ненависть к фашистам передавалась ко всему немецкому. Может быть, поэтому и у неё были затруднения с обучением столь строптивых учеников. Мы решили бастовать, выступая за якобы справедливость. Написали письмо в район с жалобой на плохое преподавание. Приезжала комиссия. Нас вызывали по одному в учительскую. А мы упорно стояли на своём: «Не хотим такую учительницу». В результате её уволили. Как она, бедная, пережила эту ситуацию, мне неизвестно. А немецкий язык стал преподавать учитель русского языка и литературы Ростислав Васильевич. Он был участником войны, хорошо знал немецкий язык. Мы его глубоко уважали и за полгода в 10 классе выучили немецкий язык лучше, чем за предыдущие годы. Кстати, Ростислав Васильевич

опосредованно помог мне удачно сдать экзамен по немецкому языку при поступлении в пединститут. У меня на приёмных экзаменах были все пятёрки. А с немецким языком вышло затруднение. И перевод текста я плохо сделал, и с грамматикой запутался. Преподаватель мне говорит: «Где ж ты такой-сякой безграмотный обучался». «В Могочино» - говорю. «А кто учителем-то был». «Ростислав Васильевич», - отвечаю. «Ростислав Васильевич, - удивился он. Да мы с ним вместе в Германии служили. Давай зачётку». И поставил мне четвёрку.

Когда мы учились в семилетке, между школами проводились различные соревнования, в том числе военизированные игры. Однажды, в феврале 1953 года команда семилетки победила команду десятилетки, обнаружив её штаб, захватив в качестве трофея знамя и отобрав наибольшее количество наруканных повязок, что означало пленение противника. Команда десятилетки охраняла основные подступы к своему штабу. А мы, сделав маневр прямой атакой, отвлекли «основные силы», проникли с тыла через слабо защищённые места и овладели штабом.

В семилетке меня приняли в комсомол. Но первоначально райком комсомола не утвердил мою кандидатуру. Дело в том, что нас приняли в феврале в дни празднования очередной годовщины Советской армии. Документы на утверждение повезли в райцентр Молчаново в марте. А мне 14 лет исполнялось только 27 апреля. Вот обиды-то было. Всех семиклассников утвердили, а меня нет. Потом утверждали повторно уже в мае.

Это всё, что осталось от школы-семилетки (2012). Была она совсем другого вида. Эта часть, вероятно, от пристройки осталась. А основная часть здания была с высоким крыльцом, широким просторным залом и библиотекой.

В семилетке мы сдавали экзамены в 4 и 7 классах. Я учился прилежно. А вот брату моему Виктору учёба не давалась. Он на три года раньше меня пошёл в первый класс, но не раз был второгодником, и, заканчивая семилетку, мы с ним учились уже вместе в одном классе. Василий закончил семилетку в 1942 году, поступил в индустриальный

техникум в Кемерово. Шура закончила школу с отличием и после учёбы на курсах учителей работала в нашей школе. Я её очень стеснялся и не знал, как называть. В семье-то она была просто Шура, хоть и старше меня на 15 лет, а в школе – Александра Ивановна, хоть и сестра.

В восьмой класс я пошёл уже в среднюю школу-десятилетку, которую и закончил в 1956 году. Располагалась она в длинном деревянном здании в центре посёлка.

*На уроке физики. Слева Лёня Мишустин, на задней парте Толя Андрианов, замечательный спортсмен, лёгкий на подъём.
(Из фотоальбома Лёни Мишустина)*

Это наш 10 Б на крыльце школы. Тут я затесался среди ребят во втором ряду сверху третьим слева. Из памяти выветрились имена многих, хотя в лицо помню. Фотографию переслал мне по инету Лёня Мишустин. Здесь он в верхнем ряду второй слева. Рядом с ним Гена Черных. Справа вверху стоит мой друг,

с которым мы в шахматы играли. Рядом с ним Коля Кордаков. Во втором ряду слева от меня Валя Ерёмкина, следом выглядывают Саша Иконников и Сеня Чабан. Во втором ряду снизу слева первая Лера Напалкова, за ней умница и красавица Тоня Мишина, далее Зина Бахтина, учившая меня танцевать, рядом с ней директор школы Степан Григорьевич Неверовский, во втором ряду снизу второй справа Паша Кривошеин, ставший шофёром. В первом ряду в центре наша классный руководитель Анна Ивановна Лемещук, слева крайняя Нина [Чичеватова], подруга моего приятеля Бори Макарова, учившегося в 10А. Остальных не помню по именам. Здесь не все, а только те, кто был в тот день в школе.

Школу-десятилетку мы закончили в 1956 году. Был солнечный день, когда собрались мы на площади около школы на торжественную прощальную линейку. В добрый путь с наставлениями выступил директор школы Степан Григорьевич Неверовский. От учеников выступил Лёня Мишустин, закончивший школу с серебряной медалью. «В добрый путь, десятиклассники» - гласил вывешенный плакат.

(Из фотоальбома Лёни Мишустина)

Картинка из школьной жизни. Справа Лёня Мишустин, слева Боря Макаров, оба, кстати, баянисты.

Сейчас на месте нашей десятилетки стоит благоустроенное трёхэтажное каменное школьное здание, построенное ещё в годы советской власти. Здание школы со светлыми классами и просторными коридорами. Рекреации и классные комнаты эстетически оформлены. Приятно там находиться. Находится школа по адресу: Советская улица, дом 10.

Школа носит имя А.С. Пушкина, присвоенное ещё в 1937 году, в год столетия памяти поэта.

Я в Могочино окончил семилетку,
 В школу Пушкина потом я перешёл.
 В аттестате неплохие я отметки
 Получил. И в жизни путь нашёл.
 Помню, в школе деревянной мы учились.
 Длинный, длинный, длинный коридор,
 Классы с двух сторон. Мы в них стремились,
 Чтобы свой повисить кругозор.
 Вот заходишь, справа раздевалка,
 А левее кабинет учителей,
 Ну а дальше классы. Как мне жалко,
 Что уж не вернуть тех прошлых дней.

А вот директор наш, Степан Григорьич
 Неверовский. Вот его жена –
 Мы с ней не знали на уроках горечь,

Учила географии она.
А физруком был Виктор, наш Васильич,
Мы с ним на лыжах, иль на стадион.
Учил нас Владислав, тоже Васильич,
Вёл литературу и немецкий он.
Мы хорошо учились в нашей школе.
И Пушкина мы знали наизусть.
«Я Вам пишу, чего же боле» -
О том сегодня не спадает грусть.
Напротив школы клуб был пионерский,
Там неплохой спортивный зал.
Я с девушкою был совсем не дерзкий
И с нею вальс и танго танцевал.
А рядом дом культуры с кинозалом,
В фойе там были танцев вечера.
Туда, бывало, не пробьёшься даром.
Да и концерты шли там на «Ура!»
На стадионе шумно было вечно.
Играли постоянно мы в футбол,
И от ударов ловких встречно
Летал над сеткой волейбол.
Зимою дружно бегали на лыжах,
По снегу оставляя чёткий след.
Я скорость максимальную мог выжать,
Когда гнал улицею свой велосипед.
Как всё вокруг переменялось,
Как наша школа изменилась –
В новейшем здании она,
Прекрасно вся оформленá.
Все классы чисты и просторны
И нет здесь запахов тлетворных.
В фойе цветы, панно, портреты,
Картины, школьные газеты...
И два музея в школе есть,
В столовой можно всем поесть.
Цветы в садочке пред окном.
Мы и не думали о том,
Чтоб в школу Пушкин «приходил»,
Своих героев приводил
На бал к Татьяне иль к гусарам...
Мы лишь читали его с жаром.
И похвалялись меж собой,
Кто больше знает. Боже мой,
Как было всё это давно.
Но, хоть по жизни суждено
Нам в разных весях оказаться,
К былому будем прикасаться.
И нашу школу помнить будем,
Родных пенатов не забудем.
Спасибо всем учителям
За знанья, что вложили нам.
Они к труду нас приучили,

По их заветам мы и жили.

В школе бережно относятся к сохранению исторической памяти. В ней активно работают литературный им. А.С. Пушкина музей, открытый в 1972 году, и Краеведческая комната, созданная в 1980 году, где экспонируются предметы по истории края.

В послевоенные годы мы краеведением не занимались, но с любопытством обследовали окрестности. Жаль, что в ту пору учителя не организовали нас на изучение и описание края и на фиксацию событий. Имея фотоаппарат, я много фотографировал. Как бы они теперь мнегодились, если бы не сгорели вместе с деревенским домом. Часть обгоревших альбомов, намочших при тушении, вытащили мы из-под кучи золы и угля, и по тексту я их попытаюсь вставить. А пока зайдём в школу и познакомимся с работой юных краеведов и осмотрим музейные экспозиции.

Стенд в краеведческой комнате, которую гордо называют музеем.

Коллекция предметов быта – результат деятельности школьных краеведов.

Экспозиционный комплекс детского творчества.

В школу часто приезжают её выпускники и обязательно посещают музей с изучением краеведческих исследований.

Здесь мы видим руководителя краеведческого музея и выпускников 1986 года, приехавших из Томска в 2012 году.

Литературный музей им. А.С. Пушкина, создававшийся вначале как кружок любителей творчества поэта «У лукоморья», проводит активную работу. Это и пушкинские уроки, научные конференции, вечера, конкурсы, балы. Здесь организуются также районные и областные праздники. А праздники праздновать любят и стар и млад. Не зря же говорят: «Всякая душа празднику рада». К тому же русская пословица гласит: «Праздники памяты, а будни забывчивы».

Интересную заметку я скачал из интернета о том, как музей организовал бал в честь юбилея поэта в 2017 г: «Перенестись в 19-й век, станцевать вальс на балу и попасть на поэтический вечер смогли ученики могочинской школы. Таким образом они отметили день рождения Александра Пушкина. Событие для учреждения имеет особое значение, ведь на его базе расположен единственный в регионе музей, посвященный жизни и творчеству великого поэта. Атмосферу 19-го века можно почувствовать уже при входе. Гостей встречает оркестр, повсюду дамы и кавалеры в костюмах. Последние к литературному вечеру готовятся особенно тщательно. В образе важна каждая деталь. Неизменный атрибут каждой девушки на балу - веер. Его изготавливают вручную на мастер-классе. Главный секрет не в технологии, а в фантазии. В соседней комнате тоже идут последние приготовления к торжеству. Еще минута - и раздаются звуки вальса. Танец, зародившийся в конце 18-го века, кажется, никого не оставит равнодушным. Для тех, кому светские забавы чужды, могли поближе познакомиться с творчеством Александра Пушкина, смастерив своими руками миниатюрный сборник стихотворений. Впрочем, в полной мере ощутить себя человеком Пушкинской поры можно в одноименном музее. Единственный в Томской области, вот уже 45 лет он открывает для своих посетителей страницы из жизни великого поэта. Коллекция музея пополняется ежегодно. Здесь и периодика 19-го века, и копии рукописей поэта, воспоминания его современников и исторические справки о декабристском движении. А не так давно в школе открылся кружок "Пушкинистов". Ребята говорят, именно через книги эта близость с блистательным Золотым веком русской литературы ощущается как-то особенно сильно».

(См.: mogochino@molchanovo.tomsknet.ru)

Работа музея настолько интенсивна, что мне за три дня пребывания так и не удалось обстоятельно побеседовать с активом музея. Зато я побывал на театрализованном представлении, посвящённом 200-летию Отечественной войны 1812 года. Ребята олицетворяли собой воинские подразделения русской армии (гусары, драгуны, кирасиры, пехота) и соревновались в знании военного искусства той поры. Смотришь на такие занятия ребят и думаешь, как жизнь хороша и удивительна. И тяжесть на сердце от утраченного снижается. Ощущается надежда на доброе будущее. Правду ведь люди сказывают: «Счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда».

В моём сознании учитель – всегда и во всём «сеятель разумного, доброго, вечного». Мы всегда вспоминаем своих учителей добрым словом, ибо от них исходило добро в самом широком смысле этого слова. Добро, добрый, добрая, доброта, добропорядочность, добронравие, добролюбие... Всё это неотъемлемые понятия русского народа. И это отражается в народной мудрости: «Делай добро, и тебе будет добро», «Добра желаешь, добро и делай», «Кто добро творит, того бог благословит», «Добро наживай, а худо избывай», «В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится», «Доброе дело и в воде не тонет», «Доброе дело на два века: на этот и на тот», «Доброму добрая память», «Добрые люди умирают, да дела их добрые не пропадают».

Не могу не выразить своё отношение к современному состоянию народного образования. 16 лет проработал я в школе. Да и потом, работая в детских учреждениях и органах народного образования, а также в музеях, вся моя деятельность была связана со школьниками и студентами. Наверное, неплохо работал, коли присвоили мне звание «Отличник народного просвещения» и вручили, среди прочих, Благодарность Комитета по образованию Государственной думы РФ. Так вот. Я присоединяюсь к мнению многих известных педагогов, видных учёных, политических и общественных деятелей, когда они говорят о развале системы образования и негативных последствиях реформы, проведённой либерал-демократами. Посудите сами. Что представляет собой нынешняя болонско-болванская, егэшно-еговная система образования? Если открыть интернет, то можно найти вполне благоразумное обоснование Болонской системы и убедительные доводы в её прогрессивности. Но это всё от лукавого. Любая статья в обосновании может быть применена к любой системе. Ай, как хорошо! Ай, как замечательно! А что кроется за этими обобщающими фразами? Какова причина появления Болонской системы образования именно в конце XX века?

Давайте проследим социальные движения XX века в России. Массовые забастовки рабочих Юга России в 1904 году, расстрел мирной демонстрации в Петербурге в 1905

году, революция 1905-1907 годов, расстрел мирной демонстрации рабочих на Лене в 1912 году, свержение монархии в феврале 1917 года. Всё это, к тому же и на фоне провальных войн, привело к социалистической революции в октябре 1917 года и последующей гражданской войне. Как результат этих глобальных событий – смена собственности, установление новых социально-экономических отношений, появление новой социально-политической формации и социалистического государства. Для правящих кругов стран капиталистического мира такой поворот событий был крайне нежелателен. Тем более, что был взят курс на мировую социалистическую революцию и создан новый Интернационал под лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». Угроза капитализму нависла над всем капиталистическим миром. К тому же было уже сформировано и теоретически обосновано появление мирового коммунизма в философии марксизма, в России – марксизма-ленинизма. Такого развития события капитал не мог допустить. Поэтому надо было формировать такое сознание людей, такое их мировоззрение, чтобы не возникало желания в преобразовании капиталистических отношений. А сознание и мировоззрение формируется на школьной скамье. Поэтому в образовательных программах капиталистических стран был предусмотрен такой уровень образования, который позволял бы человеку найти своё место в условиях развивающегося научно-технического прогресса. Место исполнителя чужой воли, а не преобразователя в общих интересах. В Советском Союзе был взят другой курс. Курс на всеобщее и разностороннее образование, способствующее развитию мыслящей личности. Благодаря этому советская страна за семь десятков лет достигла высочайшего развития, пройдя путь от разрушающих последствий Гражданской и Отечественной войн к великой мировой державе. В капиталистическом мире, несмотря на убогость образовательных программ, население, тем не менее, получало всё большие знания в связи с необходимостью встроиться в технический прогресс. Люди стали всё больше и больше мыслить. Появились протестные движения. Тогда и была разработана Болонская система, нацеленная на формирование такой личности, которая безропотно принимало бы существующую форму жизни. Болонская система 1998 года предусматривает подготовку специалистов узкого профиля. Боже упаси, чтобы эти, порой классные специалисты в своей отрасли, думали и что-либо предпринимали в области социальных отношений. Вот и Россия присоединилась к Болонской системе образования, которая, в конечном итоге, ведёт к снижению общего уровня образования. Рассмотрим частный пример. ЕГЭ – единый государственный экзамен. Как можно его успешно сдать, занимаясь по различным программам. Проанализируем учебные программы по истории. Дело в том, что у нас существуют именно программы, а не программа. Учитель волен учить детей даже по собственной программе, выбирая тот или иной учебник. А учебников за последние два десятка лет наштамповали несколько десятков. То есть для каждого возрастного класса имеются по три-четыре разных учебников. Мало того, в учебниках по истории опущены важные события в нашей стране или трактуются весьма субъективно. Как можно понять необходимость ликвидации социализма, не изучая решения съездов и конференций РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, которые определяли путь развития страны, не анализируя итоги советских пятилеток, не вдаваясь в особенности национальных отношений? Да и не нужно по болонской системе развивать мыслящую личность. Надо воспитывать послушных исполнителей, а не разумных преобразователей. Послушными ведь легче управлять и сохранять свою власть. Ну а сами тесты ЕГЭ на что нацелены? Главное ведь для ученика не сущность явления познать, а угадать правильно ответ. Зададимся вопросом: кто составляет эти тесты? Каков их уровень образования? Получается, что надо не истинные знания показать, а угадать мнение составителя тестов. А этот самый составитель каким уровнем знаний обладает? По какому учебнику занимался? По какой программе в институте или университете обучался? И ещё. Стобальная система оценок. Да при наличии огромного количества вопросов всегда можно угадать правильный ответ наскрести минимум баллов для удовлетворительной оценки. Так и обучаем

малограмотных троечников и успешно угадывающих «хорошистов» и тем самым воспитываем поколение послушных исполнителей, угадывающих мнение своего начальства. Угадал – получил хорошую оценку, угадал – получил хорошую зарплату. И живи себе спокойно, послушно выполняй волю начальника и не пытайся что-либо предпринимать, иначе будешь уволен не по законодательной статье за, скажем, плохую работу, а «по недоверию». В свою очередь, твой начальник тоже может быть уволен «по недоверию», поэтому он тоже будет стремиться быть всегда в «доверии» у высшего руководства. И никаких тебе волнений, социальных движений. Будь хорошим специалистом, делай, что велят, находишься в «доверии», исполняй желания вышестоящих. А если не стал хорошим специалистом, сиди и помалкивай, выполняя подсобные работы. В этом и есть суть Болонской системы образования.

И ещё одно замечание. Вы думаете напрасно заменили слово «учащийся» на «обучающийся»? Отнюдь, нет. Всё по Болонской системе. В школе теперь не учат, а обучают. Как в цирке обучают собак, кошек, слонов, свиней... **Обучить** их можно. **Научить** нельзя. Так вот, наших школьников обучают исполнять то, что велят. Приучают к мысли – обучиться угадывать и исполнять указания дрессировщика. Раньше говорили: учащийся – ученик, ныне: обучающийся – следовательно, обученик. Если мы учились в школе, то теперь обучаются в муниципальном **образовательном** учреждении «средняя **образовательная** школа муниципального **образования** «село Могочино» (МОУ СОШ МО). Сплошная тавтология. Вместо одного слова пишем целый набор слов или сложную аббревиатуру. Иногда аббревиатура звучит неприлично. Например: МУДО, что означает муниципальное учреждение дополнительного образования. Вот и мудохоятся наши современные дети в образовательных учреждениях, а образования получают с гулькин нос.

Это одна сторона дела. А другая заключается в том, что теперь принято не учить (обучать), а оказывать образовательные услуги. Школьник же не знания должен получать. Он должен получать эти самые пресловутые образовательные услуги. А степень восприятия этих услуг определяется баллами по системе ЕГЭ. Справедливости ради следует заметить, что многие учителя, и в целом школы, продолжают ещё по инерции учить детей, а не услуги оказывать. Но грамотных выпускников школ, с хорошим средним образованием, становится всё меньше и меньше.

В пословицах русского народа В.И. Даля нет слова обученье, есть ученье, учить и учиться: «Ученье свет - а неученье - тьма», «Красна птица перьем, а человек – ученьем», «Не учи безделью, учи рукоделью», «Что мучит, то и учит», «Не учась и лаптя не сплетёшь», «Учись доброму, так дурное на ум не пойдёт». Историческим опытом выведено: учиться надобно, а не обучаться. Вспомним, что и А.С. Пушкин писал: «Мы все учились понемногу...». Учился он, а не обучался, потому и великим поэтом стал, основоположником русского литературного языка.

А народ русский о языке меткие слова сказывал: «Лучше ногою запнуться, нежели языком», «Мал язык, да всем телом владеет», «Не ножа бойся, а языка», «Не спеши языком, торопись делом», «Язык царствами ворочает», «Язык языку весть подаёт», «Язык языку ответ подаёт, а голова смекает».

С моей учёбой в школе и последующей работой тесно перекликаются мысли Ю.М. Соломина. Привожу его текст без сокращений:

«Душу формирует и детский сад, и семья. Но прежде всего школа! Я в первый класс пошёл в 1943-м. Зима, война... Какой завтрак тебе дома соберут? Чай из трав. Кусок хлеба. А в школе с самого утра топилась печка. После второго урока учительница заваривала чай всё на тех же травах, каждому наливала в его кружку чуть-чуть разведённого сахара - личного! Открывалась дверь - и дежурный вносил противень, на котором лежали пирожки. С чем уж они были, не помню, но они казались нам самыми вкусными на свете! Мы их ели, прихлёбывая кипяток, а учительница в это время рассказывала разные истории. Это называлось - воспитание! Это называлось -

забота! Забота о следующем поколении. С этого начинается воспитание любви к Родине - когда ты чувствуешь заботу Родины о себе. А сейчас я слушаю все эти рассуждения - платное образование, элитные школы... Я вообще не понимаю, что это такое - элитные ученики. Что такое элитные собаки или лошади - понимаю. А элитных людей не знаю - знаю образованных. Интеллигентных знаю. Попытка заместить один класс другим - интеллигенцию на элиту, степень элитарности которой определяется уровнем их дохода, - рождает расслоение, а с ним одичание души, которое мы получили. Островский в своё время сказал: «Без театра нет нации». Перефразируя его, скажу: без культуры нет нации. Как можно было убрать из школьной программы часы литературы и русского языка? Сейчас спохватились! Вернули сочинение в экзамены. И вдруг выяснилось, что за эти годы, пока детей натаскивали на ЕГЭ, они разучились письменно формулировать мысли. То есть разучились анализировать, размышлять! Теперь опять что-то пытаются подкорректировать, там добавить, тут убавить. Нельзя так! Нужно один раз, не стесняясь, сказать: «Извините нас! Мы хотели, как лучше, а получилось как всегда!» Убрать ЕГЭ. Вернуть экзамены в том виде, в каком они испокон веков существовали в нашей школе. У современных детей спросите: «Вы знаете, где Байкал?» Тебя пошлют... куда подальше. И что возле Красной площади памятник стоит маршалу Жукову, они тоже не знают. Гадают, что это за генерал такой может быть... Когда свою собственную историю мы начинаем забывать, мы получаем то, что имеем сегодня»¹.

Всё так, уважаемый Юрий Мефодьевич. У нас в школе только пирожков не было. Но образование мы получили надлежащее. Благодаря школьному образованию я и высшее образование получил, и диссертацию защитил, и приглашённым профессором в Сорбонне работал.

К точным наукам у меня призвания не было. Химия, тригонометрия – моя печаль. Правда, физику любил. А вот к гуманитарным наукам было у меня предпочтение. Особенно любил историю, литературу, географию. В школе учился я хорошо. Как тогда говорили, был «хорошистом». В нашей семье я первым получил среднее образование, окончив 10 классов Могочинской средней школы им. А.С. Пушкина. Братья мои Василий и Виктор и сестра Шура имели семилетнее образование. Они потом получили среднее специальное образование, а я высшее. Начинать учиться я в семилетней школе, что располагалась на Северной улице. В четвёртом классе были экзамены. Тогда я получил первую свою грамоту за хорошую учёбу. Экзамены были и в 7 классе. Грамота была адресована родителям. В 10 классе мы сдавали все экзамены, кроме истории. Это был 1956 год, когда Н.С. Хрущёв разоблачил культ личности Сталина. Однако для поступления в Томский государственный педагогический институт история была включена в список экзаменационных дисциплин. Поступил я на историко-филологический факультет с уклоном на изучение иностранного языка. Учился с интересом. Просиживал в библиотеке вплоть до её закрытия. Потом приходил в общежитие и читал книги при свете дежурной лампочки у стола коменданта. На факультете у нас было 13 ребят. Все мы жили в одной комнате, в которой было всего 12 кроватей. Так что мы втроём спали на двух сдвинутых вместе кроватей. Из сокурсников запомнились мне Юра Ботев, Витя Степанов и кореец Володя Ким. Вместе с ними мы с участковым милиционером ходили дежурить по улицам Томска как «бригадмилыцы», то есть добровольные помощники милиции по наблюдению за порядком в городе. В сентябре и начале октября ходили мы в городской сад на танцы. А зимой там заливали каток, и мы, взяв коньки на прокат, резвились там на льду. Однако закончить пединститут

¹ <https://skeptimist.livejournal.com/3237106.html> Пишет skeptimist (Блог Андрея В. Ставицкого) (

в Томске мне не удалось. Весной 1957 года на призывной комиссии у меня определили плохое зрение, к тому же и косоглазие. Врач закапала мне в глаза атропин, в результате чего зрачки расширились, и передо мной всё поплыло, как в тумане. С трудом добрался до общежития. Зачем врач закапала мне атропин мне было не ясно. И последствиях не предупредила. Я решил, что потерял зрение. Восстанавливалось зрение медленно. Учиться я не мог. И решил взять академический отпуск по болезни. Это был март месяц. Сибирская зима в полном разгаре. Из Томска до райцентра Молчаново долетел на самолёте Ан-2 с превеликой тряской. Потом через Обь перешёл на другой берег, миновал Усть-Чулым. Шёл всю ночь при свете луны по снежно-скрипучей дороге. Домой пришёл только утром. Высшее образование получил я уже в Москве, окончив заочно областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. Степень кандидата исторических наук защитил в Московском государственном историко-архивном институте в 1984 году к своему 45-летию.

О том, какой уровень образования получают современные школьники, я могу судить по своим студентам. В прошлом у нас в институте на кафедре музееведения были группы по 18-20 человек. Из них всегда находились один-два слабых, еле успевающих и слабо защищавших свои дипломные сочинения. Ныне в группах по 6-8 человек, иногда до 10. Из них 1-2 умных, творчески мыслящих. Остальные не могут ясно сформулировать свои мысли. Студенты мне прямо заявляли, что их в школе отучили мыслить, творчески рассуждать, читать стихи, запоминать афоризмы великих людей.

Кроме того, что внедрили термин «обучающиеся», так ещё и изменили само понятие - образование. Теперь в современной школе учителя не профессиональный учительский долг выполняют, не учат и не воспитывают, а оказывают образовательные услуги. Учитель ныне не педагог, а менеджер по оказанию образовательных услуг. А главное в деятельности менеджера – бизнес, извлечение прибыли.

Теперь вот грядёт ещё и цифровизация, в том числе и в образовании. Но живого учителя нельзя заменить цифрой. Виртуальность к делу не приучит. Как гласит народная мудрость, «живое слово дороже мёртвой буквы». К тому же в произношении слова масса оттенков, интонаций. Воспитывает и учит порой не само слово, а то с каким выражением оно произнесено. Вспомним, например, что «ласковое слово и собака знает» или «ласковое слово лучше мягкого пирога», а «худое слово до греха доводит». Интонация слова и ласкает, и повелевает, и успокаивает, и гневит, и заставляет задумываться. Цифровой технологией этого не передашь.

Кстати, в речи журналистов и государственных деятелей употребляются не только всякого рода новоязы. Неумение подобрать соответствующее предложению слово приводит к употреблению обобщающего понятия, которое по существу не означает то, что говорящий имеет в виду. К примеру слово «структура». Загляните в любой словарь и почитайте и узнаете, что слово структура происходит от лат. *Structūra* - строение, устройство; связь или расположение составных частей. Посмотрим, как употребляют это слово наши современники, получившие образование по Болонской системе или принявшие её. Я зафиксировал только то, что слышал в речи говорящих по телевидению.

Структура – одно из самых употребительных слов чрезвычайно «грамотных» журналистов и деятелей российской демократии. По их косноязычию структуры бывают: административные, банковские, бюрократические, важные, военизированные, военные, второстепенные, государственные, гражданские, гуманитарные, демократические, дополнительные, европейские, коммерческие, конкретные, маргинальные (Ю. Лужков), комсомольские, международные, молодёжные, некоммерческие, образовательные, общественные (Д. Медведев), олигархические (В. Соловьёв, А. Хинштейн), партийные, патриотические, подпольные, политические, правоохранительные, предпринимательские, проверяющие, религиозные, российские (Д. Медведев), силовые, современные, спортивные, территориальные, успешные, финансово-экономические, федеральные,

финансовые, частные, экономические и иные всякого рода структуры в политике; экономике, образовании, общественной жизни и т.д. и т.п., в т.ч. структурные силы, экстремистские структуры. Д. Медведев: «У нас так: появляется проблема – создаём структуру». В.В. Путин: «Активное участие в этом деле принимают различные структуры и организации». Он же: «Международные институты и структуры». Ещё перлы о структуре из газеты АИФ, № 38,2011 (в статье Г. Александрова «Россия – не для русских»): создать структуры, ответственные за подготовку нужных кадров; в бюджет коммерческих структур в Москве закладывается около 50 тысяч рублей на каждого привлечённого мигранта; (из интервью с К. Полтораниным); депутат обратился к федеральной структуре; у местной структуры нет полномочий; проблему может решить федеральная структура; представители региональных структур; структуры, которые могут стимулировать; уголовно-следственные структуры; евро-атлантические структуры; Федеральная миграционная служба – структура, ... занимается в основном имитацией деятельности. Ещё перл из уст главы администрации Челябинска: «без согласования соответствующих структур...». Путин повелел создать структуру по решению жилищных проблем.

От скудоумия это слово употребляется. Вместо того, чтобы назвать конкретное наименование организации, учреждения, предприятия, явления и т.д., употребляется это понятие, имеющее совсем иной смысл. Иностранцы же порой затрудняются понять смысл произносимой речи со словом структура.

Ещё одно, часто употребляемое слово, бренд. Употребляется, как понятие отличительного, сверхсовершенного, показательного. Заимствовано с закордонного. Но употребляется-то в русской речи. А русское значение этого слова совсем иное. Бренд – это глупость. Сбрендить – сойти с ума, лишиться рассудка, нести несусветную чушь. Однажды я стал объяснять русское значение этого слова директору Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения. Не гоже, говорю, употреблять слово, имеющее совсем другой смысл. А он мне в ответ: «Другого слова нет». Это у него нет. Научились, вернее, обучились, говорить штампами, а развивать своё логическое мышление таковым грамотеям недосуг.

Советская школа учила нас на примерах литературного языка, коим обладали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.Я. Шишков, А.И. Куприн, И.А. Бунин, М.М. Зощенко, М.А. Шолохов, Н.П. Задорнов, А.С. Иванов, В.Г. Ян, К.М. Симонов... Из моих студентов мало кто знает поэзию Ивана Никитина, Алексея Кольцова, Фёдора Тютчева, Афанасия Фета, Сергея Есенина, Александра Блока, Сергея Клычкова, Николая Рубцова, Александра Яшина; прозу Павла Бажова, Андрея Мельникова-Печерского, Александра Серафимовича, Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и многих других. Михаила Задорнова знают только по его выступлениям по телевидению. Плохо знают и книги иностранных авторов. Если кого-либо по имени и назовут, то раскрыть содержание книги не могут. Александра Дюма знают только по кинофильму «Три мушкетёра». Удивляются, что это были два писателя – отец и сын. О чём писали Оноре де Бальзак и Эмиль Золя – тёмный лес. Шекспира назовут, но что-либо процитировать – Боже упаси. Как-то мы с одной умницей-студенткой стали обсуждать творческое наследие французских энциклопедистов, остальные слушали с удивлением открыв рты. Для них это было открытием.

Таков-то уровень школьного образования. Со студентами порой не интересно заниматься. Приходится рассказывать им о событиях прошлого, которые они должны были бы знать, но ставшие для них неведомыми.

Такова вкратце моя позиция. Более подробно на примере деятельности музеев раскрывается это в моих публикациях и учебных пособиях, о чём можно узнать, открыв электронное периодическое издание «Открытый» в рубрике «Текст музея».

Монастырь

Ещё в конце XX века с удивлением я узнал, что в Могочино возник монастырь. И вот в 2012 году воочию убедился в его существовании. Но недоумение так и не покидало меня. И убедительного объяснения, почему здесь возник монастырь, так и не нашёл.

Посудите сами. Понятие монастырь происходит от слова *моно* – одинокий. Традиционно монастыри возникали в уединённом месте. Монах (то есть один, одинокий) устранился от мирской жизни и посвящал себя служению Богу. За богоугодное дело и его молитвы наделялся он чудодействием. О его святой жизни и чудесах узнавали люди и поселялись рядом. Возникало монастырское поселение при возведённом храме. Здесь же, в Могочино, произошло обратное явление. На освоенном месте, никем не намолённом, на месте жилых домов и приусадебных участков, в центре посёлка, насквозь пропитанном мирской жизнью, возник монастырь. Причём основатели монастыря в годы перестройки купили дом и поселились в нём. Затем прикупили ещё рядом находящиеся дома и на их месте возвели монастырь. Монастырь расположен на Советской улице, номер 19 между улицами Калинина и Спортивной.

То, что храм в монастыре посвящён святителю Николаю, вопросов не вызывает. Святой Николай слывет Угодником Богу и людям. Он служит во благо людей. Делает богоугодные дела. Он Защитник трудового люда, покровитель во всех делах, в том числе и в путешествиях. Он один из самых почитаемых святых. Недаром, на Руси самое большое количество церквей посвящено именно Святому Николаю. Но почему он женский? И почему определяет на проживание в нём паломников монах, а не монахиня?

Это мнение обывателей. А вот что объясняется официально: *«Спасо-Никольский монастырь в посёлке Могочино основан 1 октября 1989 года, когда в только что открывшийся Никольский приход приехал иеромонах Иоанн (Луговских) с монахиней Ириной (Селивёрстовой). Под храм был оборудован деревянный дом. Приход приобрёл также три близлежащих дома – они стали территорией будущего монастыря. Строительство обители велось без централизованного финансирования, за счёт пожертвований благодетелей. Причина появления такого духовного центра в «неперспективной» глубинке связана с подвигом невинно сосланных сюда в период репрессий, а также с духовным очищением этих древних языческих мест, никогда не встречавшихся с церковной благодатью»¹.*

Отсюда следует, что и моя семья и сам я причастны к подвигу, который и стал одной из причин появления здесь духовного центра.

¹ https://svyatsy.org/svyaty-mesta/rossiya/tomskaya_oblast/mogochino-to/svyato-nikolskiy_monastyr_v_s__mogochino/

Монастырь развивается и расширяет свою деятельность. Открыта воскресная школа, где обучают детей иконописному мастерству. Строится новое здание гостиницы. Монастырь издаёт свою газету, в которой, наряду с богослужебными публикациями и информацией о жизни в монастыре, сообщается о благодетелях и формах их материальной и финансовой помощи для нужд монастыря.

Вечерело. Накапывал мелкий дождь. Сумрачно. От переправы подошли мы к монастырю. Какой-то мужичок, совсем не в монашеском одеянии, велел войти в храм и ждать отца Серафима (кажется, так он назвал монаха). Долго ли, коротко ли я ждал, тщетно пытаясь разговориться с присутствующими на предмет встречи с настоятельницей. Наконец, явился батюшка. Семейную пару определил на проживание в сельском доме, а мне повелел подняться по ступеням в помещение, где меня приняла добрая женщина и определила на поселение в одной из комнат. Рассматривая мой паспорт, удивилась, что я родом из Могочино. Но ведь у меня никаких родственников здесь не осталось. А кто ещё из знакомых здесь живёт, мне неизвестно. В монастыре прожил я три дня. На большее времени не было. Надо было возвращаться в Томск для участия в научной конференции.

Монастырь поразил меня своими размерами. Высокие стены хорошей кирпичной кладки. Довольно большая территория. Благопристойная служба в храме. Бесплатное проживание и питание в трапезной. Есть и буфет-столовая в помещении, куда определили меня на проживание. Служба проходит регулярно. Народу достаточно много. Хотя мне сказали, что местные жители ни в монастырь, ни в церковь на службу не ходят. Прибывают сюда паломники. По всей видимости, монастырь приобрёл большую популярность среди верующих. Как мне сказал сосед по комнате, прибывший сюда второй раз, большинство паломников приезжают из Кемеровской области и Красноярского края. Сам он из-под Иркутска. В храмелюдно особенно по выходным дням. Странно, но на паромной переправе я не видел родителей с детьми. Здесь же, в храме, во время службы бегают малые дети.

В этом женском монастыре я и жил три дня. Вернее, ночевал три ночи. Днями я бродил по знакомыми с детства, но порой неузнаваемыми улицами. Встречался с людьми. Пил у добрых людей козье молоко. Знакомился с работой школьных музеев. И фотографировал.

Что представляет собой монастырь, можно увидеть на сделанных мною фотографиях.

Это стена и вход в монастырь. Как видим, размеры внушительные. Человеческие фигуры совсем маленькие.

Выход из монастыря на улицу.

Постройки внутри монастыря.

Видна лестница, ведущая в приёмный покой, где размещают на проживание.

На заднем дворе монастыря.

Справа просматривается стена храма

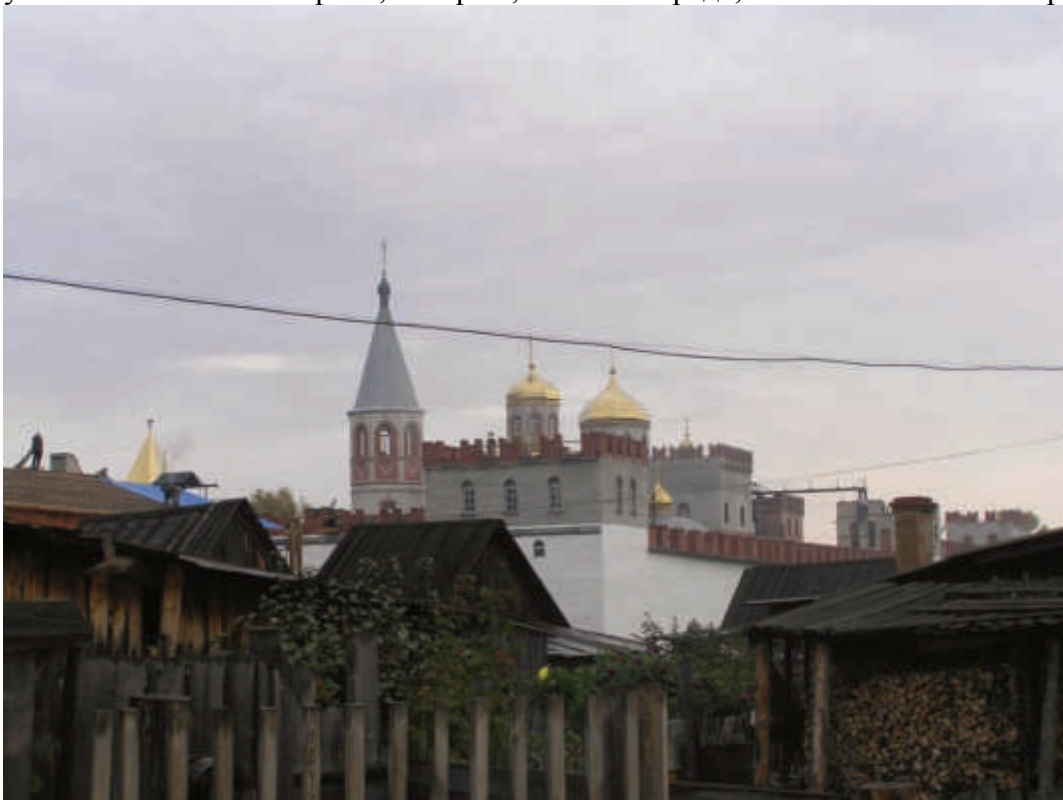

Стена храма слева. Следует заметить, что храм со двора монастыря нельзя полностью сфотографировать. Слишком близкое расстояние, и храм в объектив не входит.

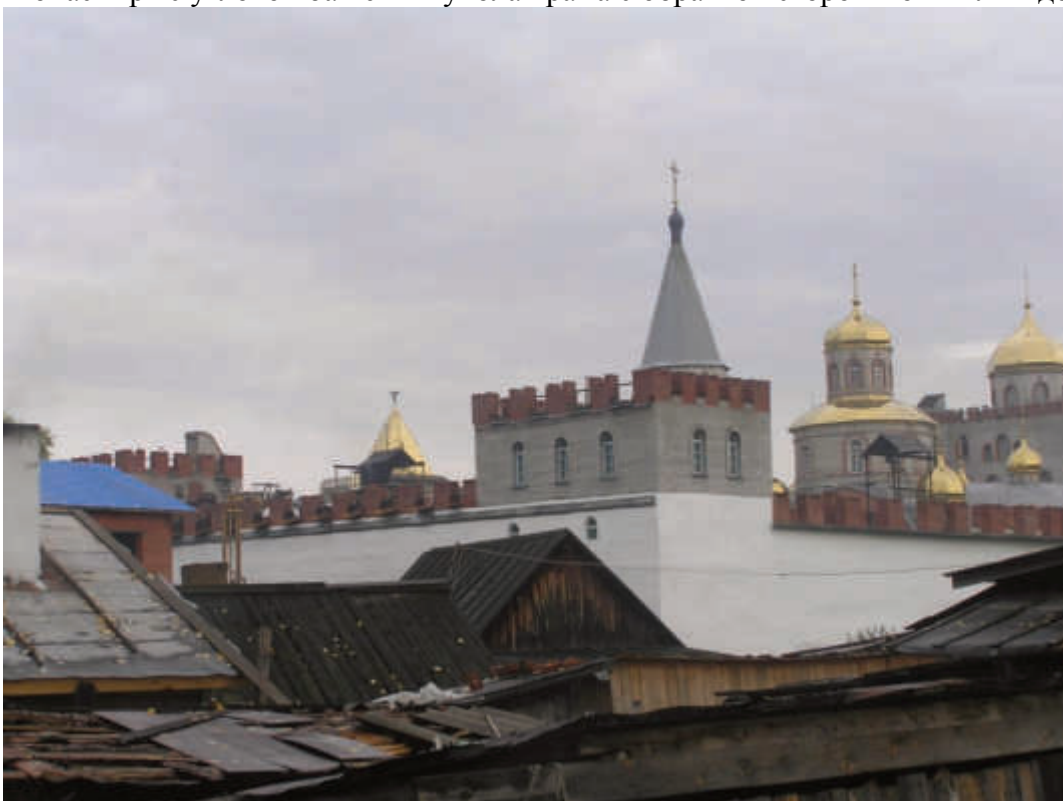

Наконец, найдено место с видом храма, по которому можно представить его величие. Центральный купол со шлемовидным завершением, боковые купола луковичные, все купола с золотым покрытием, колокольня с шатровым завершением. Храм выложен кирпичом белого цвета с обрамлениями кирпичом красного цвета. Кроме куполообразного и шатрового покрытия использованы стилизованные бочкообразные завершения боковых сторон. Купола увенчаны православными крестами. Громоотвода не

видно. Окна колокольни закрыты, колоколов тоже не видно. Шатровое навершие установлено на восьмерике, который, в свою очередь, возвышается на четверике.

Монастырь с угловой башей и купола храма с обратной стороны от жилых домов.

Вид с угловой башни монастыря. Навершие стен напоминает кремлёвские стены Москвы. Убогие дома как бы подчёркивают величавость монастыря и его благоденствие.

Вид монастыря с обратной стороны от входа. На переднем плане огороды поселян.

Противоположная от входа стена монастыря. И здесь видны убогие постройки.

Вид со стороны другой угловой башни.

Жилой дом, баня (?), сарай и огород на задах монастыря. Мирская жизнь вокруг монастыря продолжается, хотя порой и в неприглядном виде.

Монастырь Колпашевской епархии зарегистрирован как юридическое лицо 10 февраля 1997 г. С 2003 года настоятельницей значится Селиверстова Надежда Алексеевна.

Возводится новое монастырское здание вне стен монастыря. Гостиница для паломников или монастырская школа?

Вода и пламень

Известно, что без воды жить нельзя. Без огня-пламени тоже. Известно также и о губительной силе воды и пламени. О том и русские пословицы гласят.

Вода и землю точит и камень долбит.

Водой мельница стоит, да от воды ж и погибает.

Всегда жди беды от большой воды.

Где много воды, там жди беды.

От жару и вода кипит.

Тихая вода берега подмывает.

Огонь беда, и вода беда; а без огня и воды – пуше беды.

Огонь не вода – охватит, не выплывешь.

С огнём не шути, с водой не дружись, ветру не верь.

С огнём да водой не поспоришь.

Эти пословицы я привожу не напрасно. Ибо пришлось мне пройти сквозь огонь и воду. О пожаре на лесозаводе я уже писал. Но это была общая беда. И в ликвидации пожара я принимал посильное участие. Однако пожар коснулся и меня лично.

Случилось это совсем недавно в 2017 году в Подмосковье. В нашем деревенском доме от взрыва газового баллона сгорел только что построенный бревенчатый дом. Случилось это ночью. В доме я был один. С трудом выскочил из обжигающего пламени, получив ожоги третьей, местами четвёртой степени. Целый месяц меня вылечивали в НИИ Склифосовского. Следы от ожогов сохраняются и по сей день. Так что опасную силу огня я испытал на себе.

Но с другой стороны, огонь отапливал нашу русскую печь в Могочино. На печи мы грелись, сушили валенки и одежду. В печи готовили пищу. Пекли пироги с картошкой, морковкой, капустой. Запекали в золе картошку, репу, брюкву. Печь была нашим спасением. А печь без огня мертва. Огонь согревал нашу семью всюду. Сначала родители жили в землянке на острове, и там была печурка. Весной остров залило половодьем, и родители перебрались на Северную улицу в барак, где было печное отопление. Потом отец и брат его Гавриил построили небольшой дом на два хозяина с двумя входами на Озёрной улице, где я и родился. В 1946 году построили новый, по моим детским представлениям, большой дом. В нём была большая русская печь с полатами. Печь согревала нас в суровые зимние морозы. А что за печь без огня? Но чтобы был огонь, нужны дрова. Дров у нас было предостаточно, беды в этом не было. О заготовке дров я уже тоже писал. В лесу дрова не заготавливали, возили от заводской свалки древесные отходы – срезку и горбыли. Так что огонь обеспечивал нам жизнь. Огнём нагревали воду и каменку в бане. Огнём сжигали вырубленный лес во время корчёвки. Огнём обогревались у костра во время походов. Так что огонь имел, с одной стороны, разрушительную силу, с другой – живительную.

Таковую же роль играла и вода. Здесь я поведаю только об одной стороне разрушительной и живительной силе воды. Речь пойдёт о наводнениях, весенних паводках. Мы жили за дамбой и испытали на себе воздействие воды на человека. Весной, когда разливалась Обь, вода порой доходила до окон. Лодки к окну привязывали и через окно выходили на улицу. А когда вода в доме, значит всё имущество надо было поднимать наверх. Вода порой доходила до середины высоких ножек кровати. Корову мы поднимали на баню. До дамбы передвигались только по воде. А весной вода холодная. В доме тоже холодно. Печку не истопишь, она тоже в воде по самый шесток. Ну и ежегодно стоявшие в воде дома служили не долго. Если в Овчинникове на Алтае дому, где родился

мой отец, более 120 лет, и он стоит вполне пригодный для жилья, то нашего дома на Озёрной улице давно нет. Так что каждую весну мы переживали настоящую беду от воды.

Беду испытал и посёлок. Беда эта описана многими авторами. Есть публикации и фотоснимки в Интернете. Есть и видеофильм, отснятый Антониной Чабан, когда посёлок залило водой в самой дамбе.

Вода и пламя огня приносило нам немало бед. Но ни горе от пребывания в ссылке, ни беда от стихий не сломали могочинцев. Выжили и нашли в жизни путь достойный. Хотя и разъехались по всей нашей необъятной стране в разные стороны, но пошли по праведному пути. А беда что? На то она и беда, чтобы её пережить. Со всякой бедой человек справляется, хотя она по нашим пятам ходит. Беда, говорит народная мудрость, вымучит, но она и выучит. Крута беда, да забывчива. Не смейся чужой беде, своя на гряде. В любой беде мы всегда помогали друг другу. Соседями жили дружно, потому и всякую беду переживали не дюжно. Чтобы пережить беду надо было быть на виду. От людей не таиться: когда люди вместе, того беда таится.

От беды, исходящей от воды во время половодья, трудно выходили мы из бедности. Но бедность не порок, а несчастье. И хотя бедность и клюку гнёт, и немудрого смиряет, человек её переживает. В труде беду переживали, оттого и добро наживали. Всякий знал, что лучше быть бедняком, чем жить со грехом. Да и народная мудрость гласит: «От греха не уйдёшь, от беды не упасёшься», «Добыть грех можно, а избыть тошно», «Каков грех, такова и расправа», «Грешному путь вначале широк, да после тесен».

От большой беды посёлок спасала Дамба.

Дамба

Дамба – это особая страница в жизни Могочино. Завод и дамба – две величины, с которыми связана история посёлка.

С одной стороны, Могочино расположено в удобном месте для сплава леса по воде. Потому и возник здесь лесоперерабатывающий завод. Но с другой – это низменная территория земли, что каждый год весной оказывалась под водой. Памятное наводнение произошло ещё в предвоенные годы. Тогда бурный поток воды, прорвавшийся сквозь посёлок сносил с земли дома и постройки. Снесло и здание поселкового совета, на месте которого образовалась яма, вечно заполненная не зацветающей водой и получившая название Поссоветской. После той беды и была возведена дамба вокруг посёлка. Каждый год её укрепляли землёй, отчего и образовались с внешней стороны дамбы котлованы. Там, где улицы проходили через дамбу (Больничная, Пролетарская, Озёрная, Заводская) были устроены пологие въезды и съезды. На Озёрной улице были ещё съезд и въезд не поперёк дамбы, а вдоль наискось. Это было связано с тем, что зимой дорога проходила по льду озера, прямой подъём был очень крутой и высокий. Поэтому обозы с сеном переправлялись через дамбу по пологому ввозу. С этой части дамбы зимой мы катались на лыжах, соревнуясь, кто укатит дальше по озеру, устраивали там трамплины. А по ввозу катались на санях. Толстыми досками с внешней стороны дамбы сооружались заплоты, набивавшиеся как сваи, и тем самым укреплялись от размывания внешней водой внешние стороны дамбы. Пространство между заплотами и уклоном дамбы забивались опилками. В 2012 году таких защитных сооружений уже не было. Они были заменены большими камнями-валунами.

Во время наводнений осуществлялось постоянное дежурство. Нужно было наблюдать за уровнем поднимающейся воды, следить за возможными местами промыва заграждений. Весенние ветры нагоняли большие волны на окраины дамбы, поэтому всегда была опасность её прорыва.

По дамбе мы ходили в школу в одну сторону от Озёрной улицы, а в другую сторону прогуливались до реки. К реке любили ходить во время ледохода. Ледоход – это впечатляющее зрелище. Льдины больших и малых размеров плывут одна за одной, порой задевая друг друга и переворачиваясь. Иногда, вдруг, появится часть зимней дороги. Бывало, видели мы на льдинах собаку или телёнка. И жалко было провожать их глазами.

Отчаянные парни для похвальбы перед народом переходили на другую сторону Оби и обратно, перепрыгивая через плывущие льдины. Опасное это было занятие. Но удаль молодецкая превышала всякую опасность. Не помню я случая, чтобы кто-нибудь из смельчаков проваливался под лёд.

По дамбе мы гоняли свои велосипеды. В посёлке по грязным улицам в сырую погоду не всегда можно было проехать, особенно после дождей. А на дамбе почти всегда было сухо. На дамбе были у нас и условленные места встреч, обычно там, где улицы пересекали дамбу (Заводская, Озёрная, Пролетарская). Зимой катались на санках и лыжах в разных местах дамбы и прокладывали лыжню по самой дамбе. Особенно весело было на спуске с дамбы на озеро около Озёрной улицы на новый год, святки и Масленицу.

Если говорить о ключевых словах в истории Могочино, то ими являются: завод, дамба, школа, Дом культуры, пристань, река Обь. На этих словах и завязана вся история посёлка. Что касается монастыря, то это позднейшее явление и относится уже не к посёлку, а к селу. Антонина Чабан в своих видеофильмах отозвалась о монастыре несколько иронически, сказав в одном видеофильме: «Это новое изобретение», в другом «Вот такое у нас чудо». Слова «В дамбе» и «За дамбой» постоянно звучали в нашей речи.

На этом месте за дамбой на берегу Оби стояла высокая мачта. К ней тянулись провода радиопередачи с другого берега реки. Около мачты на поляне собиралась молодежь на танцы, игры, посиделки. Называлось это место Пятачок. Там звучала гармошка. Пели песни и исполняли частушки. Мне запомнилось две частушки: «Пойдёмте, девчонки, саранки копать, у могочинских мальчишек портянки видать» и «Во саду ли, в огороде

кролики боролись, у могочинских девчонок юбки распоролися». Саранки – это съедобные дикие луковицы сладковатого вкуса, которые мы копали на другом берегу Оби. Мачта была высоченная. Представьте себе, какой должна быть высота мачты, чтобы под провисавшими над рекой проводами проходили двухпалубные пароходы. Чтобы мачта не упала и выдерживала порывы ветра, она крепилась на металлических растяжках. Когда собирались ребята на Пятачок, некоторые из отчаянных парней взбирались на мачту как можно выше. Показывая свою удаль, храбрецы сбрасывали сверху шапку или сапог, а потом разыгрывали, кто из девчат ему достанется. Кто эти отчаянные парни? Как проходили танцы на «пяточке»? Кто был гармонистом? Какие события там разворачивались? Когда и почему снесли мачту? Что помнят об этом старожилы?

Брат мой Василий на мачту лазил. Я нет. Мал был. А когда подрос, увлечение было другое – велосипед.

На дамбе была проходная от вокзала на пристань к дебаркадеру. Без билета не пройдёшь. Но мы умудрялись проникать на пароход. Ниже проходной был высокий забор, уходящий с дамбы в реку. Тот, кому надо было ехать, заплывал за забор, а вещи ему перекидывали через забор. Можно было проникнуть и от биржи пиломатериалов. А на биржу у нас в одном месте снизу была отбита доска. Отодвинув нижний конец, можно было пролезть. Кстати, мы так и на работу ходили, минуя проходную. Далековато было, да и номерков нам не выдавали.

Через дамбу мы проходили около Больничной улицы, когда надо было по переправе через протоку пройти на остров, где нам выделяли покосы. Вдоль дамбы шла Северная улица, которая в конце выходила на дамбу. До самого конца было ещё пять домов, но они лепились непосредственно к дамбе, и сама дамба служила улицей. Эти дома своими огородами примыкали к озеру с гальянами. В наше время по дамбе была только пешеходная тропа. Сейчас там ходят грузовые автомобили.

Утопающий

На воде я не раз тонул. Осенью с наступлением холодов, мы с нетерпением ждали, когда вода на озере покроется льдом. И вот, однажды, дождались, когда появился первый тонкий слой льда. Вечером, пробуя его прочность, мы кидали на лёд камни, наблюдая, провалится камень или останется на льду. Камни не проваливались. Ночью подморозило ещё сильнее. Утром я поднялся раным-рано, чтобы успеть до школы покататься на льду. Прикрутил на пимы (то бишь валенки) коньки-снегурки. Снегурки представляли собой коньки на толстых полозьях с загнутыми, как у саней головками. У задней и передней части коньков были петли, сквозь которые просовывались пимы и палочкой закручивались, плотно прижимая коньки к пимам. Прикрутил я коньки, надел шапку и ватное пальтишко и отправился на озеро. Спустился на лёд около дамбы. Покрутился. Показалось мне, что лёд крепкий, и покатил я по льду вдаль. А далее озеро становилось глубже, вода там промерзала медленнее и лёд был более тонким, но эластичным. Под тяжестью моего тела лёд прогибался и шёл волнами. Мне так понравилось катить по ледяным волнам, что я увлёкся и докатил до мостков напротив дома Кононенко. А тётя Зоя в это время на мостках полоскала бельё, и естественно, по льду пошли трещины. Сообразив, что лёд может провалиться, я покатил ближе к противоположному берегу, надеясь, что там лёд крепче. Но не успел я об этом подумать, как лёд подо мной провалился, и я рухнул в воду. Вначале я хотел, проламывая лёд, плыть к своему берегу. Но было очень далеко, и я стал пробиваться сквозь лёд к противоположному берегу, до которого было всего метров десять. Сначала лёд ломался хорошо, но метрах в шести от берега лёд был крепкий, и уже не ломался. Вылезти на скользкий лёд было невозможно, и я повис на краю льда. Ватное пальтишко и пимы намокли, тянули меня вниз, поэтому не в силах было подтянуться на лёд и выбраться из воды. Пока я барахтался в воде, тётя Зоя

криком подняла всю улицу. Народ сбегался. Прибежала и моя мать, но помочь мне ничем не могли. Обернувшись и увидев мать, пытавшейся прорваться к берегу, я закричал: «Мама, не бегай!». Брат мой Виктор, расслышал только одно слово «Мама» и потом потешался надо мной. Спас меня сосед Паша Головин. Он уже был взрослый парень, можно сказать мужик. Так вот он обежал вокруг озера, а это метров двести туда и двести обратно, выхватил из изгороди дома Симаковых доску, прибежал ко мне и просунул по льду ко мне. Но я не мог вначале дотянуться до неё. Потом, когда под моей тяжестью кромка льда проломилась, я подплыл и дотянулся до доски. Паша вытащил меня на берег, а я дрожащим от холода голосом говорю ему «сс-пп-асс-ии-бо». Он же шуганул меня матом и велел бежать домой вокруг озера к дамбе. Пока бежал, коньки мои сбились набок. Дома меня переодели в сухое и велели лезть на печку. Там я и отогрелся. В школу в этот день не пошёл. А на другой день в школе, прознав про мои подвиги, тут же стали подшучивать надо мной, называя меня утопающим, рыболовом, конькобежцем и даже водомером глубины. Но всё обошлось благополучно. Я даже не болел.

Болел я по другому случаю. Это было во время наводнения, когда вода подошла к самому дому, и мы на лодке ездили прямо через огороды. Однажды, возвращался я с рыбалки на лодке. А вода уже начала убывать. Как обычно поехал напрямик да и посадил лодку на колья изгороди. Раскачивая лодку, не смог снять её с колея. Пришлось прыгать в холодную воду и освободить лодку. Лодку освободил, но пришлось ехать к дому кругом. Продрог весь. Дома никого не было. Отец и мать на работе, брат Виктор в школе. Печка с утра вытопленная остыла. Ну и заболел я. Довольно сильно. Однако отлежался.

В другой раз я провалился под лёд ранней весной на озере по Первомайской улице. Тогда вначале была оттепель. Снежная вода стекала на озеро. Старый лёд ещё не растаял, только пористый был. И эта вешняя вода покрыла старый лёд. Потом похолодало и свежая вода замёрзла тонким слоем. Я тогда учился уже в средней школе и ходил по Первомайской. Увидев там свежий лёд, на другой день я прикрутил коньки и покатил на них в школу. Скатился с дамбы на озеро, где мы ловили гальянов, по накатанной санями дороге перебрался на Первомайскую улицу и покатил по озеру. На середине озера лёд под мной провалился. Проломился и нижний старый лёд, под который я чуть было не ушёл. Выбрался я самостоятельно, нащупав твёрдый кусок старого льда. И опять пропустил занятия в школе.

На мосту через Тотош

Был ещё один памятный случай. Тогда мы, перейдя в 10 класс, осенью работали в колхозе. Ребята мы были крепкие, по-сибирски выносливые. Потому и поставили нас выполнять тяжёлую работу, посильную взрослым мужикам. Мы работали на сушилке в Тунгусово. Грузили мешки с зерном на машину и потом сгружали в зернохранилище, которое располагалось неподалеку от Оби выше Сарафановки. Грузить было легко. Двое подавали мешок с зерном в кузов машины, двое укладывали его в кузове. А вот при разгрузке каждый мешок нужно было нести одному. Взвалишь на плечи мешок у кузова машины и по трапу несёшь его наверх. В тот день мы сделали четыре рейса. С пятым задержались и загрузили машину уже вечером. Стемнело, когда машина тронулась с места. Было прохладно, и мы устроились в кузове среди мешков. А грузовик, надо сказать был особенный. Я таких машин больше в жизни не видал. Мотор работал не на бензине, а на газочурочке. Над кабиной возвышалась труба, из которой выходил дымок.

Через речку Тотош строили новый мост. Для проезда машин построили рядом временный мост, который был ниже основного. Надо было свернуть влево, спуститься на мост и, минуя его, подняться на другой берег и свернуть направо на проезжую дорогу. Вот тут и случилось непредвиденное. При выезде наверх и повороте направо машина заглохла и покатила назад. Шофёр нажал на тормоза. Тормоза не работают. Надо было вывернуть

передние колёса обратно, чтобы спуститься на мост. Но не успел. Левое заднее колесо сорвалось с моста, и машина опрокинулась в речку. Мы лежали сверху мешков, поэтому нас выбросило дальше того места, где оказалась машина под водой. От неожиданности я очнулся в воде. Сначала поплыл к берегу. Потом нащупал дно. Тут у ног почувствовал какое-то тело. Схватил и потащил к берегу. Пока возился с этим телом, ребята уже все выбрались из воды. И когда я добрёл до берега со «спасённым утопающим», оказалось, что это мешок с зерном. И тут, вдруг, мы услышали из-под воды крик: «Открывай!». Это кричал водитель. С ним в кабине был Юра Казутин. Они с трудом перевернулись в кабине кверху. Дно кабины было не сплошное, а в виде решётки и возвышалось над водой. Поэтому у них была возможность дышать. Кабина имела дверь с одной стороны, а с другой её заклинило, открыть изнутри было нельзя. Мы бросились снова в воду, но сразу открыть кабину не смогли. Нашли неподалеку кусок бревна и разбили стекло. Все спаслись. Отделались только ушибами и синяками. Побежали мы обратно в деревню, забежали в первый дом, где горел свет. Хозяйка, добрая старушка, засуетилась. Печь у неё только что протопилась, но она подбросила ещё дров. Отогрелись. Обсушились. Тут и самовар поспел. И горячее молоко. На другой день нас отправили домой. Как поднимали машину и снова сушили зерно, этого я уже не знаю. Осенняя практика в колхозе закончилась. С той поры я стал бояться ездить по мостам. Каждый раз возникает неприятное ощущение, вспоминаешь мост через Тотош и с облегчением вздыхаешь, когда мост благополучно минуешь. И ещё стал бояться высоты. В детстве, бывало, и по деревьям высоко взбирался, и по крышам карабкался смело. Но потом стал опасаться.

Но вода же и давала нам жизнь. Половодьем орошалась земля, которая давала хороший урожай. В половодье рыбалка была рядом. Когда вода уходила в озёрах оставалось много рыбы. По воде ездили на дальние луга, откуда привозили охавками луговой лук.

Наводнение приносило нам немало хлопот, забот, переживаний. Но находили мы и минуты отдохновения. Вот несколько строк из воспоминаний.

Заря вечерняя пылая,
Лучами с тучами играя,
Накрыла водной шири гладь...
А на крыльце отец и мать
Вдыхают аромат весенний,
И мы с братишкой на ступенях.
Я помню –тишина звенит,
Куда-то вдаль меня манит...
Но вот заря за лес скатилась,
Раздолье в сумрак погрузилось,
Водою эхо понеслось,
Откуда, вдруг, и что взялось –
Лягушек песни-серенады,
Концерта лучше мне не надо.
Сидим и слушаем. Поёт
Разливной песней водополье...
Я вспоминаю это с болью..
Нет больше дома и крыльца,
Нет больше Кольки-молодца...
Старик я стал, совсем седой,
Хотя душою молодой

По воде сплавливали лес для строительства дома. Эта отдельная история, и опишу её более подробно.

Сплав

Весной после ледохода в верховьях реки спускали с откосов брёвна, заготовленные зимой и складываемые на крутых береговых обрывах. Как только открывалась полая вода, брёвна спускали в реку. Брёвна самотёком плыли по вниз течению. Начинался сплав. На излучине реки у Могочино была устроена гавань, в которой и скапливались плывущие по реке брёвна. Но многие брёвна относило течением ближе к левому берегу, и они проплывали мимо гавани. Эти брёвна разрешалось ловить рабочим завода. Для этого нужно было только получить на заводе билет на их отлов. Бесплатно. С одной стороны, это свидетельствует о заботе заводского начальства о своих рабочих. С другой стороны, заводу это было даже выгодно. Он ведь должен был обеспечивать жильём своих рабочих, значит, нужно было строить дома, что и делалось. А тут сами рабочие строили себе жильё безо всяких забот со стороны завода. Потому и билет давали бесплатно. Ловить брёвна на Оби мы также называли сплавом.

Обычно на сплав отец ездил с Василием. Но в тот день Василий был на работе, Виктор в школе. Я в школу ещё не ходил, и отец взял меня с собой. Это была весна 1946 года. Отец пришёл с ночной смены, и стали мы собираться на сплав. Взяли багор, верёвку, скобы, гвозди, топор, сели в лодку и отправились на Обь.

Проплыв по затонувшему от половодья озеру и проследовав зараставшую лесом перемычку между озером и протокой, затем по этой протоке вышли к реке. Чтобы поймать брёвна, поднялись высоко вверх по течению реки на 3-4 километра до самого завода. Там вышли мы на стремнину. Я управлял лодку на гребях (так называли мы гребные вёсла), отец багром зацеплял плывущие брёвна, соединял их скобами, привязывал верёвку к лодке. Сплотили 6 брёвен и к берегу. Течение сильное, сносит быстро. Надо было успеть причалить к берегу выше протоки и закрепить плот. Успели. Закрепили. Снова поднялись вверх по реке. Снова сплотили 6 брёвен. Но на этот раз нас снесло ниже протоки. Вверх по течению подняться на простой лодке-то тяжело, а с брёвнами невозможно. Пришлось вернуться за первым плотом, спустить его вниз, скрепить оба плота друг за другом и спуститься вниз по реке до того места, где протока вновь соединяется с рекой. На протоке течения почти не было, но движение затрудняли деревья, росшие по берегам протоки. Протока узкая, вода поднялась высоко, поэтому приходилось пробираться под кронами деревьев, склонившихся над протокой. Пробрались. Добрались до нашего озера. Кое-где приходилось пробираться с помощью шестов, вырубленных тут же на месте. Когда добрались до чистой воды на озере, подул сильный попутный ветер. Отец срубил ветлу с распустившимися листьями и поставил её вместо паруса. Грести стало легче. Домой прибыли к ночи. Причалили плоты к самому дому. Доставили 12 брёвен. С Василием отец доставлял и по 16 брёвен. Брёвна были ровные, гладкие, без коры и без сучков. И не надо было их обрабатывать перед тем, как рубить сруб. Вода сошла. Брёвна у дома. За лето подсохли. Осенью 1946 года поставили дом и начали в нём жить. В школу я пошёл вначале из старого дома, а потом из нового. Посреди дома стояла русская печь. Справа прихожая и кухня, слева спальня. На одной кровати спали родители, на другой – мы с Виктором. Соорудил отец и стол, за которым мы делали уроки. Дом был с двускатной крышей, покрытой тёсом, выписанном на заводе. Широкие сени. Высокое с перилами крыльцо, на котором мы любили сидеть вечерами и слушать весенние концерты с пением лягушек и перекликавшихся с ними птиц. У крыльца широкий деревянный помост. Ныне ничего этого нет. Осталась только память.

Голодное ли было наше детство?

Как ни странно, но чувства голода я не испытывал. Не помню, что было голодное детство. Я часто слышу о голодном военном детстве. Сейчас, будучи взрослым, понимаю об ужасающем голоде, особенно в осаждённом Ленинграде, когда люди доходили до истощения и страдали дистрофией. Зато хорошо помню, как мы ждали появления лебеды. Первая лебеда у нас выростала на бане. Она была накрыта плоской крышей и засыпана землёй. В половодье, когда все огороды были под водой, баня одиноко стояла на бугорке, и первая лебеда выростала там. Каждый день на лодке мы подплывали к бане и с трепетом высматривали, не появились ли первые зелёные листочки. Лебеда была нашим спасением, когда уже нечего было есть. И я очень хорошо понимаю смысл русской пословицы: «Не беда, коли в огороде лебеда, но нет хуже беды, когда нет лебеды». Потом, когда вода отступала с огородов, появлялась крапива. И мама варила наваристый крапивный суп. Когда начинали копать огород, то выкапывали из земли оставшиеся с осени картофелины, такие синюшные, крахмалистые. Вкуснотища! А когда появлялся свекольный лист, наступало время блаженства. И его мы ждали с нетерпением. Бывало, мы с Виктором упрашивали маму сварить свекольник. А она отвечала: «Рано ещё, не вырос лист-то». Мы в ответ: «Ильченки уже варят, а у нас нет». Семья Ильченко жила в посёлке, окружённой земляной дамбой, и их не заливало весенним половодьем. У них на огороде всё всходило раньше, чем у нас. Мы это понимали, но так хотелось свекольного супчика. Когда отступала вода с лугов, а у нас ещё держалась, мы ездили на лодках и собирали луговой лук. Иногда целыми охапками привозили и жевали его с удовольствием. Но это было весной, когда можно было пожить любой зеленью. А в конце зимы, когда кончалась картошка, приходилось грызть кору деревьев. Но чувства голода я не помню. Наверное, от того, что голодать - было обычное состояние, привычное дело. Мы ели всякие корешки, земляные орешки, сосновую смолу, молодые побеги ивы. Старшие ребята ездили на другой берег Оби и копали там саранки – сочные земляные клубни. Я за саранками не ездил, мал ещё был

Насыщали свои желудки, чем могли и не жаловались при этом на голод. Желудок свой, требующий постоянной подпитки, мы брюхом называли. А в народе про брюхо всякие пословицы сказывают.

Брюхо глухо – словом не уймёшь.

Брюхо – злодей, старого добра не помнит.

Брюхо не зеркало: что попало в него, то и чисто.

Брюхо не мешок, в запас не поешь.

В печи тесно, а в брюхе просторно.

На брюхе шёлк, а в брюхе щёлк.

Рот уж болит, а брюхо всё есть велит.

До четырёх лет я ходил в заводской детский сад. Одно событие врезалось в память навсегда. Однажды нас повели на прогулку, на берег старицы. На обратном пути, когда мы повернули на тротуар, по которому было метров триста до детсада, я, увидев знакомую дорогу, с радостным криком вырвался вперёд и побежал. Прибежал и гордо стал ожидать, когда подойдут все остальные. Но радость моя и гордость вскоре поникли. Воспитательница за такой мой самовольный поступок поставила меня в угол. Ребят посадили за столы и стали кормить. Они едят, а я стою в углу. Слюнки глотаю. А на столах в тарелках такой вкусный суп. Светлый, с пёрышками зелёного луку и круглой капелькой постного масла. Как же мне было обидно. Все порядочные дети едят, а я, бестолковый, стою в углу голодный. Ругал себя самыми последними словами: «Вот дурак, балбес, чего это, вдруг, с какого дуру, побежал вперёд. Стой теперь и казни самого себя». С тех пор, наверное, я стараюсь быть добропорядочным и не нарушаю общепринятые правила.

В четыре года в детсад я уже не ходил, пора было быть самостоятельным. Мне приходилось выполнять важную домашнюю работу. Основным продуктом питания у нас

была картошка. Её сажали в огороде возле дома и на дальней делянке, за озером. В сентябре начинали копать картошку. Днём родители уходили на завод работать, Виктор ходил в школу, Шура с нами уже не жила, замуж вышла, Василий уехал в Кемерово и поступил в индустриальный техникум. Моей обязанностью было привозить с дальнего огорода картошку и готовить к приходу родителей со смены обед. На лодке я добирался до конца озера, километра полтора, потом пешком ещё с километр до огорода. Выкапывал там ведёрко картошки и возвращался домой. Вечером еда для родителей была готова.

Занимались мы и кое-каким промыслом. Когда весной заливало водой всю округу, мы готовили пики (палки с заострённым металлическим наконечником) и на лодках отправлялись добывать кротов, которые спасались на маленьких островках или на плывущих брёвнах. Кротовые шкурки выделывали и сдавали в контору Заготсырья, получая по 4 копейки за штуку. Весенняя кротовая шкурка была слабая и стоила дешево. Летом же мы вооружались капканами, ходили по соседним огородам и вылавливали кротов. Шкурка была мягкая, пушистая с отливом и уже стоила 6 копеек. К пяти годам я уже мастерски выделывал шкурки и приносил в семью кой-какой доход.

Хорошо помню весеннее половодье. Каждый год нас заливало водой. Весь домашний скарб перетаскивали на потолок. Вода стояла на полу, доходила до середины ножек кровати. На улицу выходили не в двери, а в окно, к которому привязывали лодку. По воде ходили на ходулях. По нашей Озёрной улице выгоняли стадо коров из посёлка на поля. Они шли в воде по вымя. Зато приходили домой чистыми. Тем более, что перед тем, как выбраться на луга, они переплывали два небольшие притока. Но когда вода уходила, коровы, преодолевая путь, переходили через низкие места, в которых долгое время стояла вода. Взмешивая в воде глинистую землю, коровы приходили жутко грязными и их приходилось отмывать. Мама всегда к приходу нашей коровы готовила тёплую воду, чтобы отмыть вымя.

Хорошо помню хлебные карточки. Ходить в магазин за хлебом было моей обязанностью. В школу ещё не ходил, а потому времени свободного было много. Старшим-то некогда было в очередях стоять. Но мы с приятелями-одногодками в очередях, как правило, не стояли. Магазин открывался в 8 часов утра. Очереди занимали с первым заводским гудком, в 6 часов утра. Мы приходили часов семь, чтобы быть поближе к двери магазина. Но как только открывалась дверь, очередь сразу путалась – все стремились как можно быстрее прорваться в магазин к прилавку. Там набивалось жуткое количество народу. Нам в эту давку нельзя было соваться, могли и задавить малышей. Зато мы изобрели способ быстрого проникновения к прилавку. На улице вне толпы всегда находились добрые люди из тех, кто не смог прорваться в магазин. Нас подбрасывали вверх, и мы по головам людей пробирались к заветному прилавку. Помню, что неудобно было карабкаться по головам. Но не помню, чтобы кто-то на нас ругался. Добравшись до прилавка и получив свою буханку чёрного хлеба, обратно выбираться не спешили – невозможно было. Протиснувшись в свободный угол, ждали, когда схлынет толпа. И ещё помню, что по дороге всегда откусывал краюшку хлеба. Знаешь, что дома ждёт за это дело нагоняй, но соблазн был превеликий. Сколь отец-мать ни наказывали не отламывать, не надкусывать горбушку, всё равно целой буханка домой не доходила. О хлебе и его роли в жизни много можно говорить. Вспомним лишь несколько пословиц: «Хлеб всему голова», «Не будет хлеба, не будет и обеда», «Покуда есть хлеб да вода, всё не беда», «Хлеб в пути не в тягость», «Хлеб на ноги ставит, а вино валит», «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска, так и стол доска», «Хлеба ни куска – одна тоска», «Хлеб да соль и разбойника смиряют».

Не помню, какой это был год, когда мы получили письмо от старшего брата Василия. Он тогда учился в Кемерово в индустриальном техникуме. Василий сообщал, что в числе лучших спортсменов Кемеровской области его отправляют в Москву в Институт физкультуры. И адрес сообщил. Мама собрала ему посылку. В посылку упаковали нарезанную мелкими кубиками и высушенную картошку. Кубики эти по своей жёсткости

были почти стеклянными. Мы их обычно глодали весной, когда свежая картошка кончалась. Но самое главное, вместе с картофельными кубиками мама положила специальные испечённые в печке пряники из ржаной муки. Нам с Виктором этих пряников не досталось, но мы не обижались. Понимали, что брату в Москве они будут нужнее. Но вот случилось непредвиденное. Василия в Москве в институт не приняли. Обоснование – сын врага народа. И он отправился назад в Кемерово. А посылка гуляла по почтовым трактам долго-долго и, наконец, вернулась обратно. Тогда мы с Виктором и поели этих самых пряников. Не знаю, как он, а я помню эти пряники – подзасохшие, но вкусные очень. Настолько вкусные, что, по моему восприятию, я таких сладостей не ел никогда в жизни. А ведь обыкновенная чёрная мука. И по цвету тёмно-серые. Мы эти пряники не спешили есть, растягивали удовольствие. Вот хорошо запомнил эту сладость из чёрной муки, но чувства голода не помню. На Руси-то знали, что такое голод, потому и пословицы о нём сложены: «Голод живота не пучит» (оно и в самом деле так, не мучились животами от переизбытка пищи), «С голоду брюхо не лопнет, только сморщится», «Голод проймёт, станешь есть, что бог даёт», «С голодного – что с мёртвого: ничего не возьмёшь».

Рынок (базар)

Апологеты современного капитализма в Российской Федерации заявляют, что в советское время никаких рыночных отношений не была. Была де сплошь и рядом плановая экономика при социалистической, то бишь народной собственности. Мягко говоря, это идеологическая ложь, направленная на дискредитацию советской системы и оправдание наступившего у нас дикого капитализма. Не мне оправдывать советскую власть, не мне восторгаться социалистической системой управления. Живя в ссылке, я знаю все «прелести» социализма и «мудрого» руководства коммунистов. Но, справедливости ради, говорю, что рынок при социализме был, рыночные отношения существовали. И не только сами по себе, но и на правовом уровне. Что есть рынок? Рынок – есть производство и реализация продукции по востребованным ценам. А что является эквивалентом между произведённым продуктом и превращением его в товар, когда его реализация становится возможным и необходимым? Конечно же, деньги. Кто мне скажет, что советской власти не было денег? Были деньги. Были всегда. Мало того, их ценность в различные периоды жизни страны была различной. Были времена, когда цены на товары исчислялись миллионами (двадцатые годы) и когда копейками (при «развитом» социализме). За деньги мы покупали продукты питания и промышленного производства. За деньги мы приобретали книги и канцтовары. За деньги мы ходили в кино и посещали театры. Вот вам и рынок. Всякое дело оплачивалось. Были и рынки в прямом назначении. В том числе так называемые колхозные рынки. У нас в Могочино всегда был открыт рынок. А по выходным дням и праздникам там было многолюдно от покупателей и изобильно по тем временам продукции. Мы называли тот рынок базаром. На базар везли колхозники свою продукцию. На базаре торговали жители посёлка, реализуя свою выращенную на огородах продукцию. Цена товара зависела от его качества и спроса у населения. Мало того, на базар везли и несли наиболее качественную продукцию. Поплоше оставлял себе. Мать моя, когда нужно было что-либо продать на базаре, часто говаривала «Сам бы ел, да деньги надо». Помню, как бегали мы на базар, чтобы купить что-либо по заданию родителей. В семье у нас никто не курил. А табак мы выращивали и сбывали его на базаре. На базаре можно было купить рыбу, мясо, шерсть овечью, муку, зерно, овощи, вообще товары первой необходимости.

Цена товара в стране тоже была рыночная. Цена эта регулировалась на базаре, само собой, качеством и спросом населения, в магазинах – государством. Государственные цены определялись с учётом социального положения населения. Например, для детей на детские сеансы в кино цена билета была меньше, чем на вечерние сеансы. В

общедоступных столовых обеды стоили гораздо ниже, чем в ресторанах. Подавляющее большинство людей в городах и рабочих посёлках питались задёшево в столовых. У кого были деньги, посещали рестораны.

Промышленные товары стоили тоже в зависимости от социального назначения. Так например, школьная форма, пошитая из тонкого сукна, стоила столько же, сколько сама ткань в магазинах. Товары повседневного спроса были всюду и стоили довольно дёшево. Каждый рабочий мог купить себе всё необходимое. А у кого были возможности и коли надо было приобрести дорого стоящую вещь – иди в магазин «Берёзка». Там изделия из драгоценных металлов и всякого рода украшения. Для населения в целом такие магазины были без надобности.

Можно приводить и другие примеры рыночных отношений в советское время, в том числе между кооперативами и государством. Мало того, ежегодно повышалась заработная плата рабочих и служащих. А цены понижались. Коли цены понижались, увеличивалась покупательная способность населения. Повышение покупательного спроса вело к увеличению производства товаров, стало быть, к увеличению рабочих мест. Безработицы, как таковой не было. А это возможно в рыночных отношениях при государственном регулировании.

В противовес этому, прихожу к выводу, что в современном капиталистическом отношении рыночных отношений нет. Есть олигархический диктат на цены. Современный капиталист стремится не к развитию производства на благо населения, а к наживе. К увеличению своего капитала. В этом и есть современный бизнес. А бизнес – это извлечение прибыли из любой ситуации. Вплоть до производства алкоголя, торговли наркотиками, оружием, детьми. Не справедливые цены устанавливаются в зависимости от спроса и качества продукции, а волевые действия производителей товара и торговцев в целях их собственной наживы.

Повышение цены на один вид товара тут же по цепочке ведёт к повышению цен на другие товары. Владелец электростанции, стремясь увеличить свой доход (в этом его бизнес) увеличивает цену оплаты за пользование электричеством. В свою очередь все другие производители, пользующиеся электроэнергией, повышают цены на свою продукцию. А покупателей становится меньше. У бизнесмена не увеличивается, а уменьшается доход. Таким образом, волевое повышение цен ведёт к деградации производства.

Рассмотри бытовой пример. Женщина на автовокзале в Дмитрове продавала горячие пирожки в 1900 году по три рубля. Я тогда покупал у неё по 10 пирожков. Подскочили цен за электроэнергию. Мука стала стоить дороже. Пирожки стали стоить пять рублей. За пять рублей я покупал уже только три пирожка. К моменту появления бабули с пирожками ещё устраивалась очередь. Цены между тем растут, и бабуля довела свою торговлю до 2015 года, когда пирожки стали стоить 15 рублей, к её лотку уже больше никто не подходил. Всё. Бизнес её кончился. Она стала безработной.

При советской власти понижение цен приводило к улучшению состояния населения и развитию народного хозяйства в целом, как и самой государственности. Повышение цен при современном капитализме ведёт к снижению покупательной способности, следовательно, и к снижению производства и увеличению количества безработных. А государство не в состоянии регулировать цены.

Наши современные бизнесмены никак не понимают, что их доход, их прибыль зависят не от высокой цены, а от количества произведённой продукции. Чем больше произведено дешёвой продукции, чем больше её реализовано по низкой цене, тем больше прибыль. За три рубля я покупал сразу 10 пирожков. У хозяйки выручка – 30 рублей. За 10 рублей я покупал уже не всегда и только по одному пирожку. У хозяйки доход 10 рублей и не каждый день. За 15 рублей я пирожки не покупаю. У хозяйки дохода нет совсем. Она безработная.

Так во всём хозяйстве страны. Экономика наша не развивающаяся, а разрушающаяся. Недаром ведь, когда Греф был министром торговли и развития официально, в народе его ведомство называли министерством торговли и развала. Да и само название министерства означало не развитие экономики, а торговлю, прежде всего. Но ведь торговля не самоцель, её полнокровное развитие возможно лишь при условии развития самой экономики, развития производительных сил, что ведёт и к совершенствованию производственных отношений. Стало быть, и к улучшению жизни всех слоёв населения. У нас же в современных условиях обогащаются лишь олигархи. И не за счёт развития производства, а путём мошенничества, криминальных операций и отмывания бюджетных средств. Какие уж тут рыночные отношения?

Но изучать советский опыт наши господа не собираются. Они же не товарищи.

Промыслы

Заблуждением является и современное суждение об отсутствии в советское время частного предпринимательства. Оно было. И я тому свидетель. У нас в Могочино были частные предприниматели хотя таковыми их не называли. Это сапожная мастерская. Пимокатная мастерская, где обучился мой старший брат Василий. Были и рыбаки, которые самолично промыслили рыбу и сбывали её на базаре. Заготовители кедровых орехов тоже составляли самостоятельные бригады и шишковали в кедрачах. Шишки свежие калёные, равно, как и орехи продавали на базаре. У нас, помню в кладовке стоял деревянный ларь, полностью наполненный на зиму кедровыми орехами. Брат Василий промыслил.

А кооперативы? Они тоже были. У нас, в Могочино, самой популярной была трудовая артель (трудартель) с конюшней. Отнюдь не государственное предприятие. Лодочная переправа через Обь тоже находилась в частных руках. Причём было несколько лодочников. Правда, позднее, с развитием производства на заводе, была налажена паромная переправа.

Ученица из школы № 4 г. Колпашево, занимаясь краеведением, выявила в Колпашевском районе 14 различных артелей и кооперативов частного предпринимательства. В республиках Средней Азии, Казахстане и на Кавказе разрешено было иметь в своём хозяйстве лошадей в связи с традиционными формами ведения хозяйства. Да и подсобные участки, огороды и сады в деревнях и рабочих посёлках были почти в каждой семье. Правда, это называлось не частным, а личным хозяйством. Но это дело не меняет, ибо существовала многоукладная система в экономике страны. И это способствовало в конечном счёте развитию страны. А современное поголовное частное хозяйство, лишившись многоукладности, пробуксовывает. К развитию не ведёт. Рентабельность хозяйства не повышает. Инфляция растёт. Даже не сама по себе, а она планируется государством. А инфляция – это не что иное, как деградация самой экономики, снижение благосостояния населения. И, как следствие, рост недовольства среди рабочих людей, то есть самих производителей материальных благ. Все блага в руках криминальных авторитетов в лице олигархов и ряда крупных чиновников.

Отец у нас был пимокатом. После работы в бане пимы катал. Да и я с ним пимокатному делу обучился. Катал он по заказу. А за работу брал овечьей шерстью, чтобы для семьи и родственников пимы катать. Вот вам и пример частного производства. Было такое понятие – подсобное хозяйство.

Занимались и дети кое-каким промыслом. Весной и летом, как я уже писал, мы ловили кротов и сбывали кротовые шкурки. Заготавливали грибы, иногда выносили их на базар. Собирали ягоды: смородину, черёмуху, малину, рябину, калину. Всё подспорьем было. И никакими налогами не облагалось, как это делается ныне при олигархическом капитализме.

Спасала и рыбная ловля. Как только вода разливалась, мы ставили сети. Когда вода убывала, в небольших ямах оставались молодые щурята. Ловить их было просто. Взмутишь босыми ногами такую лужицу-озерцо. Рыбкам-то дышать нечем было. Они высовывали свои узкие мордочки из воды. Высматривай их да и хватай голыми руками. А то возьмём, бывало, доску и начинаем выгребать воду на берег. Вместе с рыбой. Там и собирай улов. Когда вода спадала совсем, и река вступала в свои обычные берега, мы ходили на рыбалку (на ближние озёра, на Обь или старицу) с удочками. Удилище – простой ивовый прут. Леска из суровой нити, поплавков самодельный из прутика, и крючок изготавливали родители из проволоки. Помню, когда я учился уже в школе, у соседнего приятеля появились фабричные крючки, отец привёз из Томска. Зависть была неопишная. А он ходил гордый. Иногда давал друзьям порыбачить его удочкой. Я хорошо помню, когда и мне удалось взять в руки его удочку. Это было на Оби. Песчаный пологий берег. Довольно быстро я насадил червя и забросил удочку в воду. И тут же поймал окуня. Больше и ловить не стал. Отдал удочку и помчался с окунем домой похвалиться своей добычей. Потом и у нас рыболовные крючки появились.

Песня

Песни в наше время напевались охотно. Даже за прялкой мать, бывало, напевала. Да и грудничков в люльке-колыбели напевные песни пели. Не смотря на тяжкий труд нередко собирались вместе на гулянку. Собирались по разному поводу. Отмечали и государственные праздники, и дни рождения, и свадьбы. Обычно застолья проходили поочерёдно в домах соседей. Варили пиво, бражку. Каждый приносил с собой кукую-либо еду. Кто пироги, кто картошку, кто рыбу, кто капусту. У кого что было. А про пиво так сказывали: «Было бы пиво на погости, а у пива будут гости», «Сколько пива, столько и песен», «Хлеб да вода – разная еда, а пиво да вино – всем заодно», «Где пировать, там и пиво наливать», «При пиве, при бражке много братьев», «Хороша бражка, да мала чашка».

Непреренно при застольях исполнялись песни. Ну а мы, ребятня, крутились вокруг взрослых и невольно запоминали эти песни. До сих пор я многие из них помню. Это были, в основном, эпические напевы. Пели про Ермака и Стеньку Разина. Пели украинские песни («Ой, дивчина шумить гай...»), «При лужке, лужке, лужке, при широком поле, при знакомом табуне конь гулял на воле...» или «Распрягайте, хлопцы коней, тай лягайте почивать ...»). Пели про казака, который гуляет по Дону. Пели грузинскую песню про Сулико. Часто пели русские песни: «Ой, цветёт калина в поле у ручья...» или «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Пели песни на стихи А.С. Пушкина, которые я потом напевал своим малым детям и внукам. Например, «Сижу за решёткой в темнице сырой...» или «Буря мглою небо кроет...». Не забывали Н.А. Некрасова про его коробейника и В.А. Жуковского про Светлану. С удовольствием распевали «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была...». Пели про ямщика: «Степь да степь кругом, путь далёк лежит...», «Когда я на почте служил ямщиком...» или «Вот мчится тройка почтовая по Волгематушке зимой...». Распевали «Что ты смотришь с тоской на дорогу в стороне от весёлых подруг. Знать, забило сердечко тревогу, Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг...». Пели песни про несчастную любовь и разлуку.

С особым чувством сопереживания пели песни про сибирских ссыльных, заключённых, которых называли общим словом «бродяга». Вот некоторые из них.

Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, Баргузин, пошевеливай вал -
Молодцу плыть недалёчко.
Долго я тяжкие цепи носил,
Долго страдал я в цепях Атакуя.

Верный товарищ бежать подсбил,
Ожил я, волю почуяв.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой
 Укрой, тайга, его густая,
 Бродяга хочет отдохнуть
 Его дорога не простая -
 Далёк, далёк бродяги путь.

По диким лесам Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
 Котёл его сбоку тревожит,
 Сухарики с ложкой гремят,
 Шапчонка на нём изорвата
 И серый тюремный халат.
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт,
Унылую песню заводит,
О родине что-то поёт.
 Бродяга Байкал переехал.
 Навстречу родимая мать.
 «О, здравствуй, о, здравствуй, родная.
 Здоров ли отец мой и брат».
«Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землёю зарыт,
А брат твой в далёкой Сибири
Давно кандалами гремит».

Я специально привожу слова этих песен. Земляки наши, сами ссыльнопоселенцы, их пели, воспринимая на подсознательном уровне, их судьбу, сравнимую со своей собственной. Они хоть и не были бродягами, но тоже потеряли свою свободу, тоже мечтали о воле. Песни эти по духу были близки ссыльным могочинцам.

Сопереживая бродягам, мои земляки как бы давали себе и другим понять, что судьба этих бродяг гораздо тяжелее судьбы ссыльнопоселенцев. Если уж бродяги пытались прорваться на волю к новой жизни, то и нам не унывать надобно а свою судьбу самим определять, стремясь к лучшей жизни. Бродяга в понимании сибиряков был не праздно шатающийся бездельник, а человек, стремящийся вырваться из тяжёлых условий жизни и обрести свободу.

О свободе и воле мечтали могочинцы, надеясь освободиться от комендатуры. Верили, что «Бог даст волю, при которой забудешь и неволю». Но «на Бога надейся, сам не плошай». А волю неволя учит, потому и цена воли высокая. Но помнили, что воля велика, да тюрьма крепка. И знали, что дай себе волю, заведёт тебя в лихую долю. Что и произошло с моим дядей Сашей Симаковым.

Песня же и в лихую годину, и в веселье-радости жить помогает. Потому песня и сопровождала нас во всё время. О песне и поговорки складывались.

Затянул песню, допевай, хоть тресни (то есть всякую работу до конца доделывай).

Не знаешь песни, так и не затягивай (не умеешь дело делать, не берись за него).

Из песни слова не выкинешь, а из места гостя не высадишь.

Сказка складом, а песня ладом красна.

Не умеешь петь, в запевалы не суйся.

Петь хорошо вместе, а говорить порознь.

Стадион

За домами Кузнецовых и Парфёновых по Озёрной улице была довольно приличная поляна. С одной стороны, она примыкала к берегам зараставшими за лето болотными травами Кузнецовского озера, с другой – к лесу, с третьей – к окраинам парфёновских и решетниковских огородов, а с четвёртой выходила по задам кузнецовских огородов к дамбе. На этой поляне мы играли в лапту. Иногда в лапту поиграть приходили и взрослые ребята. Но более всего, поляну мы приспособили под стадион. Поставили ворота и наметили условную линию границы футбольного поля. На нашей небольшой улице было 8 мальчишек. Мишустины Илья и Лёнька, Гришка Медведев, Витька и Колька Решетниковы, Колька Кононенко, Колька Писарев да Колька Резинкин. Да Мишка Хоменко к нам присоединялся. Жил он в конце Северной улицы в дамбе, а наша Озёрная улицы была своего рода продолжением Северной улицы за дамбой. Присоединялись к нам и девчонки: Нюрка Мишустина, Нюрка Медведева, Томка Решетникова, Валька Кононенко и Паханиных 7 девчонок. С другой стороны озера прибегали к нам Колька Симаков и две его сестры – Зойка и Зинка. В общем, компания была – что надо. Приходили к нам и ребята с других улиц.

Когда не было ещё футбольного мяча играли в лапту, салки, догонялки, кучу-малу. Первый же футбольный мяч был пошит из тряпок. Этот тряпичный мяч мы и гоняли по полю. Потом у кого-то, уж и не помню, у кого, появилась футбольная резиновая камера. Мы её надували и гоняли вместо футбола. Но она быстро выходила из строя, натываясь на острые углы. Приходилось часто заклеивать образовавшиеся дырки. С 5 класса мы уже работали на бирже пиломатериалов нашего завода. На свои заработанные деньги можно было купить кое-какие вещи. Как только в магазине появились футбольные покрышки, стали их покупать. Нынешнему поколению трудно это представить, как мы снаряжали футбольный мяч. Покрышка футбольная была круглой формы с прорезью в 10 см и шнуровкой по краям. Надо была в это прорезь вставить резиновую камеру с выходящим наружу соском. Через этот сосок камеру надували ртом, как можно плотнее к покрышке. Потом завязывали тонким шнурком этот сосок – горловину камеры, и заправляли внутрь покрышки. Ну а далее нужно было с помощью шнуровки затянуть отверстие в покрышке. Такой футбольный мяч служил долго.

Такие поляны для футбольный полей были и на других улицах. А где не было полян, там гоняли футбол прямо на улице. Наша поляна была самая большая. Поэтому к нам приходили ребята с других улиц. Иногда устаивали матчи между уличными командами. Кстати, я не помню, чтобы у нас были какие-либо ссоры на футбольном поле. Игра объединяла всех. И это при том, что в бытовой жизни на своей улице мы частенько дрались между собой. А ведь верно народ подмечает: «В игре да в дороге друг познаётся», «Играть играй, да дело знай».

Наигравшись вдоволь на своём футбольном поле, мы отправлялись купаться на озеро. Мостки и более-менее удобное место для купания было как раз против нашего дома (Озёрная № 5). Поэтому пробегали через наш огород. Там же на берегу и отдыхали,

загорая или играя в мелкие игры. Вместе с нами купались и девчонки. Они ведь тоже футбол вместе с нами гоняли. Кстати, самой активной девочкой была Нина Ильченко, жившая рядом с Мишкой Хоменко на Северной улице. Нину эту потом мне в невесты готовили. Но судьба нас развела, о чём я, впоследствии вспоминая, сожалел.

В центре посёлка был у нас вполне благоустроенный стадион. Там было футбольное поле, беговые дорожки, площадки для прыжков в длину и высоту, площадка для городков, волейбольная площадка. А по левой стороне от входа вдоль забора был устроен тир. Там мы упражнялись в стрельбе из настоящей винтовки-трёхлинейки, которые были в распоряжении преподавателя по военному делу – военрука. Расстояния до мишеней было в 50 и 100 метров.

Стадион работал ежедневно в течение светлого времени суток. А поскольку летом, бывало и в 22.00 светло, так занимались спортом, пока не наступали сумерки. На стадионе у нас проходили занятия по физкультуре. Зимой там лыжню прокладывали. Футбольное поле было постоянно занято взрослыми ребятами из ДСО – добровольного спортивного общества. Иногда нам выделяли время, и мы приходили туда и соревновались с другими уличными командами. Подрастая, мы играли в футбол и во взрослых командах. Я, как правило, играл полузащитником, иногда, прорываясь к воротам противника и забивая гол. Так что футбол в моей детской и юношеской жизни занимал немаловажное место.

Когда проходили в стране всесоюзные матчи, мы с удовольствием слушали репортажи Вадима Синявского. А кумирами были вратарь Лев Яшин и форвард Эдуард Стрельцов. Во время матчей между командами на нашем стадионе собиралось много болельщиков, для которых были установлены скамейки. Особенно много зрителей было во время межрайонных соревнований. Потом для болельщиков построили и трибуны.

На стадионе всегда было многолюдно. В посёлке проживало в 1970-е годы более 9 тысяч человек. И это, несмотря на то, что практически все ссыльнопоселенцы, в том числе и наша семья, покинули Могочино, возвращаясь в родные места или находя более удобное место проживания. Так что молодёжи в посёлке было много.

Лёня Мишустин с друзьями на стадионе. Как видно, на стадионе всегда людно. Фото из семейного архива Мишустиных (1955). Ныне стадион стоит впусе. Только под крышей трибуны собираются пьянчужки.

Стадион благоустроили к Олимпиаде-80. Вместо деревянного забора металлическая сетка и симпатичные ворота. В 2012 году никого на стадионе. Даже турникет сломан.

Справедливости ради, следует сказать, что ныне на стадионе проводятся сельские праздники, в том числе День села.

Спорт

Футбол. Это была любимая спортивная игра. Играли мы с ребятами своей улицы. И девочки с нами играли. Бывало, наиграешься в футбол и бегом к озеру. Там купались и загорали на бережку. Играли улица на улицу. В раннем детстве бегали на стадион смотреть, как играют в футбол взрослые. В юности и сами гоняли футбол на стадионе. Там и все занятия по физкультуре проводились. Любили мы слушать репортажи с футбольных полей Вадима Синявского. Слушаешь его по радио и зримо представляешь весь ход игры. Нынешние телекомментаторы больше разглагольствуют по поводу матча, чем излагают его ход. Будучи взрослым, в футбол я уже не играл.

Лыжи. Первые лыжи мы изготавливали сами, приспособив для этого гнутые планки-штакетины из огородных изгородей. Потом появились лыжи. Деревянные, с мягким креплением. Но вначале это были школьные лыжи. О школе заботились. Весь спортивный инвентарь там был. Я любил средние дистанции. В основном, лучших результатов добивался на пятикилометровке. Десятку тоже преодолевал. А вот 15 км давались с трудом. На лыжах мы катались с дамбы или уходили на крутой левый берег Оби. Там я и приловчился спускаться с горы между деревьями. Научился и благополучно падать. Это пригодилось мне в Томске на городских соревнованиях по слалому. Там я выступил вполне удачно, спустившись по трассе и не задев ни одного флажка, ибо на каждом крутом повороте падал на бок и тут же продолжал спуск. По времени это была задержка, но зачёт был не только по времени, но и по сбитым флажкам. В старших

классах на заработанные мною деньги купил лыжи на полужёстком креплении и бамбуковые палки. До этого палки были самодельные, изготавливаемые из обрезков от заводской пиломатериала. В армии, будучи начальником клуба, я закупил для все воинской части лыжи и устраивал соревнования между ротами. После армии, работая в школе выводил своих детей на лыжню за линию железной дороги по вечерам. А в выходные дни совершали дальние переходы. Тогда уже появились пластиковые лыжи. Лыжами была снабжена вся семья. Приходилось мне участвовать в областных соревнованиях по лыжному спорту среди учителей Московской области. На лыжах проводили мы соревнования по ориентированию на маркированной трассе. Организовывал я и лыжные походы со своими учениками. Чаще всего мы ходили на турбазу в Андреевском, что близ Яхромы. Один многодневный лыжный поход провели мы в мартовские каникулы за Волгу по территории Калининской (ныне Тверской) области.

Коньки. В детстве у меня были коньки, которые назывались снегурками. Они были толстых полозьях и с загнутыми передками, как у саней. На снегурках хорошо было кататься по зимней, хорошо укатанной дороге. А вот по чистому льду на них было неподручно. Потом появились дутьши. Это предвестник современных хоккейных коньков, только более длинного размера. А по бокам были продолговатые выпуклости. Потому дутьшами и назывались. На них хорошо было кататься на льду. Были ещё коньки, которые ласточками назывались. Тоже преддверие будущих ножей профессиональных спортсменов-конькобежцев. У ласточки тоже было довольно толстое лезвие. Оно было прямым, в отличие от снегурок и дутьшей. А на переднем конце вверху был такой шпенёк-выступ. Коньки, как и лыжи, закуплены были мной и в армии. На коньках мне пришлось после занятия первого места на городских соревнованиях в Долгопрудном принять участие в первенстве Московской области среди учителей.

Лёгкая атлетика. В старших классах стадион был в полном нашем распоряжении, кроме выходных дней, когда там проходили футбольные матчи взрослых и поселковые соревнования по волейболу и лёгкой атлетике. Хорошие результаты были у меня в беге на средние дистанции. А вот стометровка не удавалась. Любил прыжки в длину и высоту. Тройных прыжков мы в ту пору не знали. А высоту брали с разбегу «ножницами». Перекидным через спину нас не учили. Прыжков с шестом тоже не было. Помню, лучшим легкоатлетом школы был наш одноклассник Толя Андрианов. Лёгкий на подъём, он бежал, как лань, легко и быстро.

Баскетбол. Спортивным залом служил у нас зал в Доме пионеров. Там убирали скамьи-диваны, и мы резвились в баскетбольных сражениях. Я любил эту спортивную игру больше, чем волейбол. Устраивал баскетбольные площадки в пионерских лагерях, да и в армии тоже. Однажды у меня был уникальный бросок мяча с попаданием в корзину. В окружении соперников я обернулся в противоположную сторону от корзины, расставил ноги и бросил мяч между ног назад. К изумлению, мяч точно оказался в корзине. Сколько раз потом мы пытались повторить этот трюк, так ни у кого и не получалось. Бросок сзади был единственным в своём роде.

Стрельба. У нас в школе была начальная военная подготовка. И мы изучали оружие, прежде всего, винтовку. В средней школе были у нас винтовки, знаменитые трёхлинейки. Военрук выводил на стадион, где в одной стороне забора было устроено стрельбище. И стреляли мы не из пневматики, а из настоящего боевого оружия. Обычные дистанции 100 и 50 метров. На 50 метров я выбивал до 45 из 50. А вот на стометровке только 70 из 100. Вначале пули летели нередко в «молоко», то есть за пределы круга мишени. Но потом приловчился попадать и в десятку.

Велосипед. Это был мой любимый вид спорта, отдыха, развлечений и путешествий. У меня был свой собственный велосипед Харьковского велосипедного завода (ХВЗ). Мне его купили на заработанные мною на заводе деньги. По велосипедным гонкам у меня был второй взрослый разряд. Участвовал я в районных соревнованиях и областных. Летом после окончания 9 класса меня вместе с приятелем Генной Усовым включили в районную

команду для участия в областной (в Томске) спартакиаде спортивного общества «Красная Звезда». Мы там по итогам кросса по пересечённой местности заняли первое место, а по гонкам на ипподроме – четвёртое. По итогам заняли второе место в области. Благодаря велосипеду был я и в составе команды Молчановского района на первой областной олимпиаде в Томске в 1956 году. С велосипедом я не расставался всю жизнь. В армии только не было велосипеда. И детей приучил к велосипеду, совершая с ними дальние прогулки.

Туризм. С детства меня привлекали дальние прогулки по родному краю. На рыбалку. По ягоды. Сенокос. Работа в колхозе. Работая в пионерских лагерях, устраивал походы с приготовлением пищи на костре. Самый памятный поход был по Свидовецкому и Черногрскому хребтам Карпат Западной Украины. Поскольку я работал в школе, то занимался, естественно, организацией детского туризма. Походы, пешие и лыжные, краеведческого плана по Подмосковию. Туристские слёты, школьные, городские, областные. Областные турслёты учителей Подмосковию. Участие в качестве руководителя отрядов и в судейских бригадах на областных и республиканских турслётах. Особенно памятны республиканские турслёты в Приэльбрусье, Волгограде, Иванове. Туризм мы понимали иначе, чем это толкуют так называемые профессионалы, для которых туризм – это отдых. Для нас туризм всегда был связан с изучением родного края. Наша деятельность так и называлась – туристско-краеведческая. В туристских походах мы изучали родной край во всех его проявлениях. В этой связи у меня сложились тесные взаимоотношения с Центральной детской экскурсионно-туристской станцией (ЦДЭТС), которая ныне называется Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения (ФЦДЮТиК). Организацией туристско-краеведческой работы в Долгопрудном занимался Дом пионером, когда я там работал методистом. Мы провели в общей сложности 12 городских летних и 8 зимних турслётов. Среди активистов, руководителей были учителя Фаина Афанасьевна Баранова, Андрей Андреевич Попович, Лариса Витальевна Козарь, Дия Петровна Машковская, Борис Иванович Тетерюков, Татьяна Павловна Грачёва, а также Валентин Викторович Морозов, Юрий Тимофеевич Паевский и жена его Лидия. Директором Дома пионеров была тогда Мария Петровна Ларина.

Ориентирование спортивное. Каких-либо успехов в спортивном ориентировании я не имел, хотя и приходилось участвовать как в летних, так и зимних соревнованиях. Занимался, в основном, организацией соревнований по ориентированию среди школьников. Зимой это были соревнования на маркированной трассе. Летом – по заданному направлению или КП (контрольные пункты) по выбору. Проводили мы и ночное ориентирование. Ориентирование было как самостоятельным видом спорта, так и составной частью турслётов. Во всероссийском масштабе организацией спортивного ориентирования занимался директор ФЦДЮТиК Юрий Сергеевич Константинов. В Долгопрудном и Московской области – Анатолий Михайлович Гурцев. В его команде организаторов были Михаил Аврумович Найдорф и жена его Лилия, Александр Павлович Арапиди, Эдуард Карлович Пиприс.

Шахматы. В шахматы я научился играть в седьмом классе. В соревнованиях участвовал. Получил второй разряд. Но в большей степени это была игра во время отдыха. Участвовал я в соревнованиях по шахматам, работая в школе, Центральном музее революции СССР. Постоянным партнёром длительное время был Валентин Викторович Морозов. Шахматы мы брали с собой, гуляя с детьми, выезжая в лес за грибами и ягодами, а также во время камчатских экспедиций.

Велосипед

Ещё одна особая история в моей могочинской жизни. Это велосипед. Начнём с того, что велосипед не родители мне подарили, а купили на заработанные мною на заводе деньги. На свои трудовые деньги приобреталось много вещей. Галстук, например. Не пионерский, а гражданский в коричневую клеточку. Фотоаппарат «Смена» и все необходимые к нему принадлежности. Лыжи фабричного производства с палками. Альбом для фотографий. Портфель вместо холщёвой сумки, пошитой матерью. Авторучка, что было диковиной в наше время. И, конечно же, книги.

Когда в нашем магазине появились велосипеды, загорелся я мечтою о приобретении этого быстроходного коня. И вот мечта сбылась. Деньги заработал, в том числе и работая в ночную смену, где платили больше. Пошли с отцом в магазин и купили велосипед марки Харьковского велосипедного завода – ХВЗ. У моих приятелей уже были велосипеды, и ездить на нём я уже умел. Мало того, отца научил. И отец мой нередко ездил по делам на велосипеде. Мама тоже хотела научиться, но стеснялась на люди показаться. Для неё мы подвешивали велосипед в сених, и она, взбираясь на него, как на коня, пыталась таким образом научиться ездить. Ничего, конечно, у неё из этой затеи не получилось. Брат мой Виктор после семилетки поступил в педучилище в Томске, потом служил в армии. Так что я был полновластным хозяином велосипеда, хотя его приобретение считалось семейным.

За велосипедом я ухаживал, как за ребёнком. Каждый раз после прогулки промывал от грязи и протирал до блеска спицы и никелированные обода. Постоянно прочищал и регулярно смазывал втулки. Частенько перебирал втулки и смазывал подшипники жидким вазелином. Возил на велосипеде разные грузы. Подсаживал на раму и багажник ребят и девчат. Всё это в порядке вещей было. Но страсть меня одолела в быстрой езде. На большой скорости я мчался по улицам, сходу въезжал на дамбу, выезжал на дальние луга. Образовалась у нас и компания велосипедистов. Часто мы соревновались друг с другом, в том числе гоняя по беговой дорожке стадиона. Выезжали на велосипедах и в дальние колхозы – Сарафановку, Прогресс, Тунгусово, Майково. Вскоре в посёлке нас заметили и признали отчаянными велосипедистами. Не раз приходилось мне ездить поздно вечером или даже ночью. В августе ночи тёмные. Освещения по улицам не было. Дороги не видать. Ориентируешься только по силуэтам домов на фоне неба. Однажды возвращался я ночью из колхоза «Прогресс» домой. Там были мы студентами на практике. Дороги тогда были только грунтовые, набитые колеями машинных колёс. Лесная дорога освещалась только светом луны. В одном месте мне показалась впереди будто ровная дорога. С размаху въехал. А оказалось, что это широкая колея, наполненная водой. Вначале испугался. Как бы не грохнуться в воду. Но упорно нажимал на педали и благополучно выехал на более высокое и ровное место. Остановился. Оглянулся. И удивился. Как же это я смог проехать по этому месту. Дальше ехал осторожно, сходя с велосипеда в опасных местах.

После окончания 9 класса собрал нас председатель заводского комитета добровольного спортивного общества (ДСО) и предложил принять участие в районных соревнованиях по велогонкам. Поехали мы в Молчаново и там заняли первое место. Четверо нас было. Как победителей в районе нас направили в Томск на областные соревнования. В программе было два вида: кросс по пересечённой местности и трековые гонки на ипподроме. У нас у всех были дорожные велосипеды. А у ребят из Томска и некоторых районов появились уже гоночные спортивные велосипеды с передачей скоростей. На своих дорожных велосипедах мы обошли всех по лесным тропам и оврагам. Но когда вышли на шоссе на финишную прямую, у меня, вдруг, сломалась правая педаль. По шоссе нас легко могли обогнать ребята на спортивных велосипедах. Но мы тут приняли тактический ход. Выстроились вчетвером рядом друг с другом, так что обойти нас никто не мог. Друзья мои попеременно выдавались чуть вперёд или чуть сдавая назад, чтобы не было заметно нашей хитрости. Обойти никто не смог. Когда до финиша осталось метров 50, я сказал ребятам, чтобы гнали к финишу без меня. И они помчались. А я

крутил одной педалью, виляя из стороны в сторону. Ребят обогнал только один гонщик. Зачёт был по трём лучшим, и мы заняли по кроссу первое место. Через день должны быть трековые гонки. Один день на роздых. Мы потратили его на поиски педали. Нашли. Заменили. Трековую гонку, конечно, мы не смогли выиграть на наших дорожных велосипедах. Заняли четвёртое место, а по сумме двух видов – второе. Тогда мы выполнили норму второго спортивного разряда.

На этом велогонки не закончились. После окончания 10 класса мы с Лёней Мишустиним оказались в составе районной команды участников Областного фестиваля в Томске. В программе были соревнования по туризму, лёгкой атлетике, велосипеду и художественной самодеятельности. Лёню включили как баяниста. Он покориł всех исполнением полонеза Огинского. А меня – как ведущего концертную программу и велосипедиста. Удачно выступил наш Молчановский район. Завоевали мы там кубок и разные призы. Даже в областной газете «Красное знамя» была напечатана фотография в момент установки нами туристской палатки.

Велосипед был всегда со мной. Даже в армии, будучи начальником клуба, я уговорил замполита купить велосипед, чтобы была возможность ездить в соседние города и деревни и договариваться о выступлении там нашей концертной бригады. На велосипедах уже со своими детьми совершали мы прогулки по Подмосковию. Велосипед был неразлучен со мной в селе Чернеево в Дмитровском районе, где мы купили деревенский дом. На нём ездил я в соседнее село за молоком, ввозил дрова из леса и торф с дальней канавы. Велосипед мой сгорел во время пожара, но я пользуюсь велосипедом моих внуков.

Велосипед – мой конь ретивый,
По ямам, рытвинам игривый,
Несёт меня вперёд, вперёд,
Пока душа не обомрёт.
Порою дождь навстречу хлещет,
Порою сердце затрепещет,
Когда с обрыва мчишься вниз.
Порой навстречу ветер бьёт,
А сзади вихрь пылью вьёт
Или летят ошмётки грязи.
Мелькают улицы, дома...
О! Как бы не сойти с ума
От этой гонки превеликой.
Велосипед, мой дорогой,
Всегда и всюду ты со мной,
Всегда и всюду я с тобой.

На перемене в 10 классе. Со мной Гена Усов с велосипедом, сзади Митя Черных.

Посоветская яма

Неизведанной для меня, например, остаётся история Посоветской ямы. Это огромная округлая яма, наполненная водой, в диаметре около 20 метров. Отчего она образовалась и почему так называется? Известно, что в 1937 году (по воспоминаниям других – в 1936) на Оби был великий весенний разлив – необычайное наводнение. К тому времени вокруг посёлка начали возводить дамбу, чтобы посёлок не заливало весенним паводком. Но в тот год река разлилась бурно, и дамбу прорвало. Поток воды вместе с огромными льдинами

хлынул на посёлок, сметая всё на своём пути. На этом пути оказались здания поселкового совета (поссовета). Одно из них было вырвано из земли. На этом месте и образовалась яма. Так и стоит до сих пор, наполненная водой.

Вода там чистая. Тиной не зарастает. Почему? Купаться туда ребятишки не ходили и не ходят. Чего боятся? Рыбу не ловят. Отчего? А что за здание стояло на этом месте? Почему такая глубокая воронка? Может быть, там были подземные или глубокие подвальные помещения? Для чего предназначались?

Правда, есть предположение, что снесло не само здание поссовета, а рядом находившееся здание, где в подвалах хранилась взрывчатка, использовавшаяся для взрывных работ при ледяных заторах на реке. А каковы легенды сохранились у местных жителей? Кстати, само здание поссовета сохранилось и стоит на краю этого водоёма. Ныне там располагается сельская администрация. По другой версии, потоком воды вырвало само здание поссовета. Стало быть, там был глубокий подвал. Зачем поссовету глубокий подвал? Новое здание якобы построили на краю ямы. А почему именно здесь? На краю ямы? Были ведь и другие, более удобные места для поселкового совета.

Вопросы вопросами, а поссоветская яма стоит десятилетиями неизменно, являясь одним из приметных и важных топонимов Могочино.

Детские игры

Из детских игр запомнились более всего воображаемые сражения с немцами. Мы тогда знали три бранных слова: немец, фриц и Ганс. И вот против этих фрицев и гансов мы вооружались деревянными саблями и с криками «Ура!» налетали на чертополох и срубали головы этим колючим растениям. С этими фрицами мы расправлялись беспощадно. А ещё было обобщающее слово «немчурой». «Немчурой» называли не только

всех военных немцев, но и хулиганствующие компании мальчишек. «Опять эта немчура налетела, - жаловались соседки, - весь огород истоптала».

О футболе я уже писал. Это была, пожалуй, самая увлекательная игра и, вместе с тем, спортивные состязания.

Играли мы в чехарду, кучу-малу, прятки, пятнашки-догонялки, жмурки.

Популярной была игра в чичу, лапту, бабки. А ещё любили катать колесо, вернее металлический обод колеса. Брала мы в руки толстую проволоку, с одной стороны сгибали в виде рукояти, с другой делали крюк. Катнёшь колесо, подхватишь его сзади крюком и катишь далее колесо как можно дальше. Иногда и соревновались, кто дальше укатит.

На денежки играли в пристенок и биту. Игра в пристенок хорошо описана в повести В. Распутина «Уроки французского», наглядно это можно видеть в одноимённом кинофильме. При игре в биту надо было разбить полтинником или свинчаткой установленную на расстоянии стопку монет и среди рассыпавшихся собрать те, которые находятся на расстоянии ближе, чем длина между растянутыми большим и указательным пальцами, как в пристенке.

Бабки. У нас у каждого из мальчишек был свой холстяной мешочек, где мы хранили свои бабка. Бабки – это суставные части костей животных. Бабки устанавливались на определённой черте в один ряд. Все игроки устанавливали в этот ряд по одной своей бабке. Надо было с условленного расстояния своей большой бабкой-битой выбить из строя бабки других игроков. Выбитые бабки становились собственностью того, кто их выбил. Иногда парни вместо бабки-биты применяли битую-свинчатку округлой формы. Когда все бабки были выбиты, выстраивался новый ряд бабок. Каждая бабка имела своё название в зависимости от их величины: дед, бабка, малыш и другие, коих уже и не помню. Престижно было выбить больше дедов и бабок, которые были более устойчивы. Битой как раз и служил дед.

Лапта. В лапту играли на той же поляне, что служила нам футбольным полем, около Кузнецовского озера за домом Парфёновых. Когда подсыхали луга после водополя, ходили за протоку на эти луга и там резвились в лапту. Наша-то поляна была маловата для игры в лапту. Игра проходила так. Отмерялось расстояние между игроками с подающим мяч и водящим в поле. Подающий подкидывал мяч, который очередной игрок должен был, ударив его на лету, отбить как можно дальше за черту, где был водящий. Ударив по мячу, игрок должен был добежать до установленной черты, у которой был ведущий, и вернуться обратно. А ведущий ловил мяч и пытался осалить бегущего игрока. Осаленный игрок становился ведущим, а ведущий вставал в ряд игроков и отбивал подбрасываемый сверху мяч. Мяч, как правило, скатывался из начёсанной коровьей или овечьей шерсти размером 5-8 см в диаметре. Фабричные мячи, в том числе гуттаперчевые, появились позднее.

Чика. В чичу можно было играть и на нашем футбольном поле. В землю вбивалась стойка - кол или планка высотой около одного метра. На верхний конец стойки прицеплялся деревянный крючок, палочка с зацепкой. Это и есть чика. Игроки устраивались на определённом расстоянии от чики и по очереди сбивать палкой-битой эту самую чичу со стойки. Соревновались на дальность отлёта чики от стойки.

Была ещё групповая игра в перетяжки. Эта игра вроде перетягивания каната. Команды выстраивались друг за другом, обхватывая впереди стоящего игрока со спины за живот. Передние крепко брали друг друга за руки. По сигналу игроки начинали тянуть на себя до тех пор, пока одна команда перетянет другую на свою сторону.

Летом на озере мы устраивали всякого рода соревнования. Кто дальше нырнёт с мостков и при этом вызовет меньше брызг. Кто дальше проплывёт под водой. Кто переплывёт озеро к другому берегу и обратно. Кто вообще быстрее плавает. Причём, мы владели разными стилями. Учились, как себя вести при спасении утопающего. Любили мы подныривать под других купающихся и хватать их за ноги. Иногда мы становились в

круг. Нырющий под водой подплывал к кому-нибудь, хватал за ноги и подбрасывал кверху. Иногда подныривали под девчонок, которые купались отдельно. Однажды я поднырнул, да ошибся ногами. Подхватил девичьи ноги, хотел приподнять, да сил не хватило. Девушка оказалась. Ну и отвесила она мне оплеуху. Больно было. Больше не подныривал. А девочкам иногда нравилось, когда под них подныривали. Если поднырнул парень, который нравился, она, поднятая из воды, радуясь сидела у него на руках, а он крутил ей вокруг себя. Если парень не нравился или был чужой, то она с размаху била его по щекам со всякими ругательствами. Парни же потом потешались над таким неудачником.

Кстати, со словом «чужой» в русском народе много пословиц бытовало. Вот некоторые из них: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», «В чужой прудок не кидай неводок», «В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив», «За своё вступайся, за чужое не хватайся», «На чужой совет до зову не ходи», «Чужим умом в люди не выйдешь», «Чужое взять – своё потерять», «Чужой собаке на селе житья нет»

Забавой были водные пируэты. Двое, стоя лицом друг к другу, скрещивали руки под водой и приседали. Ныральныйщик, держась за головы, вставал на скрещенные руки и выпрямлялся. Его, раскачивая вверх-вниз при счёте: раз-два-три, резко подбрасывали вверх, а он должен был улучшить момент самой высокой точки, оттолкнуться и нырнуть в воду как можно дальше. Пока научишься совершать такие пируэты, не раз сорвёшься прежде времени, вызывая хохот всей ребятни.

Я плавал хорошо, мог проплыть далеко. Но быстро плавать так и не научился. А вот братья мои плавали очень хорошо и быстро. Старший Василий любил плавать в размаху, хлопая ладонью по воде. При этом он держался на воде так, что более половины спины у него выходила над водой. Виктор плавал очень быстро и всегда побеждал на соревнованиях в школе. Он и в Томске, когда учился в педучилище, показывал хорошие результаты.

В хоккей мы не играли, неведома нам была эта игра, хотя на коньках катались. Сначала у нас были коньки-снегурки. Потом появились коньки-ласточки с прямым удлинённым лезвием. Позднее появились и так называемые дутыши, прообраз современных коньков у хоккеистов. Коньки крепили к обуви с помощью верёвочек и ремешков. Когда появились коньки на ботинках, не помню. В детстве у меня таких не было. Впервые я надел ботинки с коньками, будучи студентом в Томске, когда такие коньки выдавали зимой на прокат в городском саду, где зимой заливали каток и пешеходные аллеи. Летом горсад наполнялся музыкой духового оркестра. Зимой крутили грампластинки. По выходным и праздничным дням на площадку горсада выходили и музыканты духового оркестра. Я всегда вспоминаю городской сад в Томске, когда слышу песню со словами: «В городском саду играет духовой оркестр. На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест...».

Примитивной разновидностью игры в хоккей с мячом, но без коньков, была игра в котёл. Котёл – это большая ямка в центре круговой поляны летом или плотно утоптанной площадки зимой. Это и был котёл. По краям круга углублялись небольшие ямки. Против каждой ямки с внешней стороны круга стояли игроки. Внутри круга заходить было нельзя. Ведущий с мячом оберегал свой котёл и старался самодельной клюшкой закатить сбитый из шерсти мяч в ямку кого-либо из игроков. Игроки, в свою очередь, защищая свою ямку-котёл, пытались закатить мяч в котёл ведущего. Ведущий свободно перемещался внутри круга и мог в любой момент закатить мяч в котёл зазевавшегося игрока, который и становился ведущим.

Для любой подвижной игры ведущий выбирался по считалке. Запомнилось мне некоторые считалки. Одна простая: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить. Всё равно тебе водить». Другая более сложная: «На крыльце сидели гости: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, а ты кто будешь такой?». Последний, на кого пало слово «такой», должен был назвать кого-либо из

перечисленных гостей. Считалка продолжалась, начиная с этого игрока и кончалась на названном слове. Тот в свою очередь называл имя гостя. Называвшиеся игроки становились играющими. Считалка продолжалась до последнего участника, который и становился ведущим. А ещё была считалка с набором слов, означающих на свой лад цифры от одного до десяти: «Ази, двази, тризи, ризи, пяти, лати, шуни, муни, девар, декс». При игре в прятки ведущий, отвернувшись к стене, громко приговаривал: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват».

Ведущего в прятки и в других играх выбирали разными способами. Например, с помощью длинной вертикальной палочки. Первый брал палочку с самого низа, обхватывая её кулачком. Остальные игроки по очереди, обхватывали палочку сверху предыдущего. Когда все обхватили палочку, первый снизу, обхватывал палочку сверху. Затем и остальные делали то же самой. Продолжалось до тех пока кто-либо из игроков обхватывал верхний конец палочки. Он и становился ведущим.

Играли в охотников и разбойников. Для этого изготавливали самодельные луки и стрелы. На лук лучше всего подходили прутья из черёмухи. Они хорошо изгибались в полудугу, были упругими и с хорошей отдачей. С таким луком можно было и на птиц охотиться.

Самодельным оружием был также пращ, разновидность греческой пращи. Две резинки привязывались к полукруглой кожинке. Другие концы резинок крепились к рогатке. В кожинку вкладывался камешек, который после растяжки отпускался, и камешек пулей вылетал в проём рогатки. Чем прочнее резинки и сильнее натяжка, тем дальше летел камешек. Иногда вместо рогатки использовали растянутые большой и указательные пальцы руки. На их концы крепились петельки концов резинок. В резинку вставлялся согнутый кусочек алюминиевой или медной проволоки. При растяжке резинки и резком опускании согнутая проволока летела в цель. Но это была мелкая забава. Иногда вместо проволоки вставляли плотно свёрнутый кусочек бумаги.

Запускали мы и воздушного самодельного змея. Иногда запускали высоко в небо. Бегали с воздушным змеем по берегу озера или на поляне, где играли в футбол. Как сделать воздушного змея, учили нас взрослые. Потом мы и сами научились делать и запускать в небо воздушных змеев, разных конфигураций и расцветок. Иногда соревновались, чей змей поднимется выше всех и продержится в воздухе дольше всех.

С детства мы приучались к какому-либо делу, старались сами что-либо сделать, смастерить игрушки или деловые инструменты. Мать, бывало, упрекала заигравшихся детей: «Хватит играть-то, пора дело делать». Да и в народе говорили: «Делать как-нибудь, так никак не будет», «Сперва думай, а потом и делай», «Одно дело делай, а другого не порть», «Без дела жить – только небо коптить», «Дерево смотри в плодах, человека – в делах», «Доброе дело само себя хвалит», «На бога уповай, а без дела не бывай».

Дома по вечерам играли в лото совместно с родителями. Мать доставала мешочек с бочоночками, на торцах которых были отштампованы цифры. Мы раскладывали карточки с теми же цифрами и закрывали фишками в соответствии с названными цифрами. Ведущий доставал из мешочка по очереди по одному бочоночку и называл цифры, которые и нужно было закрыть. Победителем становился тот, кто впервые закроет все свои цифры на карточки. Цифры назывались с творческим интересом. Например, если выпадал бочоночек с цифрой 11, говорили: барабанные палочки, если 90 – дед, девяносто лет, если 69 – как свиньи спят, если 25 – пятью пять, если 36 – шестью шесть, если 50 – полсотни, если 21 – очко... , ну и так далее.

Популярными карточными играми были игра в карты – в подкидного и очко. Играли на одного, то есть каждый сам за себя, на двоих вчетвером и на троих вшестером. Но не на деньги, а на интерес. Учителя запрещали карточные игры, считая их азартными и приводящими к конфликтным ситуациям. Особенно преследовались карточные игры на деньги.

Была у нас ещё и настольная игра в военные сражения. Мы сами из картонок вырезали фигуры военной техники (танки, самолёты, гранаты, мины, винтовки) или рисовали на бумажках солдат, офицеров, санитарок (немецких и русских). На большом листе бумаги или ватмана рисовали план сражений с линиями фронта, окопами и ходами сообщения, заминированными полями, артиллерийскими расчётами, засадами снайперов и т.д. Передвигая свои фигуры, атаковали противника.

Популярной была и настольная игра в морской бой.

В раннем детстве в качестве игрушек у нас были палочки, бакулочки, чурочки, то есть деревянные обрезки, отходы от столярного ремесла. Из них строили крепости, дворцы, мосты и т.д. И, кстати, берегли их. Не разбрасывали, как это делают современные дети в обилии фабричных игрушек.

Описывая эти игры, я тем самым подчёркиваю, что бездельем у нас никто не страдал. Трудились мы в полную силу как дома, так и на заводе. С детства приучались к трудовой деятельности. В играх овладевали навыками жизни. Каждая игра – это ведь своеобразное маленькое дело. Не напрасно же русская пословица гласит: «Маленькое дело лучше большого безделья».

При этом мы не ломали игрушек, не портили инструменты, стремились всё изготавливать самим. Берегли свои игрушки, берегли и домашнее добро, берегли обычаи, нравы и свою честь. Во всякой игре, как и во всяком деле, честь была дороже всего. На то и русская пословица: «Береги платье снову, а честь смолоду».

К богатству мы не стремились. Просто хотели жить лучше, а чтобы жить лучше, надо было хорошо работать и не завидовать тому, кто жил в лучшем достатке. Интуитивно мы понимали, что не с богатством жить, а с человеком. «Богатство – оно что вода, пришло и ушло», «Кто залез в богатство – забыл и братство». Такова народная мудрость. И мы её в труде и играх постигали. Я и сейчас, будучи кандидатом наук и профессором живу с женой в однокомнатной квартире. Зато дети наши и внуки имеют машины, отдельные благоустроенные квартиры и дачи в деревне.

С детства нас приучали ничего не бояться, смело за всякую работу браться. Ведь бояться работы – жить без охоты. А волков бояться – в лес не ходить. Бояться смерти – на свете не жить.

Баня

Русские пословицы гласят: «Баня парит, баня правит» (лечит), «В баню идти – пару не бояться», «Баня – мать родная».

В Могочино была поселковая или как мы говорили, заводская баня. Располагалась она сзади Дома пионеров, через площадь от средней школы. В 1950-е годы вдоль Дома пионеров, детского сада и далее вплоть до пристани были деревянные тротуары. Как правило, они возвышались высоко над землёй, на земле не лежали, поэтому и сохранялись долгое время. Возле Дома пионеров перед стадионом, тротуар поворачивал направо в сторону дамбы. Там и находилась баня. Работала она каждый день. Открывалась для женщин и мужчин через день. Иногда мужики, позабыв про эту очередность, заходили в баню в женский день, что вызывало, с одной стороны, скандалы, с другой, забывчивые мужики получали не лестные прозвища и становились предметом всеобщих насмешек. Потом баню перевели в другое место, где я и рубил для неё дрова.

В нашей семье баня занимала особое место. У нас всегда была своя баня, которой пользовались и соседи. Это было небольшое строение с плоской крышей-потолком, где кровлей служил слой земли, на которой росла трава. Именно там появлялось первое весеннее растение – лебеда, которую мы охотно поедали. Это было первое зелёное лакомство после долгой зимы.

Наша баня располагалась на пригорке рядом с огородом Головиных. Между нашим домом и баней была небольшая низина. Когда в половодье сходила вода, понемногу убывая, в низине ещё некоторое время стояла вода, где мы и ловили рыбу, ставя там сначала сеть по большой воде, а потом фитили и мордушки. При моём посещении Озёрной улицы в 2012 году именно баня явилась ориентиром определения места, где находился наш дом. Хозяин дома № 2 не мог сказать, где он находился. Но баню он помнил и указал мне место, где она стояла. Так по месту нахождения бани я и определил место нахождения нашего дома.

Баня топилась по-чёрному с открытой каменкой. С детства я любил париться, для чего на Троицу заготавливали берёзовые веники, которые связками висели на потолке под крышей дома. После парной в бане возникает непередаваемое чувство крепкой и здоровой усталости, после которой наступает бодрость и лёгкость всего тела. После парной мы, как правило, летом бегали на озеро и с размаху кидались с мостика в воду. Иногда осенью, когда верхний слой воды покрывался тончайшим слоем льда, мы ныряли, разламывая ледяное покрывало. Нырнёшь, бывало, с разбегу, проплывёшь подо льдом, как можно дальше, вынырнешь, разбив головой плёнку льда и поплывёшь обратно, приятно ощущая на теле касание мелких льдинок. Зимой же любили после парной прыгать в снег и барахтаться там. Потом снова в баню на полёк. Да снова веником напаришь себя или друг друга. Холодной водой окатишься. Всё! Можно одеваться.

В баню ходили по очереди. Сначала, мужики в первый пар, потом женщины, а следом и дети. Когда вся семья попарится, вымоется, в баню ходили соседи. Будучи мальцом, я ходил в баню с братом Виктором в третий заход. А повзрослев, принимал уже первый пар вместе с отцом.

Бывая в разных местах страны, я непременно ходил в баню к тем своим знакомым, у которых были свои бани. После операции на сердце мне запрещено было париться в бане, но я всё равно парился, хотя и не на полёк, а на нижней лавке. Однажды нас, участников международной научной конференции в Каргополе Архангельской области, пригласили в деревенскую баню. Баня находилась на берегу реки Онеги. В баню со мной пошли профессор Сорбонны из Парижа Франсис Конт и американской профессор Вильям Брамфилд. Там они впервые и отведали русской бани. Сами они париться не умели, поэтому я выступил в роли банщика и отпарил их веником по самое первое число. Отпаривал их по три захода на полёк, окатывая после парения веником холодной водой. После парной мы с мостика ныряли в реку, чем получили глубочайшее удовлетворение.

Оригинальную баню посетил я в Кременчуге. Это было ещё в 1980-е годы, когда в составе Комиссии Министерства культуры СССР мы проверяли деятельность украинских музеев. Мужем директора музея в Кременчуге был начальник троллейбусного парка. Списанный троллейбус он превратил в баню, обшив стены изнутри вагонкой. Баня была оборудована под сауну. В бане воздух влажный с ароматом берёзового веника или хлебным запахом, когда на каменку плеснёшь ковш кваса. Незабываемое чувство блаженства. В сауне воздух сухой и горячий. Доски лавок горячие, обжигают тело. Но омовение холодной водой там и там обязательно. В троллейбусе хозяин установил большую железную бочку, куда надо было окунаться. Бодрит, конечно. Но того вольного, одухотворённого ощущения нет. Не поплаваешь в воде и не побарахтаешься в снегу. Тем не менее, в той сауне я получил большое удовольствие, когда после каждого нагрева в сауне трижды прыгал в бочку с холодной водой.

Баня наша в Могочино имела ещё и другое назначение. Отец с Василием оборудовали там пимокатную. Заготовку пимов делали дома, а в бане катали, насаживали на колодки, обкатывали разными инструментами, подсушивали, опаливали горячей берестой, чистили пемзой. Пимы отец катал по фасону заказчика. Пимы назывались чёсанками, катанками, модельными (для девушек). Изготавливали пимы с каблучком и без каблучка, с отворотами и без оных. Иногда парни заказывали с тройным отворотом. В

одних пимах работали зимой, в других ходили на танцы в Дом культуры. Девушки, обычно заказывали чёсанки из белой шерсти.

Так что баня занимала видное место в нашей жизни и имела разное предназначение. Когда родители мои переехали в Алма-Ату, там тоже построили баню. И я любил париться в той бане, когда приезжал во время каникул или отпуска. Сейчас, имея собственный дом в деревне и 20 соток земли, мы не имеем бани. Все удобства, включая горячую воду и душ, находятся в доме. И каждый раз, принимая душ, я вспоминаю нашу баню с её горячим бодрящим воздухом, очищающим лёгкие. Баня бодрит и облагораживает тело.

Традиционно баню топили в субботу. Это был банный день. А после бани пили чай. В лучшие времена – чай с пирогами.

Баня занимает видное место в фольклоре. С ней и хозяином бани – банником связаны различные обряды и поверья. Это я потом узнал, изучая русскую народную традиционную культуру. Но из своего далёкого детства-юношества не припомню, чтобы эти обряды и поверья входили в обиход нашей жизни. Вот несколько примеров из народной мудрости:

Баня – мать вторая,
Баня парит, баня правит,
В баню идти – пару не бояться,
С лёгким паром, добрым здоровьем,
У Вани с Маней добрая баня,
В баню не ходишь – долго не проживёшь,
Банька хороша – отдыхает душа,
Веник в бане всем господин,
В бане веник берёзовый, станешь от пару розовый,
Еловым веником не парятся.

Библиотека

Сколько помню, книги всегда меня привлекали. Интуитивно я понимал, что «не красна книга письмом, красна умом». В детстве, когда я учился вначале в семилетней, а потом средней школе, книги мы читали в поселковой библиотеке. Был я там постоянным читателем. Приобретать же книги начал я приобретать, помнится только в 8 классе. Был у нас в посёлке магазин, известный как КОГИЗ. Что такое КОГИЗ, никто из нас не знал. Только потом, спустя много лет, я узнал, что это Книготорговое объединение государственных издательств Кооперативное государственное издательство. Но там были не только книги, художественная литература и учебники, но и всякого рода канцелярские принадлежности (ручки, чернильницы, тетради, альбомы для рисования, карандаши простые и цветные, перья, кнопки и пр.).

Поскольку, начиная с 5 класса, летом, я работал на лесопильном заводе, получал зарплату, то имел возможность покупать книги. Родители не возражали, позволяли тратить на себя заработанные деньги. Так к 9 классу у меня были не только альбомы для фотографий, «взрослый галстук», фотоаппарат «Смена», но и книги.

Покупал я художественную литературу. Дома у меня были книги Майн Рида, Джека Лондона (отдельные произведения), Бажова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Однажды наш сосед Кондратьев, живший по ту сторону озера, куда-то выехал. Тогда я и не интересовался, куда и почему он спешно уехал вместе с семьёй. Вещи из дома были вывезены, а книг разного рода в открытом настёжь доме было много. Книги были, в основном, политического содержания. Решения Пленумов и Съездов РСДРП (б) и ВКПБ,

партийные постановления, работы В. И. Ленина советского периода в мягком переплётё и др. Я их и скомплектовал для своей библиотеки. Это было летом 1955 года, когда я перешёл в 10 класс. Книги эти, естественно, не сохранились. Часть их я увозил с собой в Новосибирск. Часть увезли родители в Алма-Ату. В Алма-Ату я потом привёз книги, приобретённые в Новосибирск, где я после окончания культпросветучилища, работал в методическом кабинете областного управления культуры. В Алма-Ате мы с отцом сделал специальный книжный шкаф со стеклянными двустворчатыми дверками. После службы в армии (1960-1963), когда уже обзавёлся семьёй и жил в Долгопрудном (с 1964), формирование библиотеки стало постоянным делом. Из Алма-Аты я никаких книг не привёз, всё осталось там. А здесь у меня было правило покупать книги после каждой полочки. Приобретал подписные издания, регулярно ходил в букинистические магазины. Когда мы жили на ул. Циолковского, 10 в комнате 12 кв. м, я перегородил половину комнаты книжным стеллажом с откидным столиком для работы. Когда получили 3-х комнатную квартиру на ул. Московское шоссе, корп. 2, кв. 116, там библиотека наша разместилась в шкафах и на стеллажах с пола до потолка на двух стенах коридора-прихожей. Книги были учебного плана, исторические, художественные, в т.ч. подписные издания, книги по географии, этнографии, туризму и краеведению. Мы выписывали по полтора десятка названий журналов и газет. Среди журналов: «Новый мир», «Наш современник», «Наука и жизнь», «Юный натуралист», «Человек и природа», Мурзилка (для детей), альманах «Земля и люди» и др. Журнал «Вокруг света» я не только выписывал, но и приобретал у букинистов. В коллекции были журналы и дореволюционного времени, в том числе 1863 года издания. Сформировал я несколько годовых подшивок журналов «Вокруг света» и «Юный натуралист». В составе библиотеки были энциклопедические издания и словари, в т.ч. Большая Советская энциклопедия (все тома), Советская историческая энциклопедия, Педагогическая энциклопедия, Мир животных, «Земля и вселенная», «Всемирный следопыт» и др. Были коллекция книг серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) более 150 единиц, «Пламенные революционеры» (более 50), серия книг-путеводителей по городам Советского Союза (около 100), Всемирная история (все тома), «История Второй мировой войны», «История Великой Отечественной войны», коллекции книг по этнографии, в т.ч. энциклопедические издания. Среди подписных изданий: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой, Бунин, Чехов, Кони, Есенин, Сергеев-Ценский, Новиков-Прибой, Степняк-Кравчинский, Серафимович, Катаев, Ильф и Петров, Шолохов, Горький, Пиккуль, Бажов, Фадеев, Блок, Яшин, Симонов, Астафьев, Распутин, Павленко, Валишевский, Гоголь, Островский, Шевченко, Шишков, Куприн, Задорнов, Цвейг, Дюма, Мольер, Шекспир, Бальзак, Стендаль, Гюго, Сервантес, Гёте, Сенкевич, Драйзер и др. С переходом на работу в музей (с 1980) стал комплектовать книги по музееведению, краеведению, сборники трудов научных конференций, а затем собственные книги. На сегодняшний день в список моих публикаций входит 300 наименований работ.

Книгами из моей библиотеки пополнялись и другие библиотеки. Вся детская и студенческая литература осталась в Алма-Ате. Около 50 книг по музееведению, краеведению, а также полную Советскую историческую энциклопедию передал Зеленоградскому музею. Более тысячи единиц передал Каргопольскому музею. Более 500 книг, в т.ч. свои авторские работы передал Долгопрудненскому музею. Около 50 книг передал кафедре музейного дела МГИК (правда почти все книги там затерялись в связи с многочисленными переездами кафедры с одного места на другое. Десяток авторских книг передал в читальный зал для преподавателей МГИК. Два десятка книг передал Тотемскому музею. Более 40 книг авторских и сборников трудов передал в университетскую библиотеку Сорбонны в Париже. В Чернееве книги располагались на стеллажах во всю стену и до потолка в четырёх комнатах. И это всё сгорело во время пожара. Сохранились только книги, остававшиеся на квартирах 121 и 116 в Долгопрудном у нас и у Татьяны.

Таким образом, книги из моей библиотеки отложились в нескольких местах:

- первоначальная библиотека в доме по ул. Озёрная, № 5 в пос. Могочино;
- домашняя библиотека в доме по ул. Ленинградская (затем Гёте), № 70 в Алма-Ате;
- домашняя библиотека в общежитии ДМЗ по адресу ул. Циолковского, № 10 в Долгопрудном;
- домашняя библиотека в квартире № 116 по адресу ул. Московское шоссе, дом 55, корп. 2 в Долгопрудном;
- домашняя библиотека в квартире № 121 по адресу ул. Московское шоссе, дом 55, корп. 2 в Долгопрудном;
- домашняя библиотека в доме № 22 в селе Чернеево Дмитровского района Московской области (наиболее полная, на стеллажах в четырёх комнатах, вся сгорела);
- домашняя библиотека в доме № 22 в селе Чернеево Дмитровского района Московской области (во вновь построенном доме);
- коллекция книг в библиотеке Государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея (г. Зеленоград, Москва, около 100 единиц, включая Советскую историческую энциклопедию, книги по музееведению и краеведению, Сборники Каргопольского музея и МГИК);
- коллекция книг в библиотеке Русского Севера им. Г. П. Гунна Государственного Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея (г. Каргополь, более 1000 единиц, включая книги по музееведению, Русскому Северу, сборники трудов Зеленоградского музея и МГИК, журналы «Наш современник», «Вокруг света», «Юный натуралист» и др.);
- коллекция книг в библиотеке кафедры музееведения Московского государственного института культуры (около 80 единиц, включая книги по музееведению, сборники трудов Каргопольского и Зеленоградского музеев, Каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (14 томов), Сборники Зеленоградского музея «Очерки истории края» (9 выпусков), Сборники Каргопольского музея и авторские работы);
- коллекция книг в библиотеке Тотемского музейного объединения (книги по музееведению и авторские работы, около 10 единиц);
- коллекция книг в библиотеке Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения (Москва, книги по музееведению и авторские работы, около 50 единиц);
- коллекция книг в библиотеке Парижского университета Сорбонна Париж-4 (книги по этнографии, краеведению Русского Севера, Каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (14 томов) и авторские работы, более 50 единиц);
- книги по музееведению в библиотеке Центра экспертно-криминалистического таможенного управления (Москва, 10 ед.);
- авторские работы в библиотеке Государственного исторического музея (Москва, 10 единиц), в т.ч. «Русский Север», «От Москвы до Русского Севера», «Музей – хранилище социальной памяти» и «Русские имена»;
- авторские работы в читальном зале и библиотеке для преподавательского состава МГИК (15 единиц).

После пожара снова стал формировать библиотеку и хранить её в новом доме в Чернеево. Авторских моих книг и научных сборников с моими статьями сохранилось мало. Есть художественная литература и исторические романы. Есть А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, П.П. Бажов, А.Н. Толстой, С.А. Есенин, А.Я. Яшин, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин. Есть несколько книг по музееведению, но нет книг по этнографии. Нет и энциклопедических изданий.

Книги я теперь не покупаю, ибо сижу в деревне безвылазно. Пока жил в городе, кое-что успел скомплектовать из городской библиотеки, где выставляются книги, от которых избавляются горожане по той простой причине, что книга выходит из круга семейных

интересов. Все переходят на электронные средства. Вот и мои многие книги и статья опубликованы в электронном периодическом издании «Открытый текст». Можно найти мои книги и в других интернет источниках.

Пионерский лагерь

Пионерский лагерь располагался на левом берегу Оби напротив Могочино. Там были деревянные дома, которые назывались палатами. В каждой палате располагался отряд по возрасту от старшеклассников до малышей. В каждом отряде был свой вожатый. В лагере всегда был баянист. Он сопровождал своей ритмичной музыкой утреннюю зарядку и, конечно, готовил номера художественной самодеятельности. К концу смены всегда готовился концерт, который проводился в родительский день.

В лагере каждый день звучала музыка. На утренней зарядке, при построении на линейку

для подъёма и спуска флага, в ходе репетиций, на заключительном концерте, а также во время отдыха.

Вожатые с баянистом Лёней Мишустиным. На заднем плане домики-палаты, в которых проживали пионеры по отрядам. Вход в палату посередине. Левая половина для мальчиков, правая для девочек.

Фото из семейного архива Мишустиных (1954).

при построении на линейку для подъёма и спуска флага, в ходе репетиций, на заключительном концерте, а также во время отдыха.

Пионерский лагерь находился в ведомственном подчинении лесозавода, который и выдавал бесплатные путёвки.

В качестве отдыхающего пионера в лагере я не бывал по той простой причине, что работал летом на заводе. Зато два сезона работал в качестве старшего вожатого (1957) и вожатого первого отряда (1958). Мне было интересно работать с пионерами. Скучать не приходилось. Творческие вечера, музыкальные занятия, спортивные соревнования, походы, конкурсы, в том числе по оформлению цветочных клумб. В жаркие дни спускались с крутого обрыва к реке и купались. Для страховки вожатые заходили вглубь по грудь и следили, чтобы пионеры дальше них не заплывали. Это была своеобразная страховка. От Оби было два пути в лагерь. Один по дороге в сторону Новостройки. Это был лёгкий путь с постоянным подъёмом вверх, но очень

длинным. Купаться мы спускались с другой стороны от входа в лагерь по крутой тропинке. Круто, подниматься тяжело, особенно для малышей, но зато близко.

Распорядок дня в пионерлагере соблюдался постоянно. Утром звучал пионерский горн, при этом горнист исполнял определённую мелодию, означающую подъём. На словах это означало: «Вставай, вставай, штанишки одевай!». К обеду звуки горна передавали: «Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!». Эти два сигнала исполнялись бодро, в быстром темпе. А к отбою плавная мелодия означала: «Спа-а-ать, спа-а-ать по пала-а-там, пионера и вожа-а-атым».

Отдыхали дети в три смены. Для каждой смены я устраивал походы с изучением окрестностей. Обязательно брали с собой, выдаваемые в столовой, сухой паёк и картошку. Устраивая бивак, пекли картошку в золе костра, пели песни, развлекались. Поход всегда сопровождался участием в посильных работах в колхозе. По результатам похода делали творческий отчёт при закрытии смены. Готовили выставку, рисунки, рассказы, инсценировки. А сколько было рассказов о разного рода приключениях и новых для ребят открытиях! У костра, да и потом в лагере, одной из любимых была песня про картошку.

Ах, картошка-тошка-тошка,
Пионеров идеал-ал-ал,
Тот не знает наслажденья-денья-денья,
Кто картошку не едал-ал-ал.
Наши бедные желудки-лудки-лудки
Были вечно голодны-дны-дны,
И считали мы минутки-нутки-нутки
До обеленной поры-ры-ры.

Занятия физкультурой и спортивными играми были постоянными. Вначале выявляли лучших спортсменов в отрядах, потом при закрытии смены устраивали спартакиаду. Среди спортивных игры, были футбол, волейбол, баскетбол, городки. Была ещё игра в ручной мяч, когда имитировали волейбол без сетки, становясь кругом и перебрасывая мяч друг к другу. В общем, интересно было. И не только пионерам, но и нам вожатым.

Однажды, прознав про наши интересные дела, заглянула к нам журналистка из районного центра Молчаново, которая подготовила статью в районной газете. В другой раз приехал журналист и сказал, что нужно подготовить одного из пионеров для выступления по районному радио. Подготовил я смышлённого мальчика. Увезли его в район. Вернулся весь расстроенный, чуть ли не в слезах. В чём дело? Оказывается, он хотел рассказать своими словами о наших интересных делах, но ему дали в руки бумажку с заготовленным текстом и велели прочитать. Тогда-то впервые я столкнулся с формальным подходом в деле патриотического воспитания.

Своеобразным было определение качества работы пионерского лагеря. В лагерь приезжала специальная комиссия, которая оценивала работу лагеря не столь по делам интересным и полезным, сколь по привесу детей. Определяли вес ребят при их поступлении в лагерь и при окончании. Так вот, главным критерием оценки деятельности лагеря был привес ребёнка. Судили, сколько пионер прибавил в своём весе. Для этого в лагере были установлены специальные весы. Вероятно, это было связано с тем, что в лагере должно было быть хорошее питание при здоровом образе жизни. И действительно, ребята возвращались из лагеря домой сытыми, окрепшими с прибавившимся весом.

Ныне пионерского лагеря нет. Ну, какая может быть забота о здоровье детей при капиталистическом режиме!? Говорят, там сейчас располагается дом престарелых. Не знаю. Хотел там побывать, да времени не было.

Победа

Победный сорок пятый запомнился. Но не музыкой и цветами. Не победными песнями. Не речами на трибунах. Мал был ещё, чтобы запомнить. А может быть, всего этого и не было. В памяти моей остались два важных события, связанные с Победой. Во-первых, отца наградили медалью «За доблестный труд». Потом у него было много ещё всякого рода юбилейных медалей (и даже к 100-летию В.И. Ленина). Но эта медаль самая памятная. И хотя семья наша всё ещё значилась как ссыльнопоселенческая, отцу всё-таки вручили правительственную награду. Во-вторых, семья наша получила подарки. Мы считали, что завод вручил нам эти подарки по распоряжению Правительства. Потому что вещи были из числа конфискованного в Германии имущества. Не знаю, что получили другие рабочие и заводское начальство, но нам достались: отцу – жилет, матери – платье, а в дом радио, круглая чёрная «тарелка». Жилет отец долго носил по большим по праздникам. Он был коричневого цвета, с мелкими пуговицами и очень хорошего качества. На своё 90-летие отец его ещё надевал. А платье было в цветочки голубого и сиреневого цвета. Но такое узкое, что мать не могла в него нарядиться и со словами: «Что за платье, на шуку годится, а не на женщину» отдала дочери Шуре: «Носи, дочка, тебе впору будет». Вообще, мать для нас отдавала всё: свою любовь и заботу; кормила, обшивала нас, заплатки на одежде искусно делала – в рванине да в дранье мы не ходили. А уж пищу она готовила отменную. И, конечно, в детстве не было для нас милей и родней матери. Правду молвит народ: «При солнце тепло, а при матери добро».

Какие в посёлке были торжества по случаю Победы, не помню. Мал был, всего-то шесть лет. Но зато помню, как мы слушали по радио Парад Победы в Москве и радовались за то, что победили немчуру. По радио любили мы слушать военные песни. И сами пели «Священную войну», «Катюшу», «В лесу прифронтовом», «В землянке», «Эх, дороги», «Три танкиста», «Широка страна моя родная», «Родная моя сторона»... И действительно считали, что «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна».

По радио мы слушали эти и другие песни и запоминали слова. Хорошие концерты транслировали, и разного рода репортажи, особенно с колхозных полей. Запомнилась мне передача о демонстрации в Москве 7 ноября 1952 г. Мы слушали всей семьёй. Когда диктор сказал, что Сталин в связи с болезнью не смог подняться на трибуну Мавзолея, мать с упрёком заметила: «Вот ведь какой, даже к народу не вышел». Я тогда уже был сознательным пионером и про себя возмутился: «Как такое можно говорить про любимого Сталина?» Только потом я понял смысл материнских слов.

Память

Несмотря на невзгоды, люди продолжают жить и сохраняют свою историческую память. Ведь по памяти жить, что по грамоте. Приятно было видеть благоустроенную в Могочино Аллею памяти возле здания сельской администрации, которая преемственно размещается в том же здании, где ранее был поселковый совет. Память держит нашу жизнь. Память помогает нам выжить, как в суровую годину военных лет, так и в мирное время, которое, вдруг, подвергается опасности. Однако помнить надобно не только тех, кто защищал Родину с оружием в руках. Помнить надобно и тружеников тыла и тех детей войны, которые выросли и возмужали, пройдя сквозь военные лихолетья. И я горжусь тем, что Родина не забыла и нашу семью. Отец мой получил медаль «За трудовую доблесть» в 1945 году. А я награждён медалью «75 лет Победы» в 2020 году.

Далее на снимках фрагменты памятной территории в селе Могочино.

Победа! Она ведь не только в войне, не только на поле брани. Победа и в труде. Не даром в наши дни было такое понятие как трудовой подвиг. Не даром школьные музеи создавались как музеи боевой и трудовой славы. Не даром существовала по всей стране поисковая краеведческая экспедиция комсомольцев и молодёжи по местам, революционной, боевой и трудовой славы советского народа «Моя Родина – СССР».

Победа, по большому счёту, означала преодоление всяческих невзгод, трудных испытаний. Преодоление тяжестей жизни. Преодоление горя и обретение счастья и

благополучия. Не случайно ведь было выражение в газетных сообщениях: «Победной поступью шагает человек по советской земле». Победа – это и ударный труд на заводе, и своевременная уборка урожая на колхозных полях. Победа и в спорте, и в различных конкурсах. Не даром в обиходе такое понятие, как победитель. Победитель в социалистическом соревновании. Победитель в спорте. Победитель в конкурсах достижений народного хозяйства, самодеятельного или профессионального творчества. Ну а победителям всегда слава и почёт. А ведь «добрая слава дороже богатства» и «по заслугам и почёт». Из советской песни:

За столом у нас никто не лишний,
По заслугам каждый награждён...

И далее:

Молодым везде у нас дорога,
Старикам всегда у нас почёт...

Земляки наши победили в суровых условиях войны, победили горести и печали, создали условия для благополучной жизни. В 1970-е годы посёлок достиг своего расцвета. Жаль, что плодами этой победы не сумели воспользоваться. Жизнь переменчива. На то и русская пословица гласит: «Нет худа без добра, да и добра без худа».

Но помнить заповедано нам не только суровые испытания и подвиг во имя нашего благополучия. Помнить будем и свою жизнь в череде событий. Помнить будем наши беды и наши победы, наши утраты и трудовые затраты, наши невзгоды и счастливые годы. Память – это залог нашей жизни. В памяти нашей и друзья-товарищи, о коих сложил я сей речитатив:

Ой, вы, гой еси, да добры молодцы!
Вы могочинские наши ребятушки.
Да и где вы сейчас запропалились,
Что за беды над вами случились?
Где ж вы, милые наши ребятушки,
Раскрасавицы наши девчатушки?
А уж молодость нам не под силушку,
А уж стонет-болит наша спинушка.
Уж по восемьдесят нам поисполнилось,
Кто чего заслужил, то исполнилось.
Только детство своё крепко помним мы,
То, что будет вперёд, то запомним мы.
Пусть же птицы поют нам венчальное,
То венчальное – не прощальное.
Поживём ещё, поразвеемся,
На счастливый исход понадеемся.

Из дневниковых записей.

09.06.2013. Воскресенье. Снова всплыли воспоминания о Могочино. Кстати, в Интернете ещё за 2008 год, на сайте Могочинской школы есть информация о знаменитых людях Могочино. Вероятно, всё-таки, составители информации включили сведения о выпускниках школы, а не о людях могочинских вообще. Список небольшой. Человек 15. Среди них первым значится мой соклассник Вальдис как получивший серебряную медаль, а вторым назвали меня как сотрудника Центрального музея революции СССР, поддерживавшего связь со школой. Но почему-то не назван Лёня Мишустин, он ведь тоже окончил школу с серебряной медалью. Да у нас в школе много медалистов было. Не гоже их забывать.

Мы с тобою, мой друг, здесь родились,
Но, увы, здесь мы не пригодились.
Раскидала судьбина нас всюду,
Но родных своих мест не забуду.

Не забуду за дамбой приволье,
По весне половодья раздолье,
Когда лодкой в луга отправлялись
И лучком луговым наслаждались,
Когда летом корчёвку косили,
А зимой сено к дому свозили.
Помню я молоко по утрам,
Что сочилось по детским губам.
Помню я и рыбацкие сети –
С лодки ставили их на рассвете
При разливе реки в огороде,
Хоть и не рыбаки были, вроде.
Было детство. Счастливое детство,
Лишь оно нам осталось в наследство.
Вдруг, состарились мы незаметно.
Но хранить будем то, что заветно.
Сколько в жизни ещё мы пройдем?
Где ж спокойствие мы обретем?

Что же в итоге за три дня пребывания в Могочино?

Отыскал подругу детства соседку Валентину Кононенко, познакомился с семьями её дочерей.

В одном из магазинов разговорился с приятной и доброй женщиной. Из разговора выяснилось, что приходится родственницей друга моего детства и соседа Николая Резинкина. Он из Могочино не уехал и обзавёлся здесь семьёй. Однако, к этому времени его уже не было в живых.

Нашёл и жившую у дальних родственников нашу соседку тётю Клаву Парфёнову. Старенькая она. И память плохая. Но нашу семью вспомнила и меня тоже. С моей матерью тётя Клава дружила, можно сказать, очень тесно, хотя была и моложе. Она часто бывала у нас в гостях, да и по всяким хозяйским делам общались. Наши дома были напротив через дорогу. Во время войны, когда женщины работали на лесозаводе, оформляясь домохозяйками, я, бывало, путал мать с тётей Клавой. Когда она, возвращаясь с работы, шла через наш огород, я радостно выбегал ей навстречу, а потом конфузился.

Больше никого из знакомых. Все разъехались. Новые жильцы в их домах ничего о прежних хозяевах сказать не могли. Кое-кто только фамилию помнит.

Мечтаю снова побывать в Могочино. И не три дня. А поболее. Может быть, найду ещё знакомых или родственников друзей-сотоварищей.

Вот такие были три дня в Могочино осенью 2012 года. Ходил я по знакомым улицам и вспоминал всю свою жизнь. Сравнивал прошлое с настоящим. С юных лет я пытался рифмовать строчки. Часто мы с друзьями переделывали слова стихов или песни на свой лад. Например, была патриотическая песня, начинавшаяся словами: «На позицию девушка провожала бойца. Тёмной ночью простились на ступеньках крыльца...». А мы распевали: «В школу среднюю матушка провожала мальчика. Утром ранним простились на ступеньках крыльца...». Песню в исполнении Николая Рыбникова «Когда на улице Заречной в домах погашены огни...» мы распевали на свой лад: «Когда на улице Озёрной...». Ну и так далее в таком духе. Позднее я стал увлекаться рифмованием. Многие рифмованные строчки посвящались нашему посёлку Могочино. Далее некоторые из них.

Воспоминания разных лет в рифмованных строчках (из дневниковых записей)

28.08.2000. После Парижа

Я помню детства дивны грёзы,
Наивны думы и мечты.
Я помню шум родной берёзы...
Но сожжены давно мосты.
Уж сорок лет я не был дома,
В родной и милой стороне.
Но помню, пристань, вид парома...
Мой край родимый снится мне.
Я вижу дамбу вокруг посёлка,
Озёрной улицы дома,
Коровьи тропы по просёлкам,
В стогах пахучие корма.
Сосед с черёмухой ветвистой
Нам никогда не докучал...
Из бани с криком, шумом, свистом
Я из парной в сугроб нырял.
Весной, бывало, заливали
Нас волны обские водой.
Мы никогда не унывали
И не считали то бедой.
Скорее, пользу приносили
Разливы вешние вокруг.
Немало брёвен мы плотили.
Немало рыбы было вокруг.
Сдавали мы кротов пушнину,
Ловили щук да карасей.
На луговую на равнину
За луком ездили. По всей,
По всей затопленной равнине
Звенели пеньем голоса...
На лодках плавали стремниной...
Порой бывали чудеса.
То лодки в бурю кувыркались,
То застревали на мели.
В воде студёной мы купались,
Но лишь здоровье обрели.
А то, бывало, полны сети
Мы вынимали по утрам.
Хотя мы были всё же дет –
Мужичью долю пополам
Делили.
Не хныкали и не скулили.
Не звали в помощь своих мам –
Труд разделяли пополам.
Но жизнь промчалась по волнам,
Лишь память остаётся нам.

27.09.2010. Зауралье. Сибирь. Еду в Барнаул на конференцию.

Равнины, степи золотом горят. Камыш, трава, кустарник, перелески. В болотинах белые стволы берёз в горящей золотом траве и зелёно-золотистых кустарниках. Сосновые боры сменяются берёзовыми рощами, местами сплошной белоствольный частокол на фоне серого неба. Осин багряный цвет.

Еду я, еду просторами дальними...
Заповоложье, Урал и Сибирь...
Всюду просторы, просторы бескрайние
Всюду-повсюду бескрайняя ширь.
Ну а вот краски-то, краски осенние
Всем разноцветьем чарует мой глаз
И лучезарное это цветение –
Очарование ярких окрас
И уж покрылись берёзоньки золотом,
И уж багрянец меж ними блестит,
И изумрудным налётом окутан
Лес за травой золотистой стоит.
Ну а берёзы, берёзы-то белые
Как частоколом в болотцах стоят.
Сосны и ели-то, ели-то зрелые
Всю желтизну зеленят, зеленят.
По-за окном всё отраднo и любо.

Пóли степные и чернота
Вокруг лесов багряных...
И снова, снова красота
В позолотившихся бурьянах.

Русь, ты моя привольная,
Русь, ты моя раздольная,
Необъятная, неохватная –
Золотая страна благодатная.
Много лет по Руси я хаживал,
Ума-разума в ней я наживал.
Я родился в Сибири-матушке,
На Оби в родной хатушке,
Побывал на далёкой Камчаткушке –
Много доброго видел, ребятушки.
Я Тянь-Шанем не раз любовался
И в алтайских я реках купался,
По Карпатам бродил пешком,
В Подмосковьe бродил с рюкзаком.
На Кавказе знаком мне Эльбрус.
На Авачу взбирался, не трус,
На Медео не раз я бывал,
Эдельвейс с Кара-Дага снимал.
Побывал в благодатном Крыму,
Мандарин ел в Батуми, хурму...
Знал я воды Ишима и Волги,
Знал, сколь зимы на Севере долги.
И не раз я бывал за Уралом,
Пролетал много раз над Аралом.

Мне знакомы бульвары Парижа,
Может, с внучкой их снова увижу.
Где б я ни был, в краю дорогом,
Всюду люди встречали с добром.

Из Овчинниково на Алтае, где родина моих родителей.

О былом стихи мои.
Край я сей совсем не знаю,
Хотя корни здесь мои,
И о том узнать мечтаю.

Здесь родились мать-отец,
Здесь вели их под венец,
Здесь и счастью их конец.
Год тридцатый загремел,
Гул по сёлам загудел,
И в Нарымский край неволей
Их отправили недолей.
И вот восемьдесят лет,
Как в родном их доме нет.
Уж закончился их путь –
Пришла пора и отдохнуть.
А я пришёл в отцовский дом.
Всё также мирно в доме том...
Ему уж более ста лет,
А он стоит. Но в чём секрет –
Не долголетия его,
А пребывания моего
В родном отцовском доме?

Возвращение из Барнаула.

Лес, лес, лес, лес,
Лес за окошком мелькает
Лес, лес, лес, лес,
В дальнюю даль увлекает.
Лес, лес, лес, лес,
Леса, в перелесках поля,
Лес, лес, лес, лес,
В лесах золотистых земля.
Лес, лес, лес, лес,
Лес в золотистом багрянье,
Лес, лес, лес, лес,
Радует осенью ранней.
Жёлтой листвою покрыт небосклон,
Изредка зелень мелькает,
Белых берёзок стволы в пол наклон
В дальний пас путь провожают.

Цвет не только золотистый,
Он серебряным искрится...
Вдруг мелькнёт кусток бардовый,
Ну а там цветочек новый

То оранжевым мелькнёт,
Синевой вдруг запоёт,
То, вдруг, бежевым проглянет
И, пока ещё не вянет,
Перламутром заблестит,
Фиолетом осветит.
В лучезарье до небес
Лес-красавец, чудный лес –
Ах! Как заревом пылает,
Ярки краски посылает
От зари вечерний свет –
Лучше в мире красок нет.
А колёса не молчат –
Всё стучат, стучат, стучат...
Поезд мчится, мчится, мчится,
За окном заря лучится.
Ветер дует путевой...
Еду, еду я домой

Из дневниковых записей.

11.11.2012.

Родина моя Сибирь. Родина моя – Могочино. Родная моя улица Озёрная
(Воспоминания о поездке в Сибирь осенью **2012 года**)

Добрый день, Алёша, здравствуй.
Шлю тебе я свой привет.
Жизнь прожита не напрасно,
Хоть и радости-то нет.
Нет её и быть не может,
Коль отчизну тянут в дно.
Потому и сердце гложет,
Потому грустит оно.
Помнишь, бегали с тобою
По задворкам босиком,
Или на санях гурьбою
С гор катались кувырком.
А теперь либралы властно
Нагребают свой карман,
И вокруг царит бесстрастно
Воровство, грабёж, обман.

Пока живу, мой друг в деревне,
Пока держу в руках топор,
Пока я чту обычай древний,
Пока не затуманен взор,
Ещё надеюсь... Не напрасно
Промчался жизни трудный бег,
Ещё зовёт труба всегласно
Вперёд. Туда, где новый век
Наступит вместо помраченья,
И то, что требует леченья,
Исправится. И снова в путь,
Хоть как-нибудь, куда-нибудь...
Что впереди? Того не знаю...

Но я пока не умираю...
Картошку по весне сажаю...
Я книги новые пишу...
И тем живу, и тем дышу.
Мои стихи несовершенны,
Но, может, потому и ценны,
Что в них звучит вся боль души.
Читай спокойно, не спиши.

О, детство, детство, детство наше.
О, наших улиц ровный строй.
Тебя, о детство, нету краше,
Ты снишься розовым порой.
Но роза стала, вдруг, кровавой
С лилово-чёрной полосой.
Досталась Родина неправым.
По ней с оскалом и косою
Лютует баба костлевата
С трёхцветным знаменем в руках.
Ей жертв мужицких маловато,
Ввергает Родину во прах,
Вгоняет матерей во страх.

Был Лёня лучшим баянистом,
А ныне всё в тумане мгlistом.
А ныне астма и костыль,
И бьётся за окном мотыль.
Но ты не дрейфь, мой милый друг,
Не поддавайся на испуг.
И хоть в квартире ты один,
Ты над судьбою господин.
И пусть звучит ещё Огинский
И «Деревенька» та моя,
Хоть обошлись едряки свински,
Мы любим отчие края.
Нет нашей улице в посёлке,
Но мы о ней ещё споём.
Ещё побродим по просёлкам,
Ещё помашем костылём.

29.03.2013. Пятница.

Лёню Мишустина с днём рождения поздравил ещё 27 марта. Стишками. Оценно он был доволен.

Лёня, друг мой незабвенный,
В школе был у нас отменный.
В Томске кончил ТГУ,
Что славнее МГУ.
Труд познал в Новосибирске
И с характером сибирским
Ты в Москве, вдруг, оказался
И со мною повстречался.
Я же рад тебя поздравить

И стишки тебе направить,
Чтобы в семьдесят четыре
Жил ты в дружбе, ласке, мире,
Чтобы с доброю душой
Повстречал ты праздник свой.

В доме-то покой, а вот в стране нашей многострадальной никакого покоя нет,
полный беспросвет.

Разбой, разгул, разврат, развал...
И кто сюда вас, либры, звал?
Порастащили всю страну,
Забыли нашу старину,
Когда народ артельно жил,
Со всеми с добротой дружил.
А ныне правит бал бандит,
Во власти олигарх сидит
И грабит, грабит он народ,
Пошло хозяйство всё в разброд –
Людей до нитки обобрали,
Пенсионеров обокрали,
Отмыли деньги в заграницу,
На Кипр, иль в Лондон, или в Ниццу.
В руинах фабрики, заводы
И нет на реках пароходов...
Кругом разбой, разврат, развал,
Ну, кто сюда вас, либры, звал?

Там, где Обские разливы пески намывают,
Там, где над Обью свободные птицы летают,
Там, где когда-то стояли заводы,
Там, где гудели всегда пароходы,
Там, моя родина, там я родился,
Только, увы, дома не пригодился.
С грустью печальной и горестной болью
Вижу разруху, развалы окрест.
Нет уж бывалого в прошлом приволья,
И на судьбе моей тягостный крест.
Боже, куда же страна покатилась!
В торгашеский ад наша жизнь превратилась.
Царствует ныне бандит и грабитель.
Родина плачет, стенает обитель.
Стонет отчизнушка, где я родился,
Но в милой сторонке я не пригодился.

27.04.2013. Взгрустнулось по родной сибирской стороне после её посещения.

Привет, привет, мой старый друг,
Ты помнишь дни наши былые,
Ты знаешь, что внезапно, вдруг,
Промчались годы молодые.
И мы с тобой уже не те,
Уж сединою мы покрылись
И на своей мы высоте

Тихонечко угомонились.
Но мы не зря порой всерьёз
Супротив «мельниц» воевали
И было горько нам до слёз,
Когда друзей своих теряли.
Так ты держись, мой друг, держись,
Ещё не всё у нас пропето,
На друга детства положись,
Он не оставит без ответа.

«Шоковую терапию» мы пережили.
А взамен-то что получили?
Развалины заводские,
Улицы полупустые,
Огороды не копаные
Да штаны не штопаные?
Остались в посёлке одни старики,
Да алкаши в монастырь подались...
У славной нашей когда-то реки
Пески образовались.

Когда, мой друг, в тиши безлюдья
Ты загрустишь о прошлом, о былом,
Неплохо бы пойти в полюдьё,
Оставив на часок уютный дом.
Когда, мой друже, в грусти одинокой
Ты вспомнишь, вдруг, о прошлом о былом,
Тогда всплывёт девицы нежный локон
И цвет черёмухи пахучей пред окном.
И взгляд, тобой любимый, светлоокий
И свой родительский уютный дом.
Тогда забудутся печали и ненастья,
Коль в детство обратишь свой ясный взор,
И вспомнишь ты минуты счастья,
И сгладится всему немой укор.

04.06.2013.

Было ль, не было ль, иль было.
Всё прошло, давно уплыло.
Детство, юность возмужалость,
Только старчество осталось.
Будет ли, или не будет
Жизнь в раю –то Бог рассудит.
Жить-прожить осталось малость,
Чую я свою усталость.
А, бывало, в юны годы,
Когда были пароходы,
Смело на корму взбирались,
В реку сверху мы бросались.
Поздно вечером порой
Возвращались мы домой.
Где ж вы, славные ребята,

Где ж вы, милые девчата.
Где ж мой милый отчий край,
Где дворняжки добрый лай,
Где ж разливы рек весною,
Где ж снега, снега зимою,
Где ж футбольные поля?
Их уж нет. В пусте́ земля.
Не поют в ДК девчата,
Не приходят к ним ребята,
И ДК того уж нет,
От него простыл и след.
И завод наш развалился,
И базар давно закрылся,
И библиотеки нет,
Что давала жизни свет.
Рушен лагерь пионерский,
Нет купальни приозерской...
Всё кругом порушено,
Всё кругом разрушено.
Доживают у реки
Лишь старухи-старики.
Их немного уж осталось,
Да и жить осталось малость

06.07.2013. Суббота. Вновь вспоминаю свою родину.

Луна столбом сверкала над рекою,
Когда на лодке возвращались мы домой.
Свиданья с милыми судили меж собою,
Гребли неспешно. Той порой
Нам всё казалось в мире лучезарным.
Встречались с девушками, искренне любя,
И верили в счастливейшую карну
Или судьбу. Она тебя
Уж никогда в распу́тьи не оставит,
Уж не покинет где-то в полпути;
И никого из наших не ославит
В труднейший час. И мы пройти
Готовы были вузовские будни
И череду армейских лет.
И как бы ни был путь наш труден,
Мы были счастливы. А в чём секрет?
Да в том, что в детстве нас трудиться приучили
И убедили нас друзей не предавать.
Мы нежно, бережно подруг своих любили,
Они любили нас. Иначе не бывать.
А лодка, между тем, плывёт, плывёт на стрежень.
Луна блестит серебрянным столбом...
Мы к руслу старицы спешим на межень.
Уж утро близится. А вот и дом.
Тихонько проберёшься к сеновалу,
Вздремнёшь часок и - пулей на завод.
А вечером, частенько так бывало,

Вновь через Обь. К подругам в хоровод.
Мою подругу звали Машей,
А Боря Ниною подругу величал.
Любовь и дружба были наши,
Казалось, на века. И я о том мечтал.
Но после школы нас судьбина разметала.
Остались Маша с Ниной на Оби.
Бориса на Украину загнало,
Меня - в Москву. Труби труба, труби.
Зови в те годы детства удалые,
Которые не можем мы забыть.
Не можем позабыть мы дни былые.
Не можем. И всегда будем любить.
И сколько б ни блуждала наша лодка
Среди порожистых извилин у реки,
Мы путь свой продолжаем ходко
И помним детство. Годам вопреки.

15.07.2013. Суббота. Поехал на встречу с другом моим могочинским Лёней Мишустиним, побеседовали, повечерили, повспоминали свою родину.

Дай, друг старинный, руку мне.
Руки той крепче не сжимал я с роду.
Давай с тобою вспомним о луне,
Что светила нам в ясную погоду.
Я солнышка не помню ясно так,
Как лунный свет над Обью, серебристый,
Казалось бы, совсем простой пустяк,
Но лунный свет всегда такой лучистый.
Романтику нам юность принесла,
Романтику нам юность подарила,
Романтика на лодке у весла
Нас с юности на веки покорила.
И вот теперь осьмой десяток лет
Идёт сквозь мимолётные мгновенья,
Но всё же и на склоне лет
Не чужды мы былого вдохновенья.
Дай, друже, верный, руку мне,
С тобою вместе мы пройдем сквозь лета.
Жить будем на яву, а не во сне,
Всегда и всюду с дружеским приветом.

21.07.2013. Воскресенье.

Я волны веслом разрезал в половодье,
Многажды в цветущем бывал пиигодье.
На Обь выплывал я послушною лодкой
Она подчинялась и двигалась ходко.
Струилась река, унося свои воды.
Стремилась буксиры по ней, пароходы –
В Колпашево, Томск, Барнаул, Нижневартговск,
Минуя судьбины горючей превратность.
Идёт «Кузьма Минин», идёт «Пролетарий»,
Над ними ночной, в звёздах весь, планетарий,

«Хмельницкий Богдан», «Карл Маркс» - по волнам
Все чалили бóртом у пристани к нам.
И новой поклажей они здесь грузились,
А грузчики ловко вокруг суетились.
Студенты, по бедности, в трюмы спускались.
На палубе верхней дельцы наслаждались
За «зайцами» бегали злые матросы.
Курили махорку мы – не папиросы.
В заборе мы знали немало проходов,
Чтоб без билета пролезть к пароходу...
А лодка моя в пароводских волнах
Ныряла вверх-вниз... И не чуял я страх.
Я лодку веслом управлял молодецки.
Я был комсомольцем когда-то, советским.
А ныне уж в лодке на Обь не проехать –
Кусты да пески на пути том помехой.
И пароходы давно не гудят,
И многих на свете уж нету ребят.

15.08.2013. Четверг. 3.30 утра.

Я проснулся утром рано,
Когда начало светать,
И, залечивая раны,
Стал о детстве вспоминать.
Грёзы, грёзы, грёзы, грёзы,
Грёзы детства моего...
Где вы, белые берёзы,
Где ты, лёгкое весло?
Где черёмухи цветенье?
Где разливы по весне?
Я их помню, без сомненья,
Часто вижу их во сне.
Грезил я о том, кем буду...
Вышел я в профессора...
Детство наше помнить буду –
В нём счастливая пора.
Вот уже осьмой десяток
Я по жизни прошагал.
Нет уж многих из ребяток,
Многих долго не видал
Нет уж улицы Озёрной,
Нет уж дома моего,
Нет уже лука, что ведёрно
Привозили мы его
Нет коров уж тучных стада,
Не стучат и топоры,
Нет по улице ограда,
Позабыли про багры.
Нет и школы-семилетки,
Дом культуры, вдруг, исчез...
Мы, не зная про таблетки,
Уходили часто в лес.

Мы по озеру, бывало,
Лодку правили веслом,
А по снежным покрывалам
Пробегали босиком.
А весной по тротуарам
Шли к Оби на ледоход
И на пристани с товаром
Ждали первый пароход
Всё то было, всё то было...
Школа... шумный стадион...
Только всё это уплыло.
Не звучит аккордеон.
И не слышен звук баяна,
Нет весёлых вечеров...
Позарос завод бурьяном –
Ту беду раскрыть нет слов.

26.08.2013. Суббота. Когда написал, не помню, перелистываю блокнот и нахожу строчки о моей родной сторонке.

Ой ты, Обь-река, ты разливица,
Средь лесов, холмов ты извилица.
Воды вдаль бегут, разливаются,
Сёла там и тут расселяются.
На яру крутом храм является,
Тишина кругом простирается.
Я сойду к реке, сяду в лодочку
И прижму к себе я молодочку.
Наша Обь-река была свидетелем,
Что я был тогда добродетельным.
Я любил тогда с лаской нежною.
Жизнь казалась мне безмятежною.
Ты скажи мне, Обь, где она теперь
И в какую мне к ней стучаться дверь

26.09.2013. Четверг. Полнолуние. Ночью сквозь облака луна пробилась, светила ярко. Бессонница. От трёх до четырёх часов утра вставал несколько раз, чтобы записать возникшие рифмы.

О разном разными строками.
Вспоминаньем поделюсь я с Вами.
За сеном мы ходили вёрстами,
Возили на санях из дальней дали,
Чтоб накормить корову нашу краснопёструю,
Которую мы Танькой звали.
Пришла весна, садимся в облосок,
Плывём к Оби широкими разливами.
Кругом вода, плыви хоть в Каргасок,
Весной вода приливами-отливами.
Наш пёс дворняга Рэкс ютился под крыльцом.
Зимой на нём дрова возили.
В дороге он держался молодцом,
Когда мы на покосы с ним ходили.

25.12.2013. Среда. Рождество у католиков. Послал поздравление в Париж Франсису Конту. А на дворе всё тает и тает. Земля всё больше обнажается. Две ночи хорошо спал. Сегодня опять долго не мог уснуть.

Когда за ночами бессонными
Вдруг в памяти что-то всплывёт,
Встаёт за годами, за тёмными
Босоное детство моё.
Оно мне и близко и дорого,
Оно мне грустить не даёт,
Оно с сединой входит в бороду –
Босоное детство моё

17.12.2013. Пятница.

Солноворот прошёл. Дни будут прибавляться. Солнце на лето, зима на мороз. Но мороза-то как раз и нет. Ночью было ноль градусов. Днём опять всё тает. Франсис Конт откликнулся. Отдыхает с внуками в Альпах. Прислал фото альпийской деревни. Всё там в снегу, прямо-таки Сибирь. Просил послать ему мои статьи по музееведению. Надо сделать подборку. Сейчас он готовит выставку Марсель-Одесса. Боится выехать в Одессу в связи с событиями на Украине. А там очередной майдан. Бендеровцы рвутся к власти. Нашли предлог для возведения баррикад. Янукович отложил подписание договора о вступлении в ЕС, а те требуют немедленного вхождения в Европейский союз. Продолжаю работать над Летописью Каргополья.

Уходят годы молодые,
Приходят годы пожилые...
Пора итоги подводить
И своё кредо утвердить.
Что было в нашем бедном детстве,
С кем жили мы с тобой в соседстве?
Могу одно, мой друг, сказать –
Люблю я детство вспоминать.
Люблю я вешние разливы,
Лягушек звонких переливы,
Люблю вечерний я закат
И волн прибрежный пережат.
Нам труд был словно бы забава...
А ныне по ТВ отраву
Нам денно-нощно всюду льют
И жить спокойно не дают.
Всю власть отдали олигархам,
Уж кто-то мнит себя монархом...
Штормует, пенится волна –
Идёт гражданская война.
Никто ничто не производит,
Торговый люд с ума лишь сходит.
Торгуют все. Стреляет всяк,
Лишая жизни за пустяк.
Идёт война супротив власти...
Кипят вокруг деньжонок страсти...
Кто производству двинет ход?
Кто восстановит наш завод?
И кто ответит мне достойно,

Когда нам жить будет спокойно?
Когда наступит время счастья?
Иль будем жить в одном ненастье?
Кто мне о том сегодня скажет
И правду-матушку покажет?
Кто нам ответит за развал?
Кто вас сюда, либрыки, звал

29.12.2013. Воскресенье. По дороге в Клин размышлял о предисловии к будущей книге «Три жизни».

Я покинул Сибирь давно,
Через полвека туда возвратился.
Так, уж видно, судьбой решено,
Что в Сибири я не пригодился.
Пометала повсюду судьба –
От Карпат до окраин Камчатки,
Но Сибирь буду помнить всегда,
Как бы ни были дни мои кратки.
И в Париж был заброшен судьбой,
Где пришлось поработать в Сорбонне.
Русский Север, вдруг, стал мне родной,
Этот край лучезарный, стозвонный.
А теперь на исходе преклонных уж лет
Я в деревне живу, в Подмосковье.
И отсюда я шлю с добротой привет.
Вот такое моё предисловье.

30.12.2013. Понедельник.

Во дворе на ледяном слое вода. Погода как бы протестует против социальных условий в стране нашей многострадальной. Опять теракты. Два подряд. Вчера и сегодня. И оба в Волгограде. Вчера взрыв на вокзале, сегодня в троллейбусе. Десятки погибших и пострадавших. А наше телевидение прямо-таки вопиёт, но не от ужаса произошедшего, не от причин подобное допускающих, а вопиёт о доблестных спасателях и начальниках, которые предпринимают все меры... нет не к предотвращению терактов, а к оказанию помощи семьям пострадавших. Ах, вопиют журналисты, какие молодцы чиновники: и соболезнования выражают, и раненых перевозят в Москву, и денежные компенсации выплатить обещают, непременно о героизме полицейских сообщают, хотя борьба с терроризмом никакой не героизм, а обыкновенное выполнение служебных обязанностей. Что-то молчит мой друг Лёня Мишустин. На послания мои не отвечает. Пошлю-ка я ему новогоднее поздравление.

Здравствуй, Лёня. С новым годом!
Стукнет семьдесят нам пять.
Помнишь? Плыли пароходы!
Нет уж их. То как понять?
Как понять, что нет буксиров?
Как понять на склоне лет –
Нет в причале пассажиров.
И завода уже нет.
Дом культуры был. И что же?
Нет его. И клуба нет.
Совесть либрыков не гложет.
Да и совести-то нет.

Разорили, развалили...
Стал посёлок бомжеват.
Что ж вы, либры, натворили?
Кто в развале виноват?
Есть по старости вопросы.
Но ответов на них нет.
Всех оставили нас с носом –
Малой родины уж нет.
Да и где страна большая?
У людей Отчизны нет.
Что же будет – я не знаю.
Всё же шлю тебе привет.
И желаю, сколь возможно,
О судьбе не горевать.
Жить, конечно же, тревожно.
Но не будем унывать.

23.01.2014. Четверг.

Крепчает мороз, крепчает. Сегодня, наверное, до минус 30 было. Печка топилась до 6 утра, но в комнате большой было только плюс 18, а к 10.00 –плюс 8. Затопил в 11.00. прогревается слабо. Читаю воспоминания Л.В. Беловинского. Очень субъективно обо всём судит. Свои собственные наблюдения выдаёт за общие. Животная ненависть к советской власти. Обвинительные факты в её адрес убедительны, но их подбор односторонен. Прямо-таки по-ленински: самым убедительным являются факты, особенно, если подобрать определённым образом. Уж так печалуется на свою бедность, так печалуется. Но в детстве-то его у них в семье и машина была, и мотоцикл, и велосипеды, и ружья, и на покупку книг деньги были, и сладости всякие он знал, и даже детский велосипед у него был, и на охоту-рыбалку время было ездить на своей машине, и в МГУ поступил без проблем. Всего этого в моём детстве не было. Учась в школе, он на заводе не работал, был помощником только в семье. А я с 5 класса летом ходил на завод, где нас принимали в качестве малолеток. Шкурили шахтовку –заготовку обрезков горбылей для обшивки штреков в шахтах. С 7 класса мы уже работали в качестве домохозяек и выполняли более сложную работу на бирже пиломатериалов. После 8 класса мне уже на мои заработанные деньги купили велосипед. А что такое детский велосипед, я узнал, увидев его впервые в городском саду только в Томске, когда поступил в пединститут в 1956 г., когда мне было 17 лет. Да и что такое фрукты, я узнал тоже только в Томске. Ананас купил впервые в Москве, когда был уже женатым, и Оленьке, дочери, было два года, а мне –27 лет. А Беловинский яблоками объедался и вареньем обливался при посадке в вагон поезда после поездки на Украину из Челябинска. И все-то вокруг него люди отрицательные, всё-то он описывает с негативных позиций. Прямо как Глеб Иванович Успенский при описании нравов Растеряевой улицы. Но Г.И. Успенский писал литературное произведение с обличением нравов и пороков того времени, а Беловинский претендует на описание реальной жизни. Положение ссыльных он описывает с высоты позиции сынка начальника: ах, какие они были несчастные, бедные да затюканные. А я-то родился и жил в семье ссыльного. И мне-то лучше знать положение ссыльных, я эту жизнь изнутри знаю и помню. Мне-то лучше знать положение вещей. И про трудовой стаж, который, якобы, ссыльным не засчитывали, - враки полнейшие. Мой отец, ссыльнопоселенец, и медаль получил в 1945 году за Трудовую доблесть и на пенсию вышел с достойной по тому времени оплатой труда. При получении зарплаты около 1200 рублей, ему была начислен пенсия в 850 рублей. И мать не обделили, потому

что она тоже работала на заводе, хоть и в качестве домохозяйки, т.е. чернорабочей. Я же, выходя на пенсию в 1989 году и зарабатывая в то время, будучи профессором, 4,5-5 тысяч рублей в месяц на разных работах, получил пенсию 385 рублей 16 копеек. Есть разница? Стоило ради этого ломать советскую власть? Не ломать надо было, не корёжить всё достигнутое, а совершенствовать, преобразовывать, развивать, а не грабить и разворовывать страну, как это происходило и как происходит донныне.

06.02.2014. Четверг. О былом и настоящем

Ну что, брат Пушкин, не пора ль поговорить о нашем сущем
И вспомнить о твоём былом, поговорить о дне насущном.
Ты завещал своею лирой добро всемерно пробуждать,
Воспетую тобой свободу пришлось нам долго-долго ждать.
Твой век жестоким был, конечно: цензура, палки для солдат...
Но продолжалось то не вечно.
Не стало ль хуже нам стократ?
Твой век расцвечен был культурой:
Жуковский, Гоголь, Тютчев, Фет...
И Лермонтов, Брюллов, Кипренский, и Глинка...
Таковых уж нет.
Ты памятник воздвиг себе «нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа»;
А ныне дух в культуре – ох, тлетворный и вместо гениев – толпа.
Толпа зевак и графоманов... Здесь «люди гибнут за металл».
Повсюду блуд, обман, лукавство...
Здесь олигархи «правят бал».
Воспел ты ножки Терпсихоры. А ныне их кому воспеть?
Лишь славу либрам славят хоры.
А для народа кнут и плеть.
Кнутом вгоняют нам в сознание: ограбь, своруй, купи, продай...
И никакого начинанья по производству. Отчий край!
Кто и зачем тебя разрушил.
Кто стёр с лица завод, колхоз?
Кто дом культуры наш порушил?
Кто пристань в одночасье снёс?
Когда-то «чудное мгновенье» ты ощутил в пылу страстей.
А ныне где то вдохновенье средь разрушительных вестей?

14.12.2018. Из воспоминаний.

Свет лунный пал столбом серебристым,
По водной глади. Тишина.
Под лодкой медленно струится
Вода. И бьёт о борт волна.
Я возвращаюсь со свиданья,
Я полон радостных надежд.
Я весь наполнен ожиданьем.
Я окружён весны одежд.
Путь долог к дому. Обь широка.
Протокою ещё мне надо плыть.
Ты предо мною, волоока.
Как мне такую не любить!
Вот позади уже протока,
А впереди озерья гладь.

Мне плыть совсем уж недалёко...
Вот дом. Крыльцо. И можно б спать...
Но тщетно. Лишь вздремнув немного,
Спешу на свой лесозавод.
Вы не судите меня строго,
Но завтра снова в хоровод
Девичий я отправлюсь. К милой.
На тот, на берег на крутой.
О! Как же страсть меня томила!
Как светел диск был золотой.

25.3.2019.

Ты, Алёша, друг мой, сильно не тужи
И в постели мягкой долго не лежи.

Выйди за околицу,
На зелёный рай,
Распахни оконницу
Да в баян сыграй.

Соберутся девушки
Около тебя,
Тебя, седого дедушку,
Снова возлюбя.

Ты сыграй, как смолоду
Вальс иль полонез.
Пусть умчатся холоды
В дальний тёмный лес.

Пусть весна закружится
По округе всей,
И с тобой подружится
Славный Алексей.

Человек он Божий,
С людьми со всеми схожий,
Ручьями управляет,
Весну к нам призывает.

Вздыбится на горке
Розовым конём.
Взглянет с неба зорко,
Вскроет водоём.

Не грусти, Алёша,
Весна уже в пути.
И хоть ещё пороша,
Но то не по сути.

А суть, мой милый друже,
Как ты не крути -
Семье-то ты ведь нужен -
И в этом суть сути.

15.11.2019.

То вдруг, серебром засияет луна,
То вдруг, затуманится блекло она,
То золотом светит с высоких небес,
То вдруг, половинки возникнет обрез...

Луна освещает полночный наш путь.
В дороге путь лёгок, в пути не заснуть.
И тихо. О! Тихо в безмолвьи ночном.
Луна серебрится на поле речном.
Я вёслами правлю мой старенький чёлн.
Он плавно скользит среди серебрянных волн.
Я со свидания еду домой.
Но думы, по прежнему, рядом с тобой.

12.08.2020. Среда.

Жил в нашем посёлке сосед Бондаренко.
Дружили же мы с Михаилом Хоменко.
Задиристым был Николай Кононенко,
Бывало лупили его в переменку,
Когда был один он, а нас было трое...
Однажды он мне потасовку устроил,
Нос в кровь раздробил... Бегу к маме я с рёвом -
Я малый совсем, а он был здоровый.
А мать: «Не реви, не умеешь коль драться,
Пора уже с детством тебе распрощаться.
Умойся. Не хнычь. И пора за работу»...
Я так благодарен за эту заботу.
С тех пор все невзгоды легко проживаю,
Наказ материнский не забываю
И часто при бедах своих повторяю,
памятуя стихи Сергея Есенина: «Ничего, я споткнулся о камень, это к
завтраму всё заживёт» или «Всё пройдёт, как с белых яблонь дым». А
детям своим при их ушибах и ссадинах говорил: «Ничего, крепче
будешь».

15.11.2020. Воскресенье.

Я помню небо голубое,
Над нашей крышей облака.
Я помню детство удалое
И поцелуи на устах.
Я помню Обь, её разливы,
Лягушек переливный звон...
Я был тогда вполне счастливым.
Не знал я, что такое стон.
Я помню волны за кормою,
Когда сжимал весло в руках,
А ты жила там, за рекою.
Не знал я, что такое страх.
С тобою за рекой встречался,
Тебя я нежно целовал,
Твоей красою любовался...
Другого счастья я не знал.
Года мгновеньем пролетели,
Остался в прошлом жизни путь.
С тобою вместе быть хотели...
Но той мечты уж не вернуть.
Осталась ты за Обью где-то.
А я изъездил всю страну

Но помню я зимой и летом
Тебя, любимую, одну.

О родина! Родная сторона.
Тебя спознал я всю до дна.
И где б я ни был, где бы ни скитался,
С тобою никогда не расставался.
Повсюду в мыслях я с тобой.
Всегда со мною образ твой.

Издание мемуарной литературы

Решетников Н.И. Три дня длиною в жизнь. Дополнение к автобиографическому повествованию «Три жизни. Сын врага народа. М., 2021.